

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

1978

6

«Земля любит уход»,— говорит Надежда Александровна Хрипунова, главный агроном колхоза «Красный Октябрь» Сонковского района Калининской области.

(Читайте материал «Строим новую деревню» и смотрите цветные фото на нашей вкладке).

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР» МОСКВА

6 (90) ИЮНЬ 1978

Издается с 1971 года

Главный редактор С. Н. СЕМАНОВ.

Редакционная коллегия:

Б. А. ВИКТОРОВ, Н. А. ГАВРИЛОВА, И. К. КОВАЛЕВ,
И. Н. КУЗНЕЦОВ, В. В. ЛИПАТОВ,
Г. П. ПОЛИТЫКО (ответственный секретарь), А. М. РЕКУНКОВ,
П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,
П. И. СКОМОРОХОВ (заместитель главного редактора),
А. Я. СУХАРЕВ.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

Ленинские уроки права

А. Косицын. Конституция общенародного государства 4

Беседы о Конституции

Ю. Налин. Образец демократии и веры в будущее 16

В Министерстве юстиции СССР 27

Слово о народном депутате

В. Стерин. Быть нужным людям 28

СОБЕСЕДНИК:

Сверяясь с Основным Законом

Строим новую деревню 35

З. Фадеева. Воспитываем сообща 46

А. Кабешов. Две пригоршни пшеницы 48

Нам пишут 52

Растить гражданина

Т. Курелла. Хочу поделиться своим горем... 56

А. Ющенко. Опоздал... 60

Редакции отвечают 62

Ради счастья детей 65

Наши интервью

Образование юридическое, среднее 66

Главный художник **В. Т. СЕЛИВАНОВ.**

Технический редактор **Л. Л. ЕЖОВА.**

Корректоры **А. В. ЕЛИЗАРОВА, Б. С. ТУМЯН.**

Адрес редакции: 129850, Москва, И-110, ГСП, Трифоновская ул., 34.

Телефон: 281-68-12.

Сдано в набор 31/III-78 г. Подписано в печать 12/V-78 г. А02121. Формат 84 × 108^{1/32}. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладка. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 10,38. Заказ 2534. Тираж 3 435 000 экз. (1-й завод — 1 000 000 экз.).
Цена 40 коп.

Отпечатано 535 000 экз. (из общего тиража 3 435 000 экз.) с матриц Первой Образцовой типографии им. А. А. Жданова в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16. Зак. 2849

Герман Рыжиков. Кто примет его наследие?..	70
Комментарий юриста	79
Судебная хроника	83
Письмо из редакции	
В. Машуков. Ссора	84
По протесту прокурора	91, 101, 115
Судебный очерк	
В. Франюк. Дело об увольнении	92
Комментарий юриста	98
Критика и библиография	
Е. Новиков. По закону разума и сердца	102
В. Каргалов. «Серебряное кольцо»	104
СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:	
Наши консультации	
В. Степанов. Ответственность за потравы посевов	116
Читатель на приеме у юриста	
О ссудах сельским жителям на строительство индивидуальных домов	119
Взимается ли с владельцев скота плата за пользование земельными участками для выпаса	121
Время. Законы. Люди	
Юрий Давыдов. Юрисконсульт следственной комиссии	122
Они сами о себе	
Мишель Зейферт. А на досуге следователь грабил	138
Зарубежная мозаика	144

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Павел Иванович Савушкин, старший юрисконсульт Боровского районного производственного управления сельского хозяйства Калужской области. В том, что труженикам этого района в 1977 году присуждено переходящее Красное Знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, есть немалая заслуга и сельских юристов.

Фото М. ШИШАНОВА.

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: русское поле...

Фото В. ЗИМИНА

ПРАВОВОЙ

ленинские
уроки права

А. КОСИЦЫН,
профессор,
доктор юридических наук

КОНСТИТУЦИЯ

Тод назад был опубликован для всенародного обсуждения проект Конституции СССР. В летопись революционного преобразования мира, начатого Великим Октябрем, принятие Основного Закона первого в мире общенародного социалистического государства вошло как важная веха, обозначившая новый этап развития советского общества в его поступательном движении к коммунизму.

Конституция СССР 1977 года — документ огромного теоретического и политического значения. В соответствии с принципом преемственности в ней в полной мере учтены основы советского государственного строительства, заложенные Лениным, положения прежних Конституций Советского государства. Она опирается также на проведенное в последние годы обновление и совершенствование советского законодательства и как бы венчает то, что сделано в этом отношении.

Положение Конституции СССР об общенародном социалистическом государстве получило закрепление и в Конституциях союзных республик, принятых недавно после всенародного обсуждения.

Обобщая весь опыт советской истории, практику организации и совершенствования государственного устройства нашего общества, развития его демократических институтов, Конституция обогащает

УНИВЕРСИТЕТ

ОБЩЕНАРОДНОГО ГОСУДАРСТВА

этот исторический опыт новым содержанием, отвечающим требованиям современной эпохи.

Термин «конституция» происходит от латинского слова, означающего устройство, установление. Впервые он встречается еще в законодательстве Древнего Рима, однако в современном значении понятие конституции как основного закона, определяющего главные начала общественного и государственного строя, утвердилось в более позднюю историческую эпоху, связанную со становлением капитализма.

«...Конституции, установившиеся в разных странах Европы,— писал В. И. Ленин,— явились результатом долгой и тяжелой классовой борьбы между феодализмом и абсолютизмом с одной стороны, буржуазией, крестьянами, рабочими — с другой. Писанные и неписанные конституции... представляют собой лишь запись итогов борьбы, получившихся после ряда тяжело доставшихся побед нового над старым и ряда поражений, нанесенных новому старым».

Возникнув в эпоху буржуазных революций, конституционный способ регулирования государственной жизни получил широкое распространение во всем мире.

Формы конституций могут быть самыми разнообразными, начиная от простых деклараций и кончая усложненными правовыми ак-

тами, детально регламентирующими основные стороны государственной жизни. Но при всем разнообразии форм все конституции по их сущности и содержанию можно разделить на два типа — социалистические и буржуазные.

Защитники капитализма изображают буржуазные конституции как результат выражения общей воли, социальной справедливости, правового порядка и так далее. Они пытаются скрыть, что конституция в действительности отражает соотношение классовых сил в момент ее принятия, закрепляет диктатуру господствующего класса, удобную ему форму правления и государственного устройства. Да и сами буржуазные конституции строятся таким образом, чтобы было удобнее замаскировать капиталистический характер государства, власть буржуазии, ее экономическое и политическое господство.

Ни в одной из буржуазных конституций нет поэтому положений о социально-экономической структуре общества, его политической организации, классовом характере государственной власти. Основное внимание они уделяют обычно структуре государственных органов, их компетенции, организации судебной системы, некоторым аспектам правового положения личности.

Характерная особенность конституций буржуазного типа состоит в том, что всем им присущ формализм и декларативность. Провозглашая демократические права и свободы граждан, они не обеспечивают их никакими гарантиями. Более того, во многих случаях, декларируя демократические институты, объявляя их «вечными и незыблемыми», буржуазные конституции сопровождают это такими оговорками и ограничениями, которые сводят на нет и фактически лишают граждан самых элементарных прав и свобод. В свое время Маркс дал меткую характеристику таких конституций, справедливую и в наши дни: «Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке».

Социалистические конституции четко и ясно определяют основы экономической и политической организации общества, характер государственной власти, принципы организации и деятельности государственных органов, основные права и обязанности граждан, а также гарантии осуществления прав и свобод. В социалистических конституциях законодательно закреплены общественные отношения и порядки, соответствующие воле и интересам трудящихся, задачам строительства коммунизма.

Так, новая Конституция СССР дает целостную картину развитого социалистического общества, законодательно закрепляет пол-

новластие народа, достижения всенародной социалистической демократии, систему органов власти и управления, национально-государственное устройство, правовой статус личности и другие важные принципы общенародного социалистического государства.

Воплотив в концентрированном виде результаты исторического развития советского общества, Советские Конституции уделяют первостепенное внимание характеристике политической системы развитого социализма, всесторонне раскрывают механизм политической власти, коренные принципы ее организации и деятельности.

Под политической системой социалистического общества понимается совокупность государственных и общественных организаций, которые под руководством Коммунистической партии участвуют в осуществлении государственной власти, в управлении государственными и общественными делами. Самое существенное в политике, говорил В. И. Ленин,— это устройство государственной власти. «Политика,— подчеркивал он,— есть участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства».

Характерная особенность развитого социалистического общества состоит в том, что здесь в политику включаются миллионы людей, все классы и социальные группы, общественные организации трудящихся, весь народ. Впервые в истории человечества государственная власть и народ, веками противостоящие друг другу, составляют тесное и неразрывное единство. В результате этого политика приобретает характер подлинного народовластия, полной и последовательной демократии, составляющей сущность и содержание деятельности государства развитого социализма.

Определяя структуру политической системы, Конституция СССР вполне естественно выдвигает на первый план государство с его органами власти и управления. Основной Закон закрепляет общенародный характер Советского государства как один из важнейших результатов построения развитого социалистического общества. «Союз Советских Социалистических Республик,— говорится в статье 1 Конституции,— есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны».

Эта конституционная формула выражает суть научной концепции государства развитого социализма, которую выдвинула и обосновала КПСС в своих программных документах. Разработка этой концепции явилась выдающимся достижением общественной мысли, большим вкладом нашей партии в марксистско-ленинскую теорию.

Идея общенародного социалистического государства, законода-

тельно закреплённая в Советских Конституциях,— это ленинская идея. Даже терминологически она соответствует ленинским характеристикам государства на первой фазе коммунизма. В работе «Государство и революция» в качестве важнейшей отличительной особенности социалистического государства Ленин отмечал его единство с обществом, тесную и неразрывную связь со всеми гражданами. Считая главным для нормального развития первой фазы коммунизма учет и контролирование государством производства и распределения, он отмечал общенародный характер этой функции, поскольку все граждане рассматривают государство как свою организацию, их объединяющую и сплачивающую. При социализме, подчеркивал Ленин, «все граждане становятся рабочими и служащими одного всенародного, государственного «синдиката».

В условиях развитого социализма все более полно раскрывается органически присущий Советскому государству со времени его возникновения демократизм нового типа. Шестьдесят лет назад Ленин писал, что одна из главных задач строительства нового общества — «развитие демократии до конца, изыскание форм такого развития, испытание их практикой». Ленинское указание в полной мере учтено в новой Конституции СССР, в которой развертывание социалистической демократии закрепляется как основное направление развития политической системы советского общества.

Определяя основы организации общенародного государства, новая Конституция в статье 2 провозглашает: «Вся власть в СССР принадлежит народу». Эта чеканная формула является логическим развитием социалистического народовластия, начатого Великой Октябрьской социалистической революцией. От диктатуры рабочего класса в переходный период к политической власти трудящихся города и деревни в обществе победившего социализма, а от нее — к полному народовластию социалистического общества — таковы магистральные вехи развития демократии нового типа, демократии социализма.

Широчайшее участие трудящихся в осуществлении государственной власти, решающее влияние народных масс на государственную политику — самая характерная особенность политической системы социализма, коренным образом отличающая ее от любых буржуазных политических систем.

Когда-то идеологи буржуазной демократии выдвинули неплохой лозунг: «Управлять для народа и посредством народа». Но он в условиях капитализма остался на бумаге подобно многим другим такого рода лозунгам. Буржуазная политическая система, основанная на частной собственности и эксплуатации человека человеком,

антинародна и антидемократична по своей внутренней природе. Ее основное звено — буржуазное государство, созданное для подавления эксплуатируемых масс,— не может привлекать их к решению сколько-нибудь важных дел. Всеобщее избирательное право — верх того, что может дать демократия в условиях капитализма. Но и добившись права голосования, народные массы не получают доступа к управлению, отстраняются от него. «Буржуазная демократия,— писал Ленин,— будучи великим историческим прогрессом по сравнению со средневековьем, всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных».

Настоящая, подлинная демократия, народовластие возможны только в социалистическом обществе. Социализм подводит под народовластие единственно реальную экономическую основу — общественную собственность на средства производства. По отношению к ней все граждане социалистического общества равны и поэтому имеют равное право по-хозяйски участвовать в выработке решений, касающихся всего общества.

Всенародная собственность на основные средства производства, **общенародное** государство, социалистическое **народовластие** — это не простое совпадение конституционных терминов,— в них отражена глубочайшая и закономерная связь между экономической основой, политической надстройкой и характером государственной власти в обществе развитого социализма.

Конституция СССР поднимает на новую, более высокую ступень всю политическую систему нашего общества. Главное, что вносит Конституция в политическую жизнь, как раз и состоит в расширении и углублении социалистической демократии.

Понятно, что судить об уровне развития социалистической демократии можно лишь в том случае, если иметь для этого четкий критерий. Такой критерий был точно определен Лениным. При социализме, отмечал он, «впервые в истории цивилизованных обществ масса населения поднимется до самостоятельного участия не только в голосованиях и выборах, но и в повседневном управлении». Именно это всегда было и сейчас остается главным критерием, на который ориентируется наша партия, оценивая успехи социалистической демократии, определяя пути ее дальнейшего развития и совершенствования. «Сверяясь с этим критерием,— подчеркивает товарищ Л. И. Брежнев,— мы с полным основанием можем сказать, что наше общество развитого социализма стало и обществом развитой социалистической демократии. На этапе зрелого социализма, в

условиях общенародного государства все более широкое и активное участие трудящихся масс в управлении жизнью страны прочно утвердилось как центральное направление политического развития советского общества».

Политическое творчество народных масс особенно полно проявляется в представительных органах социалистического народовластия — Советах. Избираемые всем взрослым населением, Советы являются главными выразителями общенародной воли. Они стали теперь организацией политической власти всего народа, воплощением его единства, превратились в такую школу общественной деятельности миллионов, какой человечество не знало за всю свою историю.

В настоящие дни в Советы избрано более 2,2 миллиона народных депутатов, для которых работа здесь является большой школой государственного управления, политического руководства. А всего эту школу только за послевоенное время прошли более 23 миллионов человек.

Законодательно закрепляя принадлежность всей власти в СССР народу, новая Конституция провозглашает: «Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР. Все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам».

Новое название Советов, закрепленное в Конституции, более точно отражает общенародный характер нашего государства, демократические принципы их организации и деятельности как представительных органов государственной власти народа.

Конституция СССР закрепляет в структуре политической системы различные формы непосредственного волеизъявления трудящихся. Советы олицетворяют собой представительную демократию, где все вопросы рассматриваются и решаются полномочными представителями народа — депутатами. Порядок, при котором решения принимаются на основе прямого волеизъявления граждан, называется непосредственной демократией. Различные формы непосредственного волеизъявления трудящихся дополняют и подкрепляют советскую представительную демократию и органически сочетаются с ней. Одной из важных форм непосредственной демократии, широко используемой в практике советского государственно-правового строительства, является всенародное обсуждение проектов законов, постановлений и других нормативных актов.

Большое значение имеет такая форма непосредственной демократии, как общие собрания трудовых коллективов, на которых не только обсуждаются, но и решаются многие важные вопросы государственной и общественной жизни, организации производства, материального

стимулирования, культурно-бытового строительства. В ходе всенародного обсуждения проекта Конституции поступило несколько тысяч предложений, в которых высказывалось пожелание шире отразить в Основном Законе задачи и права трудового коллектива.

Поддерживая эти предложения, товарищ Л. И. Брежнев в докладе о проекте новой Конституции и итогах его всенародного обсуждения сказал: «В трудовом коллективе, в работе его партийной, профсоюзной, комсомольской организаций отражается вся жизнь общества — и экономическая, и политическая, и духовная. По сути дела, это — первичная ячейка всего нашего не только хозяйственного, но и политического организма». Статья Конституции о трудовых коллективах помещена в главе первой, посвященной политической системе нашего общества.

Важное место в политической системе социализма занимают общественные организации, через которые трудящиеся тоже выражают свою волю, участвуя в управлении государственными делами, в осуществлении политической власти. В развитом социалистическом обществе просто невозможно представить себе его тружеников без участия в работе различных общественных организаций. Сочетая в себе представительную демократию с самой широкой непосредственной демократией, эти организации являются хорошей школой формирования сознания общественного долга, воспитания чувства коллективизма, товарищества и взаимопомощи. Через общественные организации миллионные массы трудящихся привлекаются к управлению государством, к осуществлению подлинного народовластия.

Роль общественных организаций в политической системе законодательно закрепляет статья 7 Конституции, в которой говорится, что «общественные организации в соответствии со своими уставами и задачами участвуют в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов».

Одним из важнейших направлений дальнейшего развертывания социалистической демократии новая Конституция объявляет совершенствование государственного аппарата (статья 9).

Общенародное социалистическое государство располагает слаженным аппаратом, сочетающим централизованное управление экономическими и социально-культурными процессами с широкими правами и хозяйственной самостоятельностью непосредственных производителей.

Сила и прочность советского государственного аппарата — в его тесной связи с народом, да и состоит он целиком из людей, находящихся на службе у народа. Около 70 процентов министров и пред-

седателей государственных комитетов СССР, например, начали свою трудовую деятельность рабочими и крестьянами. Среди руководителей крупных промышленных предприятий страны более половины — в прошлом рабочие.

Каким разительным контрастом выглядит в этом отношении государственный аппарат капиталистических стран! Сами американские исследователи признают, что в США руководителями административных органов являются исключительно выходцы из верхних слоев. «Имеются веские доказательства того, — пишут авторы изданной в США книги «Американский федеральный руководитель», — что ранг и преимущества высокого рождения влияют на отбор американской деловой и правительственной элиты. Люди, рожденные наверху, имеют больше преимуществ и шансов преуспеть, чем те, кто стоит внизу».

Государственный аппарат социалистического государства строится на прямо противоположных основах. Все его звенья формируются исключительно из представителей трудящихся, которые и сами непосредственно участвуют в деятельности органов управления, проверяют, как они проводят в жизнь волю народа. Новая Конституция еще более четко закрепляет этот важнейший ленинский принцип. В статье 48 подчеркивается, что все граждане имеют право не только участвовать в работе государственных органов, но и осуществлять контроль за их деятельностью. Новым является и положение статьи 49, согласно которой каждый гражданин СССР имеет право вносить в государственные органы предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе. Должностные лица обязаны в установленные сроки рассматривать предложения и заявления граждан, давать на них ответы и принимать необходимые меры.

В социалистическом государстве высшая социальная ценность — человек, а наиболее полное удовлетворение его растущих материальных и духовных потребностей — главная цель общественного производства. Эта цель впервые в истории возведена у нас в конституционный принцип. Знаменитые слова «Коммунистического манифеста»: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» — стали фактически коренным принципом деятельности общенародного государства, что особенно ярко выражено в специальном разделе Конституции СССР «Государство и личность».

Буржуазные идеологи и ревизионистские критики социалистического строя все время пытаются доказать, будто этот принцип несовместим со свободой личности. Они утверждают, что при социа-

лизме происходит «нивелирование» людей, а личность якобы «поглощается коллективом». Нет ничего нелепее и лживее, чем такие утверждения. В действительности только социализм делает личность свободной. И высшее проявление этой свободы — свобода от эксплуатации, от безработицы и страха за завтрашний день. Именно эта свобода является основой всех других свобод. Она дает уверенность в будущем, создает реальные условия для расцвета человеческой личности. Больше того, социализм расширил само понятие свободы личности, включив в него не только политические права (свободу слова, свободу печати, митингов, собраний, право избирать и быть избранным), но и социальные права (право на труд, отдых, образование, материальное обеспечение в старости и при нетрудоспособности, бесплатное медицинское обслуживание).

Одна из важных особенностей нашей Конституции состоит в том, что она не только провозглашает демократические права и свободы, но и надежно их гарантирует.

В обществе же, где господствует частная собственность, для миллионов трудящихся отсутствуют реальные гарантии широко разрекламированных прав и свобод личности. В самом деле, разве может, например, капитализм с его хронической и постоянно растущей безработицей обеспечить каждому возможность трудиться, не говоря уже о том, чтобы выбрать себе работу по душе? Конечно, нет. А социализм превратил право на труд в конституционное право гражданина, навсегда избавив его от гнетущей тревоги и неуверенности в завтрашнем дне. Причем Конституция подчеркивает, что это право обеспечивается социалистической системой хозяйства, неуклонным ростом производительных сил общества, бесплатным профессиональным обучением, повышением трудовой квалификации и обучением новым специальностям.

Серьезно расширяются содержание и материальные гарантии и других социально-экономических прав граждан. Новая Конституция одной из первых в мире провозглашает такое жизненно важное для человека право, как право на жилище. Это право будет обеспечиваться у нас все полнее, поскольку создана надежная материальная основа. Сейчас ежегодно строится жилья в семь раз больше, чем в 1936 году.

Предоставляя самые широкие права и свободы каждому человеку, социалистическое государство вместе с тем запрещает всякую деятельность, идущую во вред другим людям, интересам народа. В новой Конституции прямо говорится, что использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан, что политические свободы

предоставляются в соответствии с интересами народа и в целях укрепления социалистического строя.

Противники коммунизма используют это конституционное положение для доказательства тезиса о том, что в социалистических странах якобы отсутствуют политические права и свободы. Особенно назойливо ведется клеветническая кампания вокруг вопроса о так называемых «диссидентах». Сам этот термин, означающий в переводе «инакомыслящий», был извлечен из небытия для того, чтобы ввести в заблуждение общественность. Пустив его в ход, противники коммунизма рассчитывают изобразить дело так, будто советский строй не терпит самостоятельной мысли своих граждан, преследует любого, кто «думает иначе», то есть не так, как это, мол, предписывается. Им очень хотелось бы найти хоть какие-нибудь силы, выступающие против социализма внутри нашей страны. А раз таких сил нет, то они изобретают эрзац, посредством лживой пропаганды создают видимость «внутренней оппозиции социализму».

Вряд ли надо доказывать, что все это ничего общего не имеет с действительностью. У нас вовсе не возбраняется «мыслить иначе», чем большинство, критически оценивать те или иные стороны общественной жизни. К тем, кто выступает с критикой обоснованно, стремясь помочь делу, у нас относятся как к добросовестным критикам и благодарят их. А тех, кто критикует ошибочно, считают заблуждающимися людьми. Но совершенно другое дело, когда несколько оторвавшихся от нашего общества лиц активно выступают против социалистического строя, становятся на путь антисоветской деятельности, нарушают законы и, не имея опоры внутри страны, обращаются за поддержкой за границу, к империалистическим подрывным центрам — пропагандистским и разведывательным.

Наш народ требует, чтобы с такими, с позволения сказать, деятелями обращались как с противниками социализма, людьми, идущими против Советского государства, пособниками, а то и агентами империализма. Естественно, что Советское государство принимает и будет принимать в отношении их меры, предусмотренные законом.

Ключевую позицию в политической системе развитого социализма Конституция отводит Коммунистической партии Советского Союза. Она — руководящая и направляющая сила советского общества и составляет ядро его политической системы, всех государственных и общественных организаций. В статье 6 Основного Закона закреплено, что «Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит всей великой созидательной деятельностью со-

ветского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма».

Буржуазные и оппортунистские идеологи пытаются отыскать противоречие в том, что Конституция ставит задачи всестороннего развития демократии и одновременно закрепляет руководящую роль Коммунистической партии. Снова и снова выдвигают они клеветнические утверждения о том, что это-де «провозглашение диктатуры одной партии», «примат партии над государством», «опасное переплетение партийных и государственных органов», «уничтожение различий между партией и государством».

В представлении идеологов капитализма руководящая роль Коммунистической партии может осуществляться лишь за счет умаления или ущемления роли других организаций, входящих в политическую систему. Подобные взгляды основываются на практике антагонистического буржуазного общества, где господство и подчинение определяют все общественные отношения. Но в социалистическом обществе отношения между различными звеньями политической системы определяются совершенно иными принципами. Осуществляя руководство всеми организациями трудящихся, Коммунистическая партия не командует ими.

Партийное руководство строится на убеждении и силе идейного влияния, примера и организации, опирается на доверие трудящихся к политике партии, на признании ее народом в качестве своего вождя и организатора. Еще на восьмом съезде, которым руководил В. И. Ленин, наша партия, став партией правящей, твердо заявила, что свои решения она проводит «через советские органы, в рамках Советской конституции», что, руководя деятельностью Советов, она не заменяет их, строго разграничивает функции партийных и государственных органов. Этот ленинский принцип зафиксирован в Уставе КПСС и вновь подчеркнут в решениях последних съездов партии. Теперь он законодательно закреплен и в Конституции СССР.

Объединяя и направляя деятельность всех государственных и общественных организаций, Коммунистическая партия считает принципиально важным, чтобы все они в рамках своих конституционных прав и компетенций действовали смело и уверенно, проявляли инициативу и творческий подход. Возрастающее руководящее влияние партии и повышение роли Советов, профсоюзов и других общественных организаций, усиление творческой инициативы и активности трудящихся — взаимосвязанный процесс, отражающий глубоко демократический характер первого в мире общенародного социалистического государства.

ОБРАЗЕЦ ДЕМОКРАТИИ И ВЕРЫ В БУДУЩЕЕ

Т

рудно найти другой законодательный акт какого-либо государства, который вызвал бы такой интерес в мире, как Конституция СССР. Всего год назад был опубликован ее проект, а ныне «Манифест развитого социализма», как называют Основной Закон

СССР, уже нашел продолжение и развитие в Конституциях союзных советских социалистических республик. И на этом не закончился триумфальный марш по земле гуманных, демократических, проникнутых оптимизмом принципов Конституции СССР. Основной закон СССР, как подчеркнули колумбийские юристы, «окажет огромное влияние на законодательство всех стран мира». Многие государственные и общественные деятели, печать развивающихся государств высказывают мнение, что ряд положений Конституции СССР может быть использован при разработке конституций государств, ставших на некапиталистический путь развития.

Огромная притягательная сила успехов развитого социализма, их воздействие на людей во всем мире породили серьезную тревогу в лагере недругов СССР. Эта тревога усугубляется еще и тем, что капитализм по-прежнему не может выкарабкаться из кризисного состояния, конца которому не видно.

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ — НА ЗДОРОВУЮ

В журнале деловых кругов США «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», посвятившем один из своих номеров ответам на вопрос «Умирает ли демократия?» (имеется в виду «западная демократия». — Ю. Н.), были опубликованы откровенные признания ряда английских, французских и американских буржуазных ученых

о том, что «западные демократии проявляют все большую неспособность управлять обществом», «все меньше людей верят в будущее капитализма», в то время как «коммунисты показывают себя такими руководителями в решении внутри- и внешнеполитических проблем, за которыми следуют массы». По мнению американского профессора Френкеля, социалистические страны превосходят капитализм и в моральном отношении, так как они «предлагают своим народам, в частности молодежи, то, что свидетельствует о возможности добиться реализации идеалов справедливости и равенства». «Соотношение сил в мире меняется исключительно в пользу СССР», — констатирует западногерманский политолог Р. Левенталь.

Такого рода оценки, даваемые нашими идеологическими противниками, показывают смятение, охватившее капиталистический мир. Пытаясь ослабить влияние советской внешней и внутренней политики, коммунистической идеологии, защитники империализма, реакционная печать, идеологические диверсанты всех мастей предпринимают попытки дискредитировать социализм, извратить содержание Конституции, преуменьшить значение, а то и просто скрыть от населения своих стран важнейшие положения Основного Закона СССР.

КРОКОДИЛОВЫ СЛЕЗЫ РАДЕТЕЛЕЙ ЗА «СВОБОДЫ»

Главным направлением идеологического похода против СССР избрана «борьба за свободы и права человека» в нашей стране. «Заботу» о правах советских граждан проявляют в пропагандистских и подрывных империалистических центрах. К судьбе советских людей, которых кое-кто объявил «несвободными», трогательное внимание обращено со стороны официальных кругов капиталистических государств, например США, где намерены, судя по некоторым заявлениям, поставить «проблему прав человека на место антикоммунизма в качестве центрального элемента американской внешней политики».

О свободах в СССР пекутся в штаб-квартире НАТО и сколоченных в иных западных столицах «комиссиях», незаконно взявших на себя функции «контролеров» нашей внутригосударственной жизни. «Защищать» права советских людей ринулись буржуазные средства информации, пытающиеся доказать, что Советская Конституция «все еще далека от совершенства в области предоставления прав советским людям» и «разочаровывает своим содержанием, касающимся основных свобод...»

Что ж, «разочарованных» буржуа понять можно: ведь Конституция СССР — лучший ответ этим господам, проливающим крокодиловы слезы по поводу мнимого «отсутствия» прав и свобод в СССР. «Я считаю, что Советский Союз сыграл важную роль, поставив проблему экономических и социальных прав перед мировым общественным мнением,— говорит профессор права Колумбийского университета США Джон Хазард.— Я изучал в свое время все относящиеся к этой проблеме документы. И помню, как СССР делал постоянный упор на экономические права. Они, несомненно, имеют притягательную силу для народов всего мира. И это ваш козырь».

О ценности любой из конституций все цивилизованные люди прошлого, настоящего и будущего судили и будут судить по тем правам и свободам, которые в ней не только провозглашаются, но и реально гарантируются. Конечно, борьба рабочего класса и прогрессивных сил капиталистических стран заставила правящий класс пойти на определенные уступки трудящимся. В некоторых буржуазных конституциях провозглашаются порой не только личные, но и политические, и социально-экономические права граждан. Но ведь на практике нет никаких реальных, материальных гарантий осуществления записанных прав. И они поэтому не более чем фикция.

Статья 4 итальянской конституции гласит, например, что «Республика признает за всеми гражданами право на труд и поощряет условия, которые делают это право реальным». Статья 12 конституции ФРГ начинается со слов о праве «свободно выбирать профессию, место работы и место обучения».

Но как совместить эти декларации с растущей безработицей? Что означает на деле «свобода выбора» места обучения, если хронически не хватает ученических мест в системе профтехобразования и на предприятиях? В той же Италии 1200 тысяч безработных. В ФРГ каждый четвертый выпускник школы не может найти себе применение. К 1980 году, по официальным прогнозам, без профессионального обучения там останется около миллиона молодых людей. Один английский подросток из трех, окончивших школу в прошлом году, не получил ни специальности, ни работы. Во Франции — та же картина.

Тут уж не до выбора профессии, применения своих наклонностей и таланта! «Нужно готовиться к работе, которую можно найти, а не к какой-то воображаемой работе», — обрисовал молодежи положение дел на рынке труда своей страны премьер-министр Франции Р. Барр. В американском журнале «Эсквайр» в серии статей «Как получить работу» эта проблема заключена в 17 «жестоких истин»

(выражение оригинала.— Ю. Н.), которые рекомендуется усвоить каждому американцу. И первая из них гласит: «Цель работы — не добиваться самовыражения, а обеспечить себе кусок хлеба на столе. Усвоив это, вы избегнете последующих разочарований».

И еще один пример.

ЗАБИТАЯ «ПРЕКРАСНАЯ ПОЛОВИНА»

В комментариях западных критиков нашей Конституции вы не встретите, например, даже упоминания о статье 35 Основного Закона, провозглашающей: «Женщина и мужчина имеют в СССР равные права». Почему? Да просто потому, что в мире капитала сохраняется позорная практика дискриминации женщин в самых различных сферах жизни. Труженицы капиталистических стран зачастую лишены даже жизненно необходимого права — возможности трудиться. Среди них — наибольший процент безработных трудящихся. Равная оплата за равный труд — элементарное требование из области прав человека — остается до сих пор недостижимой для работниц во Франции, где они получают зарплату на 33 процента меньше, чем мужчины. В Англии и США эта разница, соответственно, — на 40 и 43 процента, в Италии — в 2 раза, в Бельгии — на 35 процентов, Дании — на 23. Парламентская комиссия ФРГ, созданная для изучения проблемы «Женщина в обществе», отмечает, что западногерманские женщины менее образованны, имеют меньше возможностей в выборе рода своей деятельности и улучшении своего социального положения, зарабатывают меньше, чем мужчины. В докладе говорится, что «неквалифицированные рабочие-мужчины имеют, как правило, более высокий заработок, чем квалифицированные рабочие-женщины».

Та же картина — в области получения женщинами образования, профессиональной подготовки, общественного положения и в других капиталистических странах. Перед французенкой, например, закрыты многие вузы и профессиональные школы, несмотря на закон об «одинаковом доступе к учебе для юношей и девушек». Не удивительно, что 3 из 5 миллионов наемных работниц во Франции (60 процентов) не имеют квалификации. За 10 лет всего две женщины заняли там директорские посты (а всего на этих постах женщин около 5 процентов). Среди французских инженеров женщин не более 2 процентов. В Японии, по сообщению газеты «Асахи», женщины составляют лишь 5,1 процента всех научных работников, 1,8 процента инженеров и техников, 2,5 процента юристов. В Ита-

лии более четырех пятых работающих женщин относятся к низкооплачиваемым профессиональным категориям. В США всего 20 тысяч женщин-инженеров (1 процент от общего числа), среди врачей их 8,4 процента, среди юристов и того меньше — 4 процента. Фактически положение американок, по свидетельству «Вашингтон пост», выглядит так: «Несмотря на силу женского движения, восторги печати насчет проникновения женщин в профессии и бизнес, 90 процентов работающих женщин в Америке вряд ли живут много лучше, чем жили их прабабушки в 1900 году».

Женщины капиталистических стран практически не имеют представительства в парламентах, правительствах. В выборных органах «демократической» Америки только 5 процентов женщин. Француженки составляют в стране больше половины избирателей — 54 процента, но среди 491 депутата недавно избранного Национального собрания их 18, из них 12 — коммунистки.

Практика отстранения француженок от политической деятельности послужила даже поводом беспрецедентного в истории парламентаризма случая — голодовки протеста члена французского сената Ж. Александр-Дебрей, одной из 8 женщин-сенаторов среди 283 сенаторов-мужчин. В бундестаге ФРГ из 518 депутатов женщин 38.

«В условиях капиталистического общества,— пишет французский журнал «Кайе дю коммунизм»,— проблема женского неравноправия не может быть решена, так как нельзя ожидать от системы, ориентированной на извлечение максимальной прибыли, чтобы она добровольно лишилась способа дополнительной эксплуатации женщин».

И заседающие в буржуазных парламентах законодатели, кажется, не собираются менять своего средневекового отношения к женщине. Во всяком случае правое большинство французского парламента отвергло законопроект об устранении дискриминации женского труда. Власти не хотят снижать для француженок и возраст выхода на пенсию, который установлен в 65 лет. Поправка к конституции США о юридическом равноправии женщин — о равенстве перед законом, о праве получать равную плату за равный труд, о равных правах с мужчинами — фактически уже провалена. В Великобритании закон, запрещающий любую форму дискриминации женщин в отношении образования, работы, жилища и услуг, вступил в силу в декабре 1975 года.

И что же?.. В первые две недели своего существования комиссия по наблюдению за исполнением этого закона получила более 2500 жалоб на его нарушения.

К ВОПРОСУ О СОВЕСТИ «ИНФОРМАТОРОВ»

Замалчивание невыгодных или просто опасных с точки зрения буржуазных идеологов положений и статей нашей Конституции — не единственный метод борьбы против ее влияния на людей. В наскоках на социалистическую демократию «критики» советского образа жизни не брезгают и другим испытанным оружием — обманом, дезинформацией. Так, газета «Нью-Йорк таймс» в комментарии к Конституции СССР чуть не как сенсацию поведала своим читателям о том, что Конституция «предоставляет гражданам права на свободу слова, тайну переписки и свободу вероисповедания». Причем подается это так, будто все перечисленное — новшество в советской действительности. Для тех американцев, которые имеют весьма смутное представление о нашей стране и буквально нашпигованы информацией об «отсутствии прав человека» в СССР и борьбе за эти права «западных демократий», подобное сообщение одного из ведущих органов печати США — открытие. «Наконец-то, — подумает иной обыватель в США, — эта борьба дает свои результаты: русские получают хотя бы элементарные свободы — слова, тайны переписки, совести...»

Но вот где совесть мистера Уитни, автора вышеназванного сочинения? Уж кому-кому, а ему-то, корреспонденту «Нью-Йорк таймс» в Москве, должно быть известно, что этими и многими другими правами и свободами, которые и не снятся его соотечественникам в Штатах, советские люди пользуются уже многие десятилетия. Публикация в «Нью-Йорк таймс» (отметим, не единственная в подобном роде на страницах западной печати) — весьма наглядная иллюстрация хваленых американских «свобод слова и печати»; превращенных, как видим, в свободу обмана и дезинформации людей.

А ведь именно «отсутствие свободы слова» и «несвободная печать» в СССР — старые темы западных пропагандистских служб, ведущих атаки на конституционные основы нашей страны. При этом и не скрывается, что на Западе согласились бы признать советскую прессу «свободной», если бы она превратилась в пропагандиста антисоциалистических идей, в рупор всякого рода отщепенцев, враждебных нашему обществу, подрывных элементов.

Советский народ самым действенным образом использует свои средства массовой информации для высказывания мнения, для критики недостатков или внесения предложений по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики нашего государства. Яркий пример тому — всенародное обсуждение проекта Конституции СССР,

которое велось и на страницах нашей периодической печати. В частности, читатели журнала «Человек и закон» прислали в редакцию за 4 месяца, пока шло обсуждение проекта, 409 писем с замечаниями и предложениями. 87 из них были направлены в Конституционную комиссию. Но это — конституционная почта ежемесячного журнала. А в газету «Правда», например, поступило за эти почти 4 месяца 30 150 писем, содержащих 46 тысяч предложений и замечаний, из которых 842 опубликованы.

Таким широким выходом трудящихся на страницы газет и журналов, на телеэкран и в радиопередачи не может похвастать ни одна капиталистическая страна. Там пресса — собственность и привилегия толстосумов, и обслуживает она только своих хозяев.

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ДУБИНКА СТЫДЛИВО ЗАВЕРНУТА В «СВОБОДНУЮ ПРЕССУ»

Частная собственность на большинство средств массовой информации, их зависимость от рекламодателей — монополий, классовое мировоззрение хозяев западных средств информации — все это предопределяет характер их деятельности. Тому же служат и относящиеся к вопросам информации внутренние законодательные акты капиталистических стран. В них немало положений, свидетельствующих о том, что «свобода слова и печати» на Западе — понятие относительное и служит прежде всего свободе фальсификации буржуазией общественного мнения.

Параграф 100-а уголовного кодекса ФРГ, например, предусматривает лишение свободы на срок от 6 месяцев до 5 лет за «публичное распространение ложных сведений» и перечень других «сообщений или ложных утверждений», которые могут нанести ущерб безопасности и внешней политике ФРГ. В Италии тоже можно оказаться за решеткой на 5 лет и даже больше за распространение «ложных, преувеличенных или тенденциозных сведений о внутреннем положении государства, способных ослабить престиж или доверие к государству». В Дании (статья 100 уголовного кодекса) лицо, «вызывающее своими высказываниями очевидную опасность враждебных действий в отношении датского государства, наказывается тюремным заключением сроком до 6 лет...» Глава 3 статьи 136-бис уголовного кодекса Бельгии гласит, что лица, получающие из-за рубежа средства «для ведения или оплаты в Бельгии деятельности или пропаганды, рассчитанных на то, чтобы поколебать верность граждан

государству и институтам бельгийского народа, караются лишением свободы на срок от 6 месяцев до 5 лет или штрафом».

На деле же эти статьи, как полицейские дубинки, обрушиваются на любую политическую оппозицию. Их жертвы — люди, придерживающиеся левых взглядов.

В прошлом году в Англии состоялся судебный процесс над журналистами Д. Кэмпбеллом и К. Одри, которым было предъявлено обвинение в нарушении «закона о сохранении государственной тайны». Оба журналиста активно выступали в защиту своих американских коллег Ф. Эйджи и М. Хозенболла, которых английские власти решили выгнать из страны за их разоблачения деятельности ЦРУ. Именно это и явилось подлинной причиной преследования Кэмпбелла и Одри.

Вменяя Советскому Союзу в обязанность предоставлять Западу право бесконтрольного распространения буржуазной пропаганды среди советского населения, инициаторы антисоветских кампаний и не помышляют о том, чтобы предоставить возможность «свободной циркуляции» коммунистических идей в своих странах. Во всяком случае, капиталистические государства далеки от того, чтобы дать коммунистам, левым группировкам трибуну для изложения своих взглядов, например, по национальной системе радио и телевидения. Там всячески душат левую печать, подвергают жесточайшей цензуре не угодные буржуазии фильмы, ограничивают деятельность прогрессивных работников печати и культуры. Крупнейший французский издатель Эрсан, реорганизуя свою сеть средств информации, начал с увольнения тех журналистов, чьи взгляды не соответствуют реакционной линии, проводимой магнатом прессы. В период прошлых выборов в Норвегии компартия получила официальное уведомление о том, что коммунисты не получают права выступать перед массовой аудиторией с изложением своих взглядов.

Во Франции, например, кино, как и телевидение, находится под бдительным оком цензуры, именуемой контрольной комиссией. Цензорскими функциями облечены также префекты и мэры городов. Как правило, длань цензора накладывается на фильмы острополитического, социального жанра, зачастую беспощадно вскрывающего язвы буржуазного общества. В этой стране, как и вообще на Западе, даже талантливый деятель искусства оказывается бессильным перед волей продюсера и кинопрокатчиков, не желающих давать деньги для постановки фильма на злободневную политическую или социальную тему.

Если для представителей правящих кругов Великобритании путь к микрофонам Би-Би-Си всегда открыт, то для многих других двери

Буш-Хауза приоткрываются лишь в исключительных случаях. В этом отношении характерна практика руководства Би-Би-Си по отношению к Коммунистической партии Великобритании. Длительный период, начиная с 1945 года, Английская компартия вообще не имела возможности для выступлений по Би-Би-Си, даже в период избирательных кампаний. Лишь в 1966 году коммунисты все-таки добились права выступить в передаче Би-Би-Си в период избирательной кампании. Им было предоставлено пять минут: ни одной общенациональной партии в Англии не давалось так мало времени, да и само время передачи было выбрано тогда, когда большинство англичан было на работе...

Да, не случайно западные защитники прав человека в своей демагогической полемике стремятся обойти молчанием тот факт, что Основной Закон СССР отражает общность коренных интересов всех классов и слоев населения страны, совпадение в социалистическом общенародном государстве интересов общества с индивидуальными интересами населения. По мнению председателя верховного суда США Уоррена Бергера, «гражданская правовая система в Советском Союзе выигрывает в сравнении с любой другой системой в любой другой стране».

И все же в стремлении навести тень на ясный день иные толкователи нашей Конституции пытаются «доказать», что ее статьи, расширяющие гражданские права и свободы советских людей и устанавливающие их взаимосвязь с интересами общества, якобы «ущемляют человеческую личность». Даже в конституционном положении о том, что уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества, некоторые органы правой буржуазной печати усмотрели «ограничение демократии и свобод». Крайнее раздражение вызвало на Западе, например, положение Конституции о том, что политические права и свободы гражданам предоставляются в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя. Рамки, которыми общество ограничивает анархическое своеволие, идеологи «психологической войны» пытаются выдать чуть ли не за посягательство государства на гражданские свободы.

Не Западу учить нас, что такое свобода. В СССР гражданину социалистического общества предоставлен самый полный и реальный комплекс прав и обязанностей. В буржуазном мире они просто немыслимы. Капитализм за века своего существования не обеспечил и не стремится обеспечить основного права человека: свободно жить и трудиться. И ведь именно в конституциях буржуазных государств обходится молчанием наличие классовых противоречий, закрепляет-

ся экономическая основа капиталистического строя — частная собственность на средства производства и эксплуатация человека человеком, охраняется власть имущих классов. И сколько бы ни изобретались бытующие ныне в их текстах формулировки об «общественных функциях» частной собственности, «служении частной собственности общему благу», «социальной солидарности» и так далее, суть их остается прежней — провозглашение частной собственности «священной и неприкосновенной», а власть капитала — незыблемой.

Охрана этой собственности, этой власти — главное назначение буржуазных государств, их основных законов, при которых провозглашенные права превращены зачастую лишь в благие пожелания, а нередко и грубо попираются. «В Соединенных Штатах,— пишет американский юрист Ауэрбах в журнале «Харперс»,— справедливость распределяется в соответствии с расой, происхождением и богатством. Это — неравная юстиция».

Люди в странах капитала все меньше верят в право и закон как средство личной защиты и фактор порядка. В Англии, например, пишет газета «Таймс», «правительственные органы имеют 188 законных оснований, чтобы войти в дом и устроить там обыск». «Нарушение неприкосновенности личности и жилища, посягательства на права граждан США со стороны ЦРУ и подчиненных ему органов стали характерной чертой американского образа жизни»,— пишет член Политкомитета ЦК Компартии США Джон Питтман. В книге «Американское полицейское государство — правительство против народа» публицист Дэвид Уайз писал: «Правительственные, разведывательные и полицейские службы нарушают законы и насилуют конституцию... Правительство использовало против народа следующие методы: подслушивание телефонных разговоров, обыски со взломом жилищ в отсутствие хозяев, незаконные изъятия, вскрытие писем, перехват телеграмм, визуальное наблюдение, тайные провокации, широкое использование доносчиков, составление списков лиц, подлежащих задержанию...» Во Франции закон от 8 июня 1970 года, известный как закон «по борьбе с погромщиками» и официально призванный ограждать граждан и их имущество от актов насилия, на деле может явиться опасным оружием государственной власти против рабочего класса, для устрашения участников массовых демонстраций, преследования политических и профсоюзных лидеров.

В попытках сломить боевой дух трудящихся, отнять у них завоеванные в борьбе права и свободы капитал использует широкий арсенал средств — от составления «черных списков» профсоюзных лидеров и других «неблагонадежных» до найма специальных банд громил. Английская печать сообщает о наличии в сейфах «особого

отдела» Скотланд Ярда досье на руководителей профсоюзного движения страны. По данным депутата палаты общин лейбориста Р. Кука, в картотеки этого отдела занесено около 3 миллионов лиц, «причастных к политической деятельности» и придерживающихся в основном «неугодных» убеждений. Британские газеты пишут, что к 1979 году общенациональное полицейское досье будет содержать материалы на 36 миллионов человек, практически на каждого взрослого жителя страны.

Во Франции активную помощь концернам в слежке за их рабочими и служащими оказывают полиция, налоговые и медицинские учреждения, страховые компании. Данные на миллионы французов, накопленные этими организациями, закладываются в единую электронную схему, которая, по мнению ее создателей, должна дать властям возможность иметь четкое представление не только о положении и политических взглядах практически всех граждан республики, но и об их наклонностях, привычках, окружении. С 1970 года в память ЭВМ заложены сведения уже с 10 миллионов карточек. Частная жизнь трудящихся «свободного мира» — под неусыпным оком стражей этой «свободы».

Массовый характер приняла слежка за инакомыслящими в США. Как сообщил на пресс-конференции в Вашингтоне комитет борьбы за общественную справедливость и центр исследований проблем национальной безопасности, ФБР с 1960 по 1974 год провело расследование свыше полумиллиона «дел» американцев, обвинявшихся в «подрывных» действиях.

А в полицейских управлениях США зреют новые идеи: организация поголовной слежки за американцами с помощью новейших средств техники. Один из чинов предложил ввести в стране такую систему, при которой каждый из 20 миллионов американцев, чье имя внесено в досье для наблюдения, был бы обязан все время иметь при себе особый электронный прибор, подключенный к центральному пункту ЭВМ, который ежедневно давал бы информацию о местопребывании этих людей и их передвижении.

Чего же стоят после этого сетования Запада на мнимые «нарушения» прав и свобод человека в СССР? Впрочем, истинную цену этим плакальщикам народы мира уже узнали. Поэтому, вопреки всем усилиям врагов социализма, величие свершений советского народа получает все большее признание в мире.

«Новая Конституция Советского Союза еще раз подтвердила, что все преобразования, все перемены, которые совершаются в нашей стране, направлены прежде всего на обеспечение каждому человеку подлинно человеческих условий жизни,— говорил Л. И. Брежнев на торжественном заседании, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.— Она вновь убедительно показала, что понятия свободы, прав человека, демократии и социальной справедливости наполняются действительным содержанием только в условиях социализма».

В Министерстве юстиции СССР

Коллегия Министерства юстиции СССР обсудила вопрос о задачах органов юстиции и судов в связи с приведением законодательства в соответствие с Конституцией СССР и Конституциями союзных республик и подготовкой свода законов Советского государства.

На заседании коллегии отмечалось, что за последние годы в стране под руководством партии многое сделано для того, чтобы привести законодательство в соответствие с новым уровнем, достигнутым советским обществом. Приняты Конституции СССР, союзных республик и другие важные правовые акты.

В работе по совершенствованию законодательства участвовали органы юстиции и суда. Но в ней отмечены и серьезные недостатки.

Коллегия признала необходимым обратить особое внимание на своевременную подготовку первых разделов свода законов Советского государства: «Законодательство об общественном и государственном строе» и «Законодательство о рациональном использовании и охране природных ресурсов».

Коллегия определила основные задачи министерств юстиции союзных республик: завершение подготовки и издания собраний действующего законодательства; участие в работе по приведению союзного и республиканского законодательства в соответствие с Конституциями союзных республик; подготовка и издание свода законов соответствующей республики.

БЫТЬ НУЖНЫМ ЛЮДЯМ

На заседании Президиума Верховного Совета СССР 24 февраля 1978 года Леонид Ильич Брежнев отметил большую работу, которую проводят Советы народных депутатов Белорусской ССР по выполнению решений XXV съезда партии, по претворению в жизнь Конституции СССР, подчеркнул важность выполнения наказов избирателей: «Наказы — яркое проявление нашей демократии, демократии не на словах, а на деле, демократии действительной и реальной. В наказах выражена забота людей труда о делах своего государства, об общественных интересах. И мы не имеем никакого права растерять эти крупницы народной инициативы».

В очерке, который мы предлагаем читателю, рассказывается о работе исполкома одного из районных Советов народных депутатов Белоруссии, о его председателе — Казимире Ивановиче Лушневском.

Из детства в его памяти осталось длинное приземистое здание барака, где он жил с родителями и сестренкой, пыльная площадь в центре села, на которой с утра до позднего вечера было шумно из-за корчмы. Здесь же «дежурили» нищие в лохмотьях, гомонили, хватая прохожих за руки, цыганки, обещая каждому «рассказать истинную правду о будущем» — всего за один злотый. Но даже самая опытная гадалка вряд ли смогла бы предсказать его

судьбу, предсказать, что через много-много лет он будет ходить по улицам и площадям Москвы, что его голос прозвучит под сводами Большого Кремлевского дворца и, усиденный радиоволнами, разнесется по всей стране, и будут его слушать в белорусских и украинских селах, в городах Поволжья и Сибири, что с его предложениями согласятся члены Конституционной комиссии и что о его выступлении тепло отзовется Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета страны.

Да, есть что вспомнить Казимиру Ивановичу Лушневскому, депутату Верховного Совета СССР, председателю Слонимского райисполкома — и оплывшее от водки лицо графского управляющего, и его тяжелые кулаки, и колкую стерню убранных полей, по которым он бегал босой с хворостиной в руках, отгоняя свиней от необмолоченных снопов, и злобные лица жандармов, уводивших в тюрьму отца. Его детство прошло в Западной Белоруссии, в то время находившейся под властью буржуазно-помещичьей Польши.

...Чем заслужил доверие земляков Лушневский? Что позволило ему вырасти в руководителя, о котором говорят с уважением? Это он внес поправку в проект Основного Закона нашего общества, и поправка к статье 94 Конституции по рекомендации Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева была принята.

И вот мы беседуем в кабинете Лушневского о работе, об обя-

занностях председателя исполкома, о его многочисленных заботах...

— Приведу только один пример из прошлого нашего Слонимского района,— говорит Казимир Иванович.— До прихода Красной Армии на территории района в 1939 году работало 15 врачей и 40 медицинских сестер. В единственной больнице на 66 коек лечение было платным. Один день в больнице стоил пациенту трехдневного заработка. Из 1000 родившихся детей, не дожив до года, умирало 140. А нынче,— продолжает Лушневский,— в районе насчитывается 140 врачей и свыше 600 медработников. Есть 9 больниц на 720 коек, лечение бесплатное, а средняя продолжительность жизни равна 72 годам. И, конечно, главное в этих успехах — активность населения. Успехи нашего района — общая заслуга. А вот в упущениях, проблемах, которые не решены, в первую очередь винить надо райисполком.

К тому времени я уже знал, что теперь 15 колхозов и 6 совхозов района собирают не по 5—6 центнеров ржи, как прежде, а по 30, в несколько раз выросло производство мяса и молока, картофеля и льна.

— Все это так,— сказал Казимир Иванович.— Мы не бездельничаем и не умаляем своих успехов. Только теперь мы должны уметь работать больше и лучше, чем, скажем, вчера. Но вот какую дорогу выбрать? Как угадать, будет ли она верной? И здесь главным нашим компасом служат наказы избирателей. Они всегда злободневны, обоснованны, многое нам подсказывают...

Девять часов утра.

В кабинете Лушневского начинается «оперативка». Входит первый заместитель председателя Петр Терентьевич Рыбаков, за ним — с добродушной улыбкой — секретарь исполкома Леонид Илларионович Широков. Идет обстоятельный разговор о землемерных работах, о не учтенных ранее землях, пустошах, образовавшихся на заброшенных и необрабатываемых приусадебных участках, кормовых лугах на границах колхозов, высушенных мелиораторами болотах. В райсельхозуправлении планировали по двум колхозам пустить в севооборот 123 гектара, а прибавка оказалась равной 500 гектарам! Только по двум хозяйствам...

— Вот они, резервы! — сказал Широков.— Нам их так не хватало! Распахать и использовать нашу «целину» мы сможем — затраты небольшие, земля-то под боком.

— А вы, Леонид Илларионович, подумайте над методикой учета

земли. Неплохо бы составить письмо всем нашим сельсоветам, пусть позаимствуют опыт.

И Лушневский напомнил о заявлении колхозника Якимца. Хотели уменьшить ему участок колхозные руководители, пришлось разъяснить им, что такая акция незаконна.

— Однако надо бережно относиться к земле. Поощрять лодырей большими участками тоже не следует,— говорит Рыбаков.— Помните жалобу колхозника из деревни Костровичи?

— Вот и повод проверить, как действует наша картотека учета жалоб и заявлений граждан,— усмехнулся Леонид Илларионович.— Схожу-ка к нашей Машеньке.

Несколько слов о картотеке учета. Решили в Слонимском райисполкоме внести рационализацию в делопроизводство: к каждому заявлению прикалывали карточку. На ней исходные данные: когда поступило заявление или когда обратился в райисполком заявитель, в какой отдел направлено и что сделано. На карточке обязательно расписывался тот, от кого зависело решение. И ставил дату. После года такой практики заметили в отделах райисполкома, заметило и руководство: волокиты стало меньше, люди научились уважать свою подпись.

Лушневский взглянул на часы:

— Тороплюсь в Деревное. Потом загляну в совхоз Сосновский. Вернусь — надо бы снова встретиться... Шестнадцать миллионов на строительство выделяет нам государство. Освоить их за пятилетку по району — не шутка. Пусть выскажут свои соображения наши планики, экономисты...

...Красив край над рекой Щарой. Рослые сосны заповедных боров, перелески, спокойные зеркала озер, речушки, склонившиеся над ними заросли ивняка.

Село Деревное выглянуло из-за поворота шоссе, и побежали навстречу «Волге» солидные дома под черепичными шапками, бездействующий костел, двухэтажное здание центральной усадьбы.

Остановились на берегу озера. По плану генеральной застройки села здесь будет место отдыха селян. Мелиораторы насыпали дамбу, чтобы поднять уровень воды. Хотели даже запустить в водоемы мальков карпа и карася. Но то ли проект был с ошибками, то ли чего-то не учли мелиораторы — стала уходить вода из озер. И теперь, глядя, как выступают из воды возле берегов ржавые консервные банки, как сочно чавкает ил под ногами бродящих по берегу коров, Казимир Иванович с грустью подумал, что вместо чистой воды, дарующей людям радость, здесь могут оказаться два

зловонных болота. Поступило уже несколько жалоб — необходимо навести порядок, довести дело до конца.

На втором этаже в приемной секретаря исполкома сельсовета Анны Павловны Жук толпились люди. Слышался громкий говор, спор, по всему было видно — только что кончилось заседание.

Его узнали, разговоры стихли, все повернулись к нему. Анна Павловна поднялась из-за стола.

— У нас только что кончилось заседание комиссии по сельскому хозяйству, — сказала она.

— Добре, — ответил он, подумав: «Вот это кстати!», и прошел в кабинет.

Широкоплечий, осанистый, председатель исполкома Адам Александрович Бондарь поднялся навстречу.

— Что же не предупредили?

— Так лучше. А то, не дай бог, после звонка начнете специально готовиться. Только время потеряете понапрасну, — Лушневский улыбнулся.

— Веселое настроение у вас, — заметил, усаживаясь за стол, Бондарь. — А мы только вот слушали вопрос о подготовке к весенней посевной.

— На дворе еще снега нет, а они уже о весне... — Лушневский в душе гордился инициативностью Бондаря: не ошибся он в нем, умеет человек глядеть в завтра. — Ну, и как готовитесь?

Слушал внимательно. Причин для беспокойства вроде не было. Техника к зиме готова, урожай собран и сдан, выполнены и соцобязательства.

Комиссия сельсовета правильно определила задачи и расставила людей, каждый депутат отвечал за конкретное дело: один за подготовку семян, другой — за ремонт техники, третий — за зимовку скота, четвертый — за вывоз удобрений.

Раньше за все в ответе был председатель комиссии, а члены — вроде и ни при чем. Теперь даже по колхозному радиоузлу объявляют о заседании комиссии, о том, кто конкретно какое задание получил.

— Пожалуй, это надо перенять у вас всем сельисполкомам, — сказал Казимир Иванович. — Называть не только председателей комиссии, а каждого депутата сельсовета, каждого члена комиссии, отвечающих за определенный участок. И сообщать сроки, когда дело должно быть сделано. Тогда никому за бумажками отсидеться не удастся. — И неожиданно задал вопрос: — Адам Александрович, а что вы решили делать с озерами? Ведь обмелеют, болота получатся. И вместо зоны отдыха выйдет зона печали.

В кабинете повисло молчание.

— Мы считали. наших сил и денег для благоустройства не хватит, Казимир Иванович.

— А что предлагаете?

— Может, скооперировать средства наши и городских предприятий? Пригласить геологов — пусть изучат рельеф и ток подземных вод, составят проект. А затем всем миром. Для горожан будет место отдыха и для нас. Берегов хватит, а?

— Добре. Заготовь расчеты и предложения — после сессии вместе зайдем в горком партии.

Очень ему понравилось, что в Сосновском совхозе возле машинного двора в каменных стенах, опоясывающих двор, делали ниши для хранения сена и сенажа. Не придется зимой гонять технику в поля к стогам за сеном и волочить его на санях к животноводческому комплексу. Экономия горючего, времени, да и сохранность кормов лучше.

Глядя, как рабочие наращивают козырьки над стенами, Лушневский спросил:

— К весне управитесь?

— Гораздо раньше. Мы тут подумали-подумали — а зачем нам секции? Лишняя только кладка. А если делать сплошной козырек и под него прятать сенаж? Прямой выигрыш во времени. И второе — одна стена нужна для навеса, там будет стоять техника.

Расставались мы второпях.

У Казимира Ивановича по-прежнему не было ни единой свободной минуты. До заседания оставалось совсем немного времени. Я говорил: мне понятен секрет успехов района — грамотные специалисты во всех звеньях, требовательность и доброжелательность руководства, поддержка людей способных и творческих. Но все-таки, а что ему нужно лично для себя? О чем он мечтает?

Казимир Иванович улыбнулся и ответил:

— Быть полезным людям.

СЛОНИМ,
ГОМЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ,
БЕЛОРУССКАЯ ССР

В. СТЕРИН

**КОНСТИТУЦИЯ СССР
ДЕЙСТВУЕТ, ЖИВЕТ,
РАБОТАЕТ**

СЛОВО НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

**ПИСЬМА
С КОММЕНТАРИЯМИ
И БЕЗ**

**РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ,
СОВЕТЫ ЛЮДЕЙ ОПЫТНЫХ**

РЕПОРТАЖИ

*что сделано
по письмам*

СООБЩЕДИТЕ

СТРОИМ

НОВУЮ ДЕРЕВНЮ

РАЗГОВОР В КОЛХОЗЕ

Большое старинное село Беяницы — центральная усадьба колхоза «Красный Октябрь» — расположилось в ста километрах от областного центра, города Калинина. Привольная, красивая тут земля, а вот плодородием высоким не отличается — подзол да легкие суглинки. Не балует местных земледельцев и погода — чаще неустойчивая, сырая. Короче — типичное Нечерноземье.

Сейчас «Красный Октябрь», как, впрочем, и многие другие хозяйства этой огромной зоны России, на подъеме: претворяется в жизнь известное постановление партии и правительства о дальнейшем развитии сельскохозяйственного производства в Нечерноземье. Как и во всяком большом деле, сельским труженикам приходится сталкиваться с трудностями и проблемами, в том числе правового характера, искать пути их наилучшего решения.

Организация колхозного производства, нормирование труда, его оплата, дисциплина и сознательность земледельца, его быт и культурные запросы, закрепление молодежи на селе — вот далеко не полный круг вопросов, которые затронули беянинцы в беседе, состоявшейся недавно по инициативе нашего корреспондента

А. Тюльпина в правлении колхоза «Красный Октябрь». В откровенном, непринужденном разговоре, начатом председателем колхоза, депутатом Верховного Совета СССР Юрием Михайловичем Ивановым, участвовали директор беляницкой восьмилетки Валентина Степановна Калыгина, председатель исполкома сельсовета Геннадий Иванович Хрипунов, главный агроном колхоза Надежда Александровна Хрипунова и доярка животноводческого комплекса Мария Борисовна Семенова.

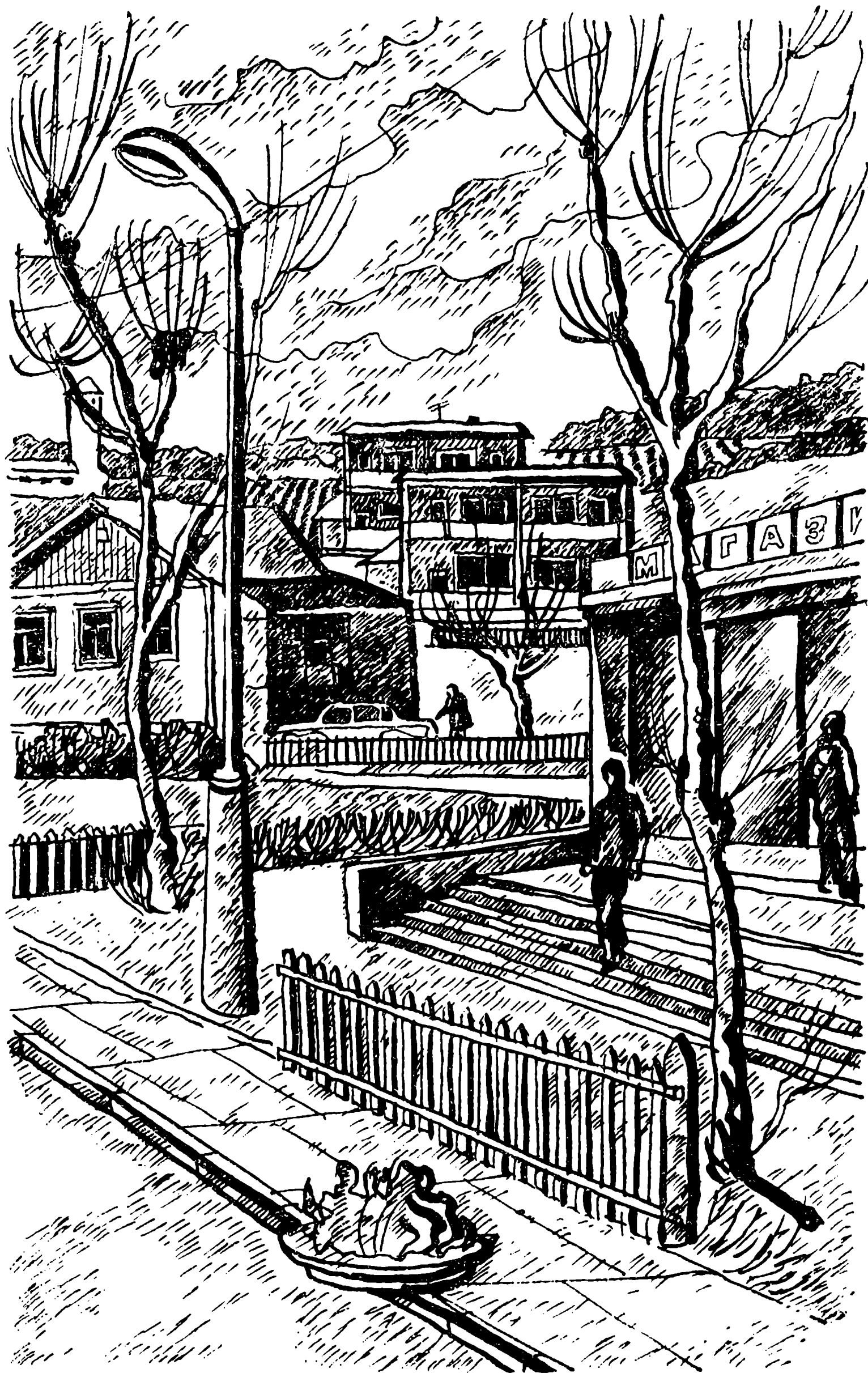
Ю. М. ИВАНОВ: ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН...

В последнее время частенько приходится слышать (особенно почему-то в среде горожан), что механизация сельскохозяйственного производства, появление в деревне городских бытовых удобств, увеличение свободного времени земледельца или животновода, дескать, «выветривает» из нынешнего колхозника исконное крестьянское трудолюбие и любовь к земле-кормилице. Этакая ностальгия по косе, избе и, заметьте, обязательно натруженным, мозолистым рукам мужика или молодайки. Иной раз об этом так поэтично говорят, что только диву даешься! Наверное, есть в этих мыслях зерно истины, да только, на мой взгляд, больше все-таки досужих рассуждений. И вот почему.

Четверть века я работаю в родном колхозе. И помню те трудные времена, когда в хозяйстве нашем при той же

почти площади угодий было всего четыре трактора и три маломощных грузовичка. Ручного труда, а значит и мозолей на руках,—хоть отбавляй. О городских бытовых условиях, сколь-нибудь устойчивой денежной оплате, а тем паче о соблюдении режима труда и речи не шло. Люди наши, хоть и трудились в поле от зари до зари, получали всего по 10—12 центнеров зерновых с гектара! А теперь? На тех же наших скудных суглинках колхозники своим трудом, но уже вкуче с первоклассной техникой и агрономической наукой подняли урожай до 35 центнеров зерновых и 7—8 центнеров льна с гектара!

Конечно, индустриализация сельского труда заметно отражается и на психологии людей. Процесс этот сложный, но естественный и связан, говоря словами нашей Конституции, с уменьшением «существенных

различий между городом и деревней», а конкретнее — с условиями, нормированием и оплатой труда, улучшением быта и повышением культурных запросов людей. Не секрет, к примеру, что из-за довольно долгого отставания села от города в условиях жизни часть деревенских жителей стремилась переселиться в город. Теперь — и это тоже не секрет — положение меняется. Почему? Да потому, что именно индустриализация сельскохозяйственного производства помогла нам так организовать работу в колхозе, что люди стали иметь не только высокие заработки, но и в большинстве случаев нормированный рабочий день, систематические выходные, отпуска. Само собой, специфика сельского труда порой нарушает эту систему — погоду ведь, к примеру, не закажешь по телефону! Посевную или уборочную страду тоже нельзя растягивать на месяцы. Люди, накрепко связавшие жизнь с землей, преданные своему крестьянскому званию, понимают это и умом и сердцем...

И все же без конца уповать на такие благородные и ценные качества крестьянского характера было бы, по-моему, неправильно. Взять хотя бы ту же посевную или уборочную. Провести их надо быстро — иначе рискуешь остаться с пу-

стыми закромами. Но и о людях думать надо: не день же и ночь им в поле месяц находиться. Мы вот какой выход нашли — организовали в колхозе механизированные звенья из трактористов, комбайнеров и шоферов с работой в три смены. В результате — у людей почти не нарушается привычный ритм жизни в семье, да и с посевной управляемся в самые что ни на есть короткие сроки — за десять-двенадцать дней.

За последние годы, например, в нашем колхозе введены в эксплуатацию механизированные коровник и телятник. Дояркам стало легче работать, повысилась производительность труда, выросли надои молока. Механизаторы получили добротные, с отоплением мастерские — им удобнее стало ремонтировать технику, работа идет спорей и машины всегда в рабочем состоянии.

Разумеется, сегодня во много раз возрос спрос с каждого работника за порученный ему участок работы. Ведь, получив в свои руки мощную и умную технику, механизатор или доярка отвечает теперь не за десятки, а за сотни гектаров пашни, не за десять-пятнадцать коров, а за все пятьдесят! Растут, таким образом, требования к производственной дисциплине в коллективе, укреплению которой опять же

способствует нормирование труда. Это серьезнейший социальный вопрос, решать который нам помогают в первую очередь юристы. К сожалению, штатного специалиста по праву в колхозе еще нет — пока нам помогает юрисконсульт районного сельхозуправления Мария Ивановна Иванова. Без ее консультаций мы, как говорится, ни на шаг. И действительно, совершенствование всей нашей хозяйственной работы тесно связано с укреплением договорной, финансовой, производственной дисциплины, с улучшением организации и нормирования труда. Вопросы это сложные и нуждаются в четком правовом осмыслении и, что не менее важно, — в должном юридическом оформлении. А именно с этого и начинается порядок в хозяйстве.

Не стоит, видимо, говорить и о том, как сильно выросли бытовые и культурные запросы современного колхозника. Да, он хочет теперь после работы не только посидеть на завалинке и «погутарить» с соседом. Нароботавшись за день в поле как следует (часто под дождичком, в жару, на морозе), он имеет право за выращенный добрый урожай и высокие надои на хороший дом, пусть не со всеми городскими удобства-

ми, но хотя бы с водой, газом, холодильником, телевизором. В сэкономленные на устроенном быте часы он (слышу справедливые замечания женщин — чаще, конечно, она) успеет заняться и со скотиной, и с огородом, да еще посмотреть газету, телевизор, сходить в клуб. Людей все чаще тянет к культуре, причем не к какому-нибудь эрзацу ее, а к настоящему искусству. Поэтому заботиться об улучшении условий жизни людей села нужно постоянно, тем более что устав колхоза прямо это вменяет в обязанность руководителям хозяйств.

Стали мы теперь строить много жилья, особенно для молодоженов. Сразу дома им даем, кирпичные, с удобствами. В итоге — за пять лет у нас в колхозе прибавилось человек пятьдесят юношей и девушек. Одних свадеб около тридцати сыграли. Уж и ребятишки появились. И опять строить надо — детский комбинат, школу, а то в старых-то детям и развернуться негде стало. О них сейчас, о будущей смене нашей думать надо, сызмальства им любовь к земле родной, к труду на ней прививать. А это задача посложней. Тут за дело всем миром надо браться, и в первую очередь — родителям, школе...

В. С. КАЛЫГИНА: РАСТИТЬ ХОЗЯИНА РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Юрий Михайлович прав — воспитывать уважение к земле, к крестьянскому труду надо с детства, со школьной скамьи. Причем не менее важно — и мы, сельские учителя, видим в этом свой долг — научить сынишек и дочерей колхозников быть культурными и рачительными хозяевами, хорошо знать и бережно охранять окружающую их природу. Жизнь в деревне сама помогает нам в этом: ведь у нас, образно говоря, один шаг с крыльца — и огород, поле, лес. Я преподаю биологию, а потому по опыту знаю — лучшие результаты дает гармоническое сочетание классных уроков биологии и правоведения (на которых ребята изучают окружающую их природу, законы об ее охране, узнают права и обязанности колхозников) с работой в поле, лесу, мастерских. Ребята с большим удовольствием выращивают на пришкольном участке овощи, проводят агрономические опыты, сортоиспытания. Или на колхозном поле, когда мы всей школой помогаем убирать картошку, свеклу, пропалывать сортовую пшеницу. Именно здесь, работая рядом с полеводами, агрономами и механизаторами, школьники начинают приглядываться: ка-

кая же специальность мне больше по душе.

Но вот подходит к концу учеба в нашей восьмилетке. Мальчики чаще поступают в сельскохозяйственные ПТУ — учатся на механизаторов, а девочки в большинстве стремятся закончить десятилетку или техникум.

В школе мы твердо знали, что многие из них, получив среднее образование, хотели бы остаться жить и работать в колхозе. И действительно, добрая половина, а то и две трети парней возвращается в родное село. А вот девочки — раз-два и обчелся. В чем же дело? На поверку выходит — многие родители, часто идя наперекор желанию дочерей, уже с раннего детства хотят видеть их горожанками: хоть, мол, и не заработаешь столько в городе, как наши доярки, зато по асфальту на каблучках ходить будешь, культуру увидишь...

Сомнительность такой родительской логики видна, как говорят, в первом же приближении: чаще всего из колхоза уходят те девочки, родители которых вообще к труду их не приучали. А между тем, как потом выясняется, в городе тоже работать нужно, а не

только «на каблучках по асфальту ходить».

Пусть меня поймут правильно: я совсем не за то, чтобы наши ребята ограничивали себя в выборе будущей профессии. Наша Конституция гарантирует в этом смысле широчайшие права для молодежи. Но вместе с тем Основной Закон обязывает родителей и нас, школьных учителей, растить ребят трудолюбивыми членами общества, правильно сознающими свой долг и гражданские права. За примерами далеко ходить не нужно.

Совсем недавно ушла на пенсию наша любимая учительница Кира Андреевна Сергеева. Она вырастила шестерых детей. Сыновья — Николай, Виктор и Миша работают в колхозе механизаторами, а дочь Валя — у нас в школе

учительницей географии. И лишь двое из сыновей Юрий и Саша живут в городе. Саша женился и уехал в Калинин. Может, и он бы остался, если бы для жены нашлась работа по специальности.

Кстати, у нас на селе действительно маловато таких рабочих мест, где требуются женские руки. А точнее — более легкий, нормированный по городскому образцу труд. Это тоже одна из причин ухода девушек из колхоза, что, в свою очередь, создает, я бы сказала, нежелательную демографическую ситуацию в Беляницах: сейчас у нас молодых неженатых парней значительно больше, чем их сверстниц. Я слышала, что сельсовет вместе с правлением колхоза такое несоответствие мыслят как-то исправить...

Г. И. ХРИПУНОВ:

ЖИЗНЬ В БЕЛЯНИЦАХ СТАНЕТ ИНТЕРЕСНЕЙ

Действительно, об этом мы задумывались не раз. Хорошую идею подал Юрий Михайлович — попробовать организовать на территории Совета швейный цех или какое-нибудь небольшое предприятие местной промышленности с расчетом на женский труд. Прикинули с карандашом в руках — дело стоящее. Многие девушки с удовольствием оста-

нутся в селе, если работа будет подходящей. В страдную пору они и колхозу помогут. А главное — жизнь в Беляницах будет интересней, если так можно выразиться, полноценней.

Сейчас всем уже ясно, что многие проблемы села связаны с бытом. Вот, например, колхозники «Красного Октября» до недавних пор жили в вось-

ми деревнях, большинство из которых состояло из двадцати-тридцати дворов. Построить в каждой приличный клуб, провести водопровод, организовать ясли или пункт бытового обслуживания — вряд ли целесообразно. Да и большинство жителей (особенно молодежь!) стремится переехать на центральную усадьбу. Поэтому решено было начать постепенное сселение колхозников в Беяницы. Строиться на новом месте людям помогает колхоз. Из деревень Гаврилица, Кисляково, Наумково, Пирогово все уже перебрались, на очереди жители Опочкова и Истопников. Так что забот у Совета сейчас много. Одна из них — проследить, чтобы дома новые строились с учетом утвержденной планировки. Село должно быть благоустроенным, красивым, тогда в нем будет приятно жить и работать.

Недавно вот разбили парк, заново прогрейдировали улицы, создали санитарную комиссию Совета и следим за чистотой в селе. Планируем в ближайший год-два построить новый клуб на четыреста мест (прежний-то совсем уж ветхий стал), торговый центр, больницу.

Согласитесь, что устроенный быт и хорошо организованный досуг колхозников немало значат. Это так или иначе снижает текучесть кадров в хозяйст-

ве, влияет на производительность труда людей, от этого, в общем-то, зависит и здоровая атмосфера, общественный порядок в селе. Ведь что греха таить — выпивки по случаю и без случая мы еще далеко не изжили. Частенько тянутся к рюмке и молодые парни. А почему? Конечно, оправдывать пьянство только тем, что на селе нет еще такого комплекса культуры, как в городе, было бы опрометчивым. Много, очень много зависит от инициативности самих ребят, комсомола. Но и сбрасывать со счетов организацию досуга нельзя — слишком велика ее роль в воспитании культурного человека, профилактике правонарушений и закреплении молодежи на селе. Надо признаться, что с клубной, спортивной работой мы в Беяницах несколько поотстали. Но будем наверстывать, ведь наша прямая депутатская обязанность, как сказано в законе, — всемерно заботиться «о расширении и улучшении работы культурно-просветительных учреждений».

Я не случайно так много говорю о нашей сельской молодежи — ведь это ей жить и работать на ставшей нам, старшему поколению, незаменимой калининской земле. И если ребята прочно пустят в ней корни, если станут ухаживать за ней как за кровным дитем,

скромное наше нечерноземное поле воздаст им сторицей. А потому мы должны по-родительски позаботиться о благоустроенном быте молодых колхозников и, уж конечно, пере-

дать, привить им свою хлеборобскую любовь к земле, научить обходиться с ней по-крестьянски бережно и уважительно. Как их отцы, что работают в «Красном Октябре».

Н. А. ХРИПУНОВА: ЗЕМЛЯ НЕ ОСТАНЕТСЯ В ДОЛГУ

Наш колхоз, как и все остальные, получил землю от государства в бессрочное пользование. И хотя природа обделила наши суглинки да подзол плодородием, это совсем не значит, что с ними можно обращаться как попало. Конституция, например, обязывает нас, колхозников, «эффективно использовать землю, бережно относиться к ней, повышать ее плодородие». А статья 23 Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик почти детально определяет, как и что для этого нужно делать.

Прямо скажу: лет десять-пятнадцать назад выполнить все требования закона было для колхоза очень нелегко и накладно. А предпринимать что-то надо — пашня у нас на две трети расположена в переувлажненных местах, то тут, то там прямо на полях пробивался ольшаник, ивняк; дорог и тропок всяких по угодьям — уйма...

Решили мы тогда организо-

вать свой колхозный мелиоративный отряд. И вот за десять лет его работы осушили и произвестковали тысячи гектаров наших «мокрых» полей, срезали и раскорчевали на них кустарник, заровняли блюдца (болотины), овраги, балки, распахали все лишние дороги и места, освободившиеся из-под старых деревень, население которых переехало на центральную усадьбу. В результате, выражаясь языком агрономов, облагородили и улучшили всю колхозную пашню. А когда провели внутрихозяйственное землеустройство, то оказалось, что за счет лежавших раньше впусе и бесхозности участков добавилось к пашне еще гектаров двести. Весомая прибавка, не правда ли? Ну, и конечно же, удобряем мы землю свою как следует, сеем хлеб по науке, только кондиционными, высокосортными семенами.

Забот, в общем, немало, но зато и урожаи большие. Для колхозников — это хорошие

заработки, достаток и благополучие в семье, удовлетворение работой, что ох как много значит. Лучшие из лучших работников даже в прошлом, неблагоприятном по погодным условиям году получили высокие государственные награды: механизаторы В. Герасимов и С. Пекконен — ордена Ленина, а П. Никитин — орден Трудового Красного Знамени. Другие колхозники, особенно молодые, стараются равняться на них. И стремление это у девушек и парней мы стараемся всячески поддерживать, развивать — ведь за ними завтрашний день нашей земли.

Мне не раз приходилось беседовать с ребятами из нашей школы о том, каким в ближай-

шем будущем станет Нечерноземье. Слушают они о завтрашнем дне родного колхоза, затаив дыхание. Вопросы потом задают самые неожиданные. И по ним я чувствовала — многие из школьников так или иначе связывают свою жизнь с Беяницами, с родительским хлеборобским делом. А некоторые (больше девочки) даже если и интересовались перспективами развития хозяйства и села, то как-то вяло, просто из любопытства; видно было: собираются уезжать в город. Кое-кого я и совсем понять не могла — ни планов, ни мечтаний о будущем, одно лишь голое желание — город...

М. Б. СЕМЕНОВА: БОЛЬШЕ ЗАБОТЫ О НАШЕМ БЫТЕ

Что правда, то правда. Девчонки наши колхозные на сторону посматривают чаще, чем ребята. А почему? Сдается мне, что неспроста.

Сейчас у нас на ферме дело так поставлено: работаем по скользящему графику — через три дня на четвертый выходной. Раздача кормов и дойка — механизированы. Ежегодные оплачиваемые отпуска, путевки в дома отдыха, санатории, за границу — пожалуйста. Обычные заработки —

свыше двухсот в месяц. Корооче — все условия.

И все же я не поручусь, что каждая десятиклассница наша пойдет на ферму. Что ни говорите — а корова ведь не машина, живое существо, с именем даже. А их у нее будет полсотни — у каждой свой характер, норы, значит, подход особый нужен. Тут терпение, чуткость требуются, что не у всех в душе припасено. Скажете, слишком уж это большие нежности. Ничуть. Попробуйте с

месяц у нас поработать — согласитесь. Ну, а кроме того, сноровку, вообще привычку к труду иметь надо. А где ее взять, если многие матери и отцы прямо пылинки со своих чад сдувают, как только можно оберегают их от нашего крестьянского труда: дескать, успеют еще, наработаются. Ну, благо, талант бы какой в нем заметили, а то просто так, жалючи отрывают парня или девчонку от земли. Потом, правда, страдают — не задась у него (или у нее) жизнь в городе. А как она задастся, если ребятки их только к одному и привыкли, что часами у телевизора или зеркала просиживать.

Я вот пока не знаю, пойдут ли дочери по моим стопам, в доярки (рановато им еще специальность выбирать, шестиклассницам), но уверена, белоручками не вырастут: к работе мало-мальски приучены. Другое дело — какой выбор профессий у них тут, в селе, будет. И если наши руководители местные позаботятся об

этом — цех, к примеру, швейный заведут в Беляницах или еще какое предприятие, — с девичьим отъездом из колхоза дело будет почти решенное. Почему «почти»? Да потому, что быт наш не совсем еще устроен.

Возьму хоть себя. Иной раз так намаешься со своими буренками, что впору без ужина спать ложиться. А тут еще домашние дела, хозяйство. На мужей, как и в городе, особенно надеяться не приходится — добрая половина из них после работы у телевизора или с газетой прохлаждаются. Надо и семью накормить, и постирать, и корове корму задать, за овцами, курами приглядеть. А в клуб сходить, фильм новый посмотреть, книжку почитать разве не хочется? Хорошо еще дочки помогают, а то трудновато бы пришлось... В общем, по здравом размышлении выходит, что и детей к труду нашему крестьянскому приучать надо, и о быте колхозника заботиться побольше.

Ю. М. ИВАНОВ

Мария, по-моему, очень правильно подытожила нашу беседу. Все наши сегодняшние дела и заботы о высоких урожаях, культуре земледелия и животноводства, об улучше-

нии условий жизни колхозников, то есть о чем мы сегодня здесь говорили, прямо и непосредственно связаны с воспитанием нового поколения сельских тружеников. И хочется

верить, что наши сельские девчата и парни со своими знаниями и культурой, помноженными на унаследованную от дедов и отцов любовь к род-

ной земле, станут коренными крестьянами в той новой деревне, которую мы уже строим сегодня...

От редакции. Публикуя беседу беляницких колхозников, мы надеемся, что читатели продолжат начатый ими разговор о проблемах современного села. Ждем ваших писем!

ВОСПИТЫВАЕМ СООБЩА

В минувшем году в большинстве деревень и поселков Владимирской области не было преступлений. Таков результат воспитательной работы местных партийных организаций, народных депутатов, административных органов, дружинников. Сельские активисты прекрасно понимают, что без строгого соблюдения законности, крепкой трудовой дисциплины, здоровых отношений в быту, трудовом коллективе немыслимы успехи на полях и фермах. Положительным результатам во многом способствовало создание в сельской местности групп профилактики и опорных пунктов охраны порядка. О том, как работает один из таких пунктов, рассказывает председатель исполкома Смолинского сельского Совета народных депутатов Ковровского района Зинаида Ивановна Фадеева.

В этих краях я родилась и живу полвека. В 1945 году окончила медицинский техникум, получила диплом фельдшера-акушера. Начала работать, избрали комсомольским секретарем, а с молодежью тогда была просто беда, Каждый норовил из дома в город податься или на стройку. Жизнь на селе тогда была совсем другая. Работала, вступила в партию. В сентябре 1958 года избрали меня председателем исполкома Смолинского сельского Совета. И вот с тех пор каждый раз переизбирают. В нашем сельском Совете семь поселков и деревень, населения 1200 человек. Считайте, каждого в лицо знаю. Сейчас на центральной усадьбе нашего совхоза «Заветы Ильича»

построен агрогородок с двухквартирными коттеджами, есть Дом культуры, гостиница, магазины, столовая. Теперь отсюда не бегут. Из армии парни, прежде чем демобилизоваться, пишут, договариваются, чтобы на работу их взяли. Да это и понятно. В прошлом году подсчитали: средняя зарплата рабочего в совхозе 163 рубля. А будет еще выше, когда освоим все производственные комплексы.

Механизация дело важное, но и о дисциплине, о поведении людей нельзя забывать. От пьяниц и лодырей большой урон всему нашему производству. Раньше как было. Директор совхоза с парторганизацией занимался нарушителями сам. Сельский Совет с активом сам по себе. В 1975 году создали мы опорный пункт охраны порядка и стали нерадивых, что называется, воспитывать сообща. В совете опорного пункта 17 человек: 11 депутатов сельского Совета, в том числе директор совхоза, заместитель секретаря партбюро, командир народной дружины, председатель ДОСААФ, директор Дома культуры. Решаем на этом совете, как лодыря или пьяницу наказать: премии лишить, выговор дать или другое какое взыскание. Если нарушение случилось не на центральной усадьбе, а в бригаде или отдаленной деревне, то выезжаем туда и собираем сельский сход, вместе с народом ведем разговор с провинившимся. Мы на деле убедились, что даже заядлые нарушители стесняются вот так держать ответ перед самыми авторитетными людьми в округе и перед односельчанами. В прошлом году собрались мы обсудить одного механизатора, а он пришел ко мне и просит:

— Тетя Зина, виноват я, знаю. Направьте мое дело в народный суд, пусть дадут пятнадцать суток, отсижу, отработаю, штраф заплачу. Лишь бы перед всем народом не стоять.

Но обсудить поведение человека на опорном пункте или на сходе мало. Нужно еще и посмотреть, как он свое слово держать будет. Вовремя остановить, наконец дать понять, что его поведение всех нас беспокоит. Вот тут как раз работа для дружинников профилактических групп.

Мы очень много внимания обращаем и на то, чтобы люди интересным делом занимались в свободное время. В Доме культуры есть штатный инструктор физкультуры, он руководит работой разных секций. Есть шахматная, шашечная, стрелковая, гимнастическая и даже теннисная. Хороший у нас драмкружок, агитбригада, библиотека отличная, и люди занимаются с удовольствием, особенно молодежь. В нашем совхозе четвертая часть рабочих — молодые люди.

Много времени отнимает борьба с пьянством. Любителей выпить у нас, к сожалению, еще немало. По-разному на них действуем. Кого обсудим на сходе, кого просто пристыдим, с семьей поговорим. В первую очередь занимаемся с молодежью, с теми, кто только-только к зелью приобщаться начинает. Иной раз парнишка пришел в Дом культуры выпивши, мало того, что самого пристыдим, с девушкой поговорим, чтобы она своему ухажеру отповедь дала. Тоже помогает.

Вот так и работаем. О всякой работе судят по результатам. А результаты такие. В 1975 году было у нас 99 случаев различных нарушений дисциплины и общественного порядка. В 1976 — 48, а в прошлом — 37, ну все равно еще много. А преступлений в позапрошлом году и за весь прошлый год почти совсем не было.

ДВЕ ПРИГОРШНИ ПШЕНИЦЫ

Вспоминаю такой случай. Как-то понадобилось мне поехать по делам в одно хозяйство. Вышел на дорогу и остановил попутную машину. Шофер посадил меня в кузов. Там уже оказалось несколько человек, судя по всему, колхозников. Проехали, наверное, с полчаса, как один из них, пожилой мужчина с изрезанным морщинами лицом, неожиданно поднялся и забарабанил кулаком по кабине:

— Сто-ой!

Шофер остановил машину и высунулся недовольный:

— Что случилось?

Ничего не ответив, мужчина перемахнул через борт. Отбежав назад по дороге метров пятьдесят, он наклонился и начал что-то собирать. Вернулся обратно, держа две пригоршни, полные зерна. Ссыпал зерно в сумку и, забравшись в машину, недовольно проворчал:

— Везли, видать, на зерноток, да и рассыпали,— и покачал головой.— Что за народ! Ведь в эту пшеничку столько труда вложено, а они ее по дороге рассыпают! Как можно так относиться к народному добру!..

До сих пор вспоминаю эти слова, сказанные пожилым колхозником. В них заключена большая житейская мудрость: нельзя с пренебрежением относиться к плодам рук человеческих. Вроде бы и немного пшеницы потеряно. Но попробуй-ка сам ее вырасти, собери,

обмолоти — и сразу они предстанут перед тобой в ином виде, эти две пригоршни колхозного хлеба. А потом, что значит «немного»? Пусть в деньгах это стоит копейки. Но представьте себе, что в одном месте просыпали немного пшеницы. В другом — малость потеряли. В третьем не углядели, она слегка попортилась. Сложи все это вместе, глядь — а убыток-то вырос в солидную сумму. При этом нельзя забывать еще об одном. Когда в коллективе привыкают к таким небольшим, на первый взгляд, потерям, у людей, словно червоточина, постепенно появляется чувство пренебрежения к доверенному им народному добру, что в конечном счете может привести к более ощутимому ущербу.

По роду своей работы мне часто приходится бывать в хозяйствах, наблюдать за повседневной жизнью колхозов и совхозов. И вот сегодня мне хотелось бы поделиться некоторыми возникшими в результате этих поездок мыслями о бережливости — неотъемлемой черте разумного хозяйствования, важном резерве повышения производительности труда.

В новой Конституции СССР подчеркивается, что каждый гражданин обязан беречь и укреплять социалистическую собственность. Требование это включает в себя многое. И в первую очередь — добросовестное отношение к своим обязанностям. Сколько раз мне приходилось наблюдать: если в колхозе или совхозе люди трудятся с полной отдачей, то они обычно являются и хорошими хозяевами. Каждая вещь у них на своем месте. Они не позволяют себе оставить в непогоду в поле сеялку. Не торопятся выбрасывать отходы — пригодятся на корм скоту. Не поленятся лишний раз проверить, все ли в порядке на фермах. В них живет постоянное беспокойство за то, чтобы ничего не пропадало. И вот рядом с такой хозяйственностью как-то особенно неприглядно выглядят факты бездумного отношения к народному добру...

Приезжаем мы как-то с проверкой в совхоз «Раменье». Смотрим: возле одного из строений стоит, накренившись, машина. Двери полуоткрыты. Колеса заржавели. Естественно, мы поинтересовались: что это такое?

— Машина для дезинфекции, — отвечают нам. — Только мы ею давно не пользуемся.

— Списанная, что ли?

— Почему списанная? Она у нас значится как действующая.

Подошли поближе. Заглянули внутрь. А там — все разворочено. От машины если что и осталось, то лишь корпус.

— Наши водители запчасти берут, — начал объяснять механик А. Горохов. — У нас, понимаете ли, с запчастями туговато. Вот и пользуемся отсюда...

— А эта машина для дезинфекции не нужна, что ли, для хозяйства?

— Очень нужна! В свое время ее закрепили за водителем Сенчуговым. Тот привел машину в порядок и ездил на ней. Потом его призвали в армию. Свободных шоферов в тот момент не было, и машина оказалась без хозяина. Поставили ее в сторонке. А тут у нас на одной из машин вышел из строя двигатель. Мы сняли двигатель со спецмашины и переставили туда...

— А неисправный двигатель куда дели?

— Отправили в капитальный ремонт.

— Но после ремонта почему же не поставили его на спецмашину? Тогда бы она была в комплекте.

— Так чего же ставить, если нет водителя и машина все равно будет стоять без дела?

— А электрооборудование куда делось?

— Вот этого не знаю. Кто-то, видно, без спросу снял.

— А передний мост кто взял?

— Тоже не знаю...

Внимательно ознакомившись со всей этой, прямо скажем, некрасивой историей, прокуратура возбудила уголовное дело по статье 99¹ УК РСФСР. В ней говорится, что преступно-небрежное использование или хранение принадлежащих совхозам, колхозам и другим государственным или кооперативным организациям тракторов, автомобилей, комбайнов и иных сельскохозяйственных машин, повлекшие их порчу или поломку, а равно разукomплектование этих машин наказуемо лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок. Те же деяния, совершенные неоднократно или причинившие крупный ущерб, наказываются лишением свободы на срок до трех лет. К ответственности были привлечены главный инженер совхоза Н. Цыпленков и механик А. Горохов, по чьему указанию началось разукomплектование спецмашины. Когда им напомнили о статье закона, предусматривающей ответственность за преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники, они ответили, что знали о ней, но решили ее обойти, руководствуясь производственной необходимостью.

Закон-то обошли, но хозяйству это влетело в копеечку: как выяснилось в ходе судебного разбирательства, разукomплектованная спецавтомашина для эксплуатации теперь совершенно непригодна. Для ее восстановления нужны большие средства. Что же касается зашедшего на суде разговора о производственной необходимости, то случившееся, думается, представляет собой наглядный пример того, как руководители хозяйства этими словами стараются прикрыть собственную бесхозяйственность, неумение бережно относиться к народному добру. Ну, скажем, какая была производственная необходимость оставлять дорогостоящую машину под открытым небом, где она, поливаемая дождями, постепенно приходила в негодность? Или взять эту историю с двигателем. Истинный хозяин если и снимет с машины какую-то деталь — допускаю, что в какой-то момент это может оказаться единственным выходом из положения, — то потом постарается как можно быстрее ее вернуть на место. В совхозе «Раменье» и не подумали это сделать. Более того, оставленную без надзора машину начали растаскивать на части. Вот какова цена «хозяйственной необходимости», о которой пытались говорить на суде механик и главный инженер. Оба они были наказаны по закону.

И это справедливо. Потому что с руководителя спрос за сохранность народного добра особый. Малейшие его небрежность, хозяйственный просчет подчас дорого обходятся не только самому хозяйству, но и всем нам... Сейчас в стране многое делается для охраны природы. Приняты законы, обязывающие руководителей

предприятий, хозяйств, организаций, всех граждан бережно относиться к животному миру, к лесным и водным ресурсам, к самой матушке-земле, которая нас кормит. Земля наша богата, но нельзя расточительно пользоваться ее щедротами. И тем более недопустимо варварское обращение с природой. Удивительный уголок земли русской наш Борисоглебский район, один из красивейших на Ярославщине. На многие километры тянутся густые леса, полные всякой живности. Реки здесь небольшие, но удивительно чистые. И вот в районную прокуратуру сообщили, что местный сыродельный завод, расположенный на берегу реки, спустил в Устье сточные воды, что вызвало массовое отравление рыбы. Совместно с представителем инспекции рыбоохраны мы выехали на место. Действительно, на реке много погибшей рыбы. Да и сама вода имела какой-то странный мутноватый цвет. Взяв пробы воды, мы отправили их на исследование в лабораторию. Оттуда пришел ответ: окисляемость сточных вод сырзавода превышает допустимую почти в пятьдесят два раза. Это и привело к гибели рыбы. При проверке выяснилось, что имеющийся на заводе отстойник не обеспечивает очистки всех сточных вод, которые остаются после производства. Не особенно терзая себя сомнениями, руководители распорядились спускать воды прямо в реку.

Выяснив всю подоплеку этой истории, мы направили в райисполком представление, в котором обращали внимание на то, что надо принять меры по сохранению чистоты реки Устье. За нарушения закона об охране природы директор завода В. Нагурный и главный инженер П. Гусев были наказаны. Сейчас на предприятии строятся новые очистные сооружения.

Справедливо говорят, что бережливость — черта коммунистическая. Человек высоких нравственных принципов обычно и в повседневной жизни проявляет себя рачительным хозяином. И другого остановит, если тот протягивает руку в государственный или в общественный карман. Не случайно в новом Основном Законе страны обращается внимание на то, что каждый гражданин обязан бороться с хищениями государственного и общественного имущества. Так многие люди и поступают. Нередко о фактах хищений, бесхозяйственности в прокуратуру сообщают дружинники, народные контролеры, просто граждане. Так, однажды к нам пришли несколько колхозников и рассказали о том, что по деревням разъезжают какие-то люди и за бесценок продают жителям явно ворованный лес. Стали мы разбираться. Задержали четверых. Это были трактористы В. Окутин, А. Назаров и разнорабочие Н. Модулин, Б. Веревкин. Они приехали в совхоз «Верзино» на трелевку лесоматериалов. Работали ни шатко ни валко, а вот выпить любили. Истратив на попойки всю имевшуюся наличность, стали раздумывать, где бы раздобыть денег на спиртное. И — додумались. Лесу-то вокруг вон сколько, если и продашь немного на сторону — никто этого не заметит.

Конечно, хищениям во многом способствовала та обстановка бесхозяйственности и бесконтрольности, которая царила на лесоразработках. И мы на это обратили внимание руководителей совхоза. Но особо хочется сказать о тех, кто скупал краденое. Учитывая преклонный возраст этих людей, их не привлекли к уголовной

ответственности. На суде они выступали как свидетели. Но нелегко, ой, как нелегко приходилось им, когда они давали показания в зале судебного заседания, заполненном односельчанами. В самом деле, как должен поступить человек, если кто-то приходит к нему и предлагает по дешевке купить явно краденое? Не только показать на ворота, но и, выполняя свой гражданский долг, сообщить обо всем в административные органы. Так, как это сделали колхозники, которые пришли к нам в прокуратуру. Тогда бы воры не смогли сбыть краденое. Но «покупатели» предпочли иное. Лес-то предлагают почти даром — как не купить? Эгоистический расчет, когда людям личное «мое» оказалось ближе и дороже, чем общее «наше», заставил их пойти на сделку с совестью.

Бережливость... Подчас она начинается с малого. С тех самых двух пригоршней пшеницы, подобранных пожилым колхозником на дороге. Но в целом — это большая государственная задача, выполнение которой зависит от каждого из нас. От того, как мы выполняем важное конституционное требование — по-хозяйски относиться к доверенному нам государственному или общественному добру.

А. КАБЕШОВ,
прокурор Борисоглебского
района Ярославской области

нам пишут

Заботы сельских дружинников

Участковый инспектор А. А. Болдинов получил сообщение: в деревне Семеновское совершено преступление. Доложив о случившемся в Вологодский райотдел внутренних дел, инспектор тут же связался с членами оперативной группы из близлежащей деревни Винниково. Рабочие совхоза «Лихтошь» В. А. Дорниченко и В. А. Денисенко вскоре прибыли на место преступления. Узнав, в каком направлении скрылся преступник, они тут же отправились следом и задержали его в четырех километрах от Семёновского.

Случай этот не исключение, а характерный пример давно налаженных тесных связей работников милиции и народных дружинников.

Вологодские земли привольные, многие деревни и поселки находятся в отдалении не только от городов, но и от центральных усадеб колхозов и совхозов. Как же тут управиться участковому инспектору в одиночку. Ведь участок порой почти 100 километров в округе. И вот здесь-то большую долю забот о соблюдении общественного порядка в своем поселке берут на себя добровольные

помощники. Сейчас в сельских поселках области более одиннадцать тысяч народных дружинников. Многие из них объединены в специализированные группы: по борьбе с расхитителями сельскохозяйственной продукции, оперативные комсомольские отряды по профилактике и предупреждению правонарушений несовершеннолетних, оперативные группы, оказывающие помощь работникам милиции в предотвращении преступлений, дружины безопасности движения. Последние, например, в минувшем году задержали 768 нарушителей правил дорожного движения.

Сегодня особое внимание сельские дружинники уделяют профилактике правонарушений. В селах Вологодщины уже работает семьдесят пять опорных пунктов охраны порядка. Им помогают сельские дружины. Из дружинников образованы профилактические группы. Их члены шефствуют над «трудными» подростками, стараются вовремя предостеречь, поправить тех, чье поведение вызывает тревогу.

Огромное внимание работе добровольных народных дружин оказывают партийные и советские органы области. Создан областной штаб ДНД, который возглавляет заместитель председателя исполкома Вологодского областного Совета народных депутатов Е. И. Макаровский.

В апреле этого года в Вологде состоялся областной слет дружинников. На нем шел серьезный, деловой разговор о том, как добиться наилучших результатов в большом и важном деле воспитания у людей чувства уважения к закону, к нормам морали. Лучшие дружины, группы и дружинники были отмечены почетными грамотами, памятными подарками. Среди награжденных много дружинников села.

ВОЛОГДА

В. САВКИН

Долг свидетеля

Свидетели несут случайную повинность, всегда более или менее тягостную», — писал известный русский юрист А. Ф. Кони. Что правда, то правда, нелегко порой быть свидетелем, особенно если приходится давать показания, касающиеся знакомого или родного человека. Нелегко, но совершенно необходимо для выяснения истины и восстановления справедливости. Именно поэтому явка свидетелей к следователю или в суд и дача правдивых показаний — это не только долг человеческой совести, но гражданская обязанность всех советских людей. Хочу рассказать о том, к чему приводит иногда стремление некоторых свидетелей ввести суд в заблуждение...

Однажды в травматологическое отделение больницы города Копейска доставили молодого человека с проникающим ранением живота. После того как врачи оказали медицинскую помощь, его допросил следователь Копейского городского отдела внутренних дел А. Мячев. Потерпевший, а им оказался Г. Андреев, рассказал, что накануне он со своими знакомыми Б. Соловьевым, Л. Завражиной и Т. Дюрдеевой допоздна засиделся в ресторане «Радуга». Часам к одиннадцати к ним присоединился еще один их знакомый — С. Коптелов. После того как ресторан закрылся, они, прихватив с собой спиртное, все вместе отправились на квартиру Дюрдеевой, где продолжили выпивку. А ночью, когда Коптелов, мягко выражаясь, оказался лишним в компании, между «друзьями» завязалась пьяная драка. Вооружившись попавшимся под руку напильником, Коптелов внезапно ударил им в живот одного из своих соперников — Андреева.

Утром Мячев допросил участников этой пьянки (за исключением Коптелова, который скрылся). Все трое единодушно рассказали, при каких обстоятельствах был ранен потерпевший. Но буквально спустя час-другой после допроса свидетелей (это выяснилось потом на суде) их «навестил» Коптелов. И что же? Соловьев и Дюрдеева вскоре резко изменили показания. Они также отправились в больницу к потерпевшему и ввели его в «курс дела»: как себя вести, что говорить. И только одна Завражина, несмотря на уговоры и даже угрозы, отказалась участвовать в этом сговоре. Между тем задерживают Коптелова — вины своей он не признает на допросе.

Неспокойно было на душе у следователя, когда отправлял он дело в суд: чересчур много противоречивых показаний.

...Судебный процесс начался с «эффектного» выступления самого Коптелова. Он отказался от защиты и просил направить дело на новое расследование по восьми (!) основаниям.

Не стоит, думаю, долго рассказывать о всех ухищрениях подсудимого, для которого этот суд был не первым. Отчаянно старались ему помочь и лжесвидетели. Дюрдеева в суде неожиданно стала отрицать все, что видела и о чем давала показания следователю. Андреев вдруг заявил, что его ударил случайный прохожий. Дальше остальных в лжесвидетельстве пошел Соловьев — он начал утверждать в суде, будто прохожие (уже не один!) избили не только потерпевшего, но и его самого!

Слов нет, такие ложные версии затрудняют рассмотрение дела и поиск истины в суде. Однако все эти «сердобольные» свидетели напрасно надеялись, что судьи, обладающие теоретическими и практическими знаниями и навыками, легко поверят в их неуклюжие

уловки. Суд детально разобрался в существе дела, признал Коптелова виновным и приговорил его к длительному сроку лишения свободы. Вместе с тем против потерпевшего Андреева и свидетелей Соловьева и Дюрдеевой народный суд возбудил уголовное дело о лжесвидетельстве. Они ведь знали, на что шли, давая заведомо ложные показания...

А спустя некоторое время в том же самом суде на скамье подсудимых находились уже Андреев и Соловьев (дело Дюрдеевой было прекращено по амнистии). За дачу ложных показаний суд приговорил Соловьева к одному году лишения свободы, а Андреева, учитывая его первую судимость,— к условному осуждению. Как говорится, что посеешь...

Конечно, нелегко иногда рассказать всю правду в суде, но и «маскировать грехи» преступника, пусть даже близкого человека,— значит идти на сделку с совестью, значит совершать еще одно преступление — против правосудия.

**КОПЕЙСК,
ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ**

**А. КОРЮКОВ,
народный судья**

Коллектив был рядом

Дорогая редакция! Хочу написать о замечательных людях, которые в трудное для нашей семьи время пришли нам на помощь. Год с лишним назад тяжело заболел мой муж, Емельянов Владимир Иванович. Вся наша семья, конечно, старалась приободрить его.

Но не только мы были обеспокоены судьбой больного. Члены бригады производственно-монтажного управления автозавода имени Лихачева, где Владимир Иванович работал долгие годы, навещали его, рассказывали ему о производственных делах. В трудные дни болезни он постоянно чувствовал поддержку друзей.

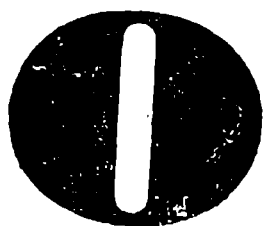
После того как муж вышел из больницы, профсоюзная организация выдала ему бесплатную путевку в санаторий для дальнейшего лечения. От всей души благодарим этих чутких и внимательных людей.

МОСКВА

Л. ЕМЕЛЬЯНОВА

растить гражданина

на тяжело опустилась на стул и все никак не могла перевести дыхание. Потом начала плакать. Тихо, как-то очень безнадежно... и привычно уже. Видно, знала по опыту, что, пока не отольются эти непрошенные слезы, все равно не сможет ничего толком сказать. И потому, когда она начала говорить, я долго слушала ее не перебивая, хотя все никак не могла понять, чем же теперь можно помочь этой женщине.

хочу поделиться своим горем..

— Горем своим хочу поделиться,— сказала она и тут же смущенно так улыбнулась сквозь слезы.— Ой, сама не знаю что говорю, простите бога ради. Это радостью можно поделиться и всяк с тобой порадуется. А горе — оно мое, со мной и останется. Такое горе, что хуже, кажется, и не бывает. Судили нашего сына за тяжкое преступление. По статье 145. Вместе с дружками своими избил и ограбил пожилого человека. И это не в первый раз у них такое было. Только вы не подумайте, что я с приговором не согласна. Хоть он и единственный сын, но оправдать его я никак не могу. А раз согласна с приговором, то и с тем, значит, согласилась, что теперь его чужие люди будут перевоспитывать. Нам самим не по силам оказалось...

Она помолчала немного, как бы припоминая все пережитое и отсеивая главное, что нужно сказать, чтоб ее правильно поняли.

— Уж полгода после суда прошло. Пора бы все понять и смириться, а я вот все думаю, думаю. И плачу. Мне бы легче было, поверьте, чтоб меня судили. Ведь это мы с мужем виноваты, что сына упустили. Да, по правде, нас вроде бы и судили. И там, на суде, и дома — соседи, и на работе. Может, и кажется теперь лишнее что, да ведь от себя куда уйдешь! И вот я все думаю, что же я не так сделала, чтоб отвратить сына от дурного? Ведь видела, видела, в какую кампанию он попал! Сколько раз пыталась поговорить с ним. Грозилась даже сама в милицию сходить. Да он разве меня слушал? Получалось — я свое говорю, а он свое делает.

Стала расспрашивать ее, где она работает, муж, почему сын из школы ушел не доучившись. Она поняла меня по-своему.

— Да нет, не нуждался он ни в чем. Мы с мужем хорошо зарабатываем. Все, что парню нужно, все у него было. И знал он, что если что попросит — всё ему сделаем. Ни деньги, ни вещи ему не нужны были. Это и на суде все поняли. Просто он уже не мог от своей компании оторваться. Чтоб, не дай бог, за труса его не посчитали.

Что дружки у него никудышные — это я видела, конечно. Уж чего только не придумывала, чтоб отвлечь его от этой компании. Книжки ему самые интересные приносила. Билеты в театр доставала. Потом начну расспрашивать, понравилось ли ему, интересно ли. Да он все шуточками отделывался — не старайся, мол, мать, мне с тобой все равно не интересно разговаривать.

Обидно было, конечно. На работе со мной молодежь всегда советуется. Секреты свои доверяют. Вроде бы я для других не такой уж серый человек. А вот с сыном не нашла общего языка.

— Ну, а отец? — спросила я.

— Не знаю, что и сказать. Он у нас человек суровый. Считал, что его дело — сказать, а сын должен слушаться. Сын ему не дерзил. Отмалчивался. Так они, бывало, неделями не разговаривали...

Мы долго беседовали с Марией Семеновной в тот день. Пришла она посоветоваться, что теперь писать сыну, чем помочь ему, как сделать, чтоб вернулся он к нормальной жизни несломленным человеком. И, конечно, в первую очередь хотела она узнать, от чего зависит досрочное освобождение и в каких случаях оно предусмотрено.

Ушла она чуть приободрившись. Не знаю, стало ли ей легче от нашего разговора, но какая-то частичка ее горя, это уж точно, осталась со мной. Вроде бы и в самом деле горем своим поделилась...

То, что мысли о судьбе сына и собственной ответственности неотвязно преследуют Марию Семеновну, понять можно. Сын через несколько лет вернется, и ему нужна будет разумная помощь родителей. Да и раздумья сами по себе неизбежны и благотворны, если, понятно, они не направлены к единственной цели — успокоить собственную совесть. Сознательно такой цели перед собой моя собеседница, я уверена, не могла поставить. Но все же. В ходе разговора она не раз возвращалась к рассказу о том, как пыталась спасти сына, как мучительно пыталась преодолеть стену отчуждения. И уже почти как вывод звучали ее рассуждения о том, что и в других семьях такое не редкость, и что-де во всем виновата «компания», а если б ее не было, все могло быть иначе...

Что ж, в подобном рассуждении, пожалуй, есть своя логика. Да, встречаются такие семьи и такие взаимоотношения родителей и детей. Но утешаться тем, что, мол, и у других не лучше — занятие бессмысленное. «Компания» безусловно сыграла свою роль. Но ни с чем не соизмерима вина родителей, не сумевших привить сыну те нравственные устои, которые позволили бы юноше противостоять любому дурному влиянию. Ни с соседями, ни со школой, ни с райкомом комсомола эту вину не поделишь, хотя, безусловно, и по их недосмотру в этом городе и в этом дворе сколотилась и достаточно долго орудовала шайка преступников.

Примеров истового родительского рая о детях каждый из

нас, если живет с незавязанными глазами, знает десятки. Но не всегда радение это бывает достаточно разумным. Взрослые не всегда хотят, а иной раз и не могут с предельной честностью продумать складывающуюся жизненную ситуацию и постараться вовремя предпринять необходимые шаги, чтобы реально повлиять на ход событий.

Слушая горькую исповедь Марии Семеновны, я невольно вспомнила одну житейскую историю.

...Несколько лет назад, в ответ на очерк о судьбе группы подростков, которые, начав с малой шалости, дошли до жестокого преступления, в редакцию, как это часто бывает, посыпались отклики. Из всех особенно запомнилось мне письмо из Белоруссии — две ученические тетради, исписанные мелким почерком. История, рассказанная в них, приходит на память всякий раз, когда я узнаю об исковерканных судьбах подростков, которые на глазах у взрослых — родителей, соседей, педагогов — стали на преступный путь.

Письмо это, длинное, со многими подробностями недавней семейной неурядицы, заняло бы половину журнала. Потому я перескажу только самую суть.

Василий Петрович В., глава семейства, работал прорабом на строительстве в одном из больших городов. Жена его тоже работала. Дом был, что называется, полная чаша. Росли в семье двое детей — сын и дочь. К морю ли съездить, обновку какую купить, дорогой магнитофон или еще что — дети ни в чем не знали отказа. И до поры ничем своих очень занятых родителей не беспокоили — учились прилично, вели себя скромно. Но вот в соседнем дворе появилась развеселая компания молодых людей, сверх всякой меры любивших развлечения.

Сначала просто вечеринки с выпивкой, потом и до попоек дошло. Подружилась с этими ребятами дочка нашего героя, да и сын потянулся вслед за ней. Так случилось, что вскоре несколько человек из этого двора были осуждены за злостное хулиганство на разные сроки. Урок был получен достаточно убедительный. Но компания, как это бывает порой, не распалась. Открыто хулиганить, правда, теперь остерегались. Но встревоженный отец, человек умудренный, понимал, что выпивки и танцульки, коль скоро они — главное в жизни, до добра не доведут.

Пробовал он детей уговаривать, стыдить. Хватало ненадолго. Так тянулось около двух лет. Побывал он и в райкоме комсомола, и в отделении милиции. Обещали что-то предпринять, помочь, присылали кого-то в их двор. Но ничего не изменилось — только на время компания чуть притаилась.

Как-то дочь не пришла ночевать домой, и это было последней каплей, переполнившей чашу терпения. Отец понял главное: он сам упустил детей, ни к чему дельному их не приучил, и теперь от разговоров и нотаций пользы будет мало.

И тогда он решился на крайний шаг. Уволился с работы, где его знали, ценили, где ему открывались хорошие служебные перспективы, оставил город, где была у него нелегким трудом заработанная благоустроенная квартира, продал за бесценок все, что нельзя было захватить с собой в руках, и переехал с семьей в другую

область в небольшой поселок, где только начиналось новое строительство.

В заключение длинного своего письма он писал, что шаг этот решительный был не напрасным. Приходилось снимать комнату, резко уменьшился семейный бюджет и значительная часть домашних тягот легла на плечи детей. Сначала они все встречали в штыки, ершились, упрямылись. Но со временем убедились — труднее всего было отцу, и сделал он все ради них. А главное, — не порвав с родителями окончательно, они не могут вернуться к прежнему. Понемногу втянулись в новую жизнь, когда приходилось и учиться, и работать. Логика всех этих перемен привела их к тому, что эгоистически-потребительская привязанность к родителям сменилась чувством глубокого уважения к ним, стремлением заслужить их дружбу, оправдать лучшие надежды.

«Нам с женой, — писал Василий Петрович, — ничего не давалось просто. В молодости мы долго скитались по чужим углам, пока комнату получили. Работали и учились заочно. Трудно было, что говорить. Но к тому времени, когда дети стали подрастать, все уже более или менее наладилось в нашем быту. Так что забот наших они знать не знали, а свое все на нас привыкли сваливать. Вот я тогда и подумал — надо бы все с начала начать, пусть будет трудно и нам, и им, но зато научатся мои дети ценить то, что своим трудом заработано. Чтобы воспитать в них чувство собственного достоинства и личную ответственность за все с ними происходящее, мне нужно было их доверие. И думаю, что теперь я могу сказать с большой долей уверенности: мне удалось поставить своих детей на ноги».

Совсем не хочу сказать, что такой поворот событий — единственный выход из трудного положения. Рецептов никаких тут, естественно, быть не может. Но разумный урок извлечь из чужого опыта всегда полезно. Главное же — надо понять — когда дети в беде, то, бывает, требуется совершить нечто из ряда вон выходящее, чтобы уберечь их от еще большей беды. И это никакая не жертва, а всего лишь плата за излишнее благодушие, а то и просто родительское нерадение.

Конечно, разные бывают семьи и непохожие складываются отношения между детьми и родителями. Одно бесспорно — подрастающий человек остро нуждается в дружеском внимании взрослых членов семьи, их моральной поддержке. А это возможно только, когда дети по-настоящему доверяют взрослым. И если подросток не находит по какой-то причине такой опоры в семье, то невольно начинает искать замену на стороне. Не всегда и не обязательно это плохо кончается. Просто случаи, подобные тому, о котором рассказала Мария Семеновна, привлекают к себе больше внимания и сильнее запоминаются. Лучше, чтоб таких случаев не было вовсе. И многое, очень многое тут зависит от семьи.

ОПОЗДАЛ...

Нас двое в моем кабинете: я и Владимир Иванович Чекмарев, присхавший с Урала. Его детям: Василию — шестнадцать лет, Ирине — тринадцать. В детских домах они с 1967 года, в нашем — более пяти лет. Чекмарев их еще не видел и расспрашивает меня о порядке возвращения детей родителям. Он и приехал сюда с целью забрать сына и дочь. Живет Чекмарев с новой женой хорошо, в полном достатке. Плохо только, говорит, что детей нет и не будет больше. Ему скоро пятьдесят, жене тоже около этого. Заскучали одни. У соседей уже внучата шумят в квартире, завидно смотреть на них.

Я разъяснил порядок возвращения детей из детского дома в семью, рассказал, какие документы нужно подготовить.

Мой собеседник заволновался:

Помогите мне, товарищ директор, — просит он горячо, — вернуть детей. Знаю, сильно я перед ними виноват. Но неужели время не смягчило их обиду. Многое передумал, многое изменилось. Я уже не тот. Думаю, что дети мне все простят. Дома жена все подготовила, сестра моя тоже ждет Васю и Иру. Детям понравится у нас на Урале. Если б вы знали, как трудно без детей...

Смеркается. Сидим некоторое время молча. За окнами кабинета слышны звонкие голоса воспитанников. Я не спешу звать детей на свидание с отцом. Не первый раз встречаюсь с родителем, что, прогулявшись, под старость лет ищет родных детей. Что он знает о них, ведь даже не представляет, какие они: веселые, озорные или замкнутые в себе. Не тревожился этот папаша, когда дети болели, не радовался, когда пошли они в первый класс... О чем он сейчас думает. Что ж, возможно, о том, что многого в жизни лишил себя...

— Хорошо, Владимир Иванович, — прерываю я молчание, — мы с вами уже обо всем переговорили, осталось последнее, но самое главное: согласны ли дети возвратиться в вашу новую семью? Сейчас вы встретитесь с ними... Кстати, сколько лет вы не видели своих детей?

— Кажется, около восьми.

Зажигаю в кабинете свет, посылаю за Чекмаревыми. Отец волнуется, нервно поправляет какие-то сверточки в авоське, внимательно смотрит на дверь. Слышны торопливые шаги по коридору. Стук в дверь. Вот они: Вася и Ира. Увидя незнакомого мужчину, сказали «здравствуйте» и остановились. Отец поднялся, но подойти к детям не решился.

— Садитесь, ребята, — приглашаю.

Садятся около меня, молчат.

— Узнаете этого человека? — спрашиваю ребят.

— Да, — ответил Вася, — это наш отец.

— Ира, ты помнишь своего отца?

— Нет.

Владимир Иванович как-то сразу съезжился. Поник. Видно, не так он представлял эту встречу.

— Вася и Ира, отец приехал, чтобы взять вас к себе домой, на Урал. Я хотел бы знать ваше мнение.

— Нет, я не поеду, я буду жить в детском доме,— уверенно ответил Вася.

— Андрей Никифорович, родненький, не хочу я к нему, не хочу, не поеду, я буду вас во всем слушаться, не отправляйте,— разрыдалась Ира, уткнувшись в плечо брата.

— Ну что ж, ребята, идите сейчас, гуляйте,— разрешаю я, чтобы поскорей прекратить это тягостное свидание,— а с решением не спешите, подумайте хорошенько,— добавляю.

Чекмарев, облокотившись на стол, тихонько, по-мужски всхлипывает. Затем, успокоившись немного, начинает свою исповедь.

— Вначале мы с Варей жили хорошо,— вспоминает он,— я работал шофером, заработок был неплохой, обзавелись хозяйством, дети пошли. А потом появились дружки, водка. Стал дома реже бывать, да и Варя, казалось, отдалялась от меня. Начал ревновать ее. Когда родилась Ира, посчитал, что она не моя дочь. Как я ошибался! Ведь, товарищ директор, Ира похожа на меня, не так ли? Тогда я думал иначе. Несколько раз жестоко избил жену, но Варя смолчала, жалела детей. Тяга к спиртному все больше росла. Пьяная драка — и вот я приговорен к пяти годам лишения свободы. А Варя умерла через год после этого... Сейчас я уже не пью, страдаю печенью, лечусь.

— Почему же вы в 1969 году, вернувшись из мест заключения, не вспомнили о детях, не поинтересовались их жизнью в детском доме?

— Да так... Все как-то не до них было: ведь я успел за это время три раза жениться...

— Вы ни разу не напомнили детям о себе, не прислали им ни одного подарка. Кстати, вы знаете дни рождения своих детей?

— Не знаю,— был откровенный ответ.

— А где ваша старшая дочь Зина?

— Где-то в Донбассе.

— Вы и этого не знаете. Зина после ухода из нашего детского дома окончила профтехучилище, вышла замуж, сейчас работает в Ивановской области. Кстати, вы уже дедушка.

— Не может быть! — восторженно воскликнул Чекмарев.

— Вот ее письмо ко мне, в котором она поделилась своей радостью.

Чекмарев взял дрожащей рукой письмо, но читать не смог, а, вытащив платок, стал вытирать набежавшие слезы.

...Ему предоставили ночлег в детском доме, а на завтра в шесть часов утра, когда дети еще спали, Чекмарев уезжал. Я проводил его до калитки.

— Товарищ директор, а может быть, они еще передумают. Помогите мне. Вижу, что дети уважают вас, верят каждому вашему слову. Уговорите их ехать ко мне. Я виноват перед ними. Дети — моя последняя радость и надежда. Помогите!

Редакции отвечают

Обслуживание с изъязном

Жители села Покровка (Джеты-Огузский район Иссык-Кульской области) давно убедились, что газ в быту — большое удобство. Да вот беда: установить газовую плиту было не просто. Но и после того, как ее устанавливали, хлопоты жителей не прекращались, потому что баллоны с газом привозили от случая к случаю. Иной раз, не дождавшись их, приходилось извлекать заброшенные было керосинки, чтобы хоть на чем-то сварить обед или вскипятить воду. «Особенно страдают от такого «обслуживания» инвалиды войны и труда и пенсионеры,— писал в редакцию В. Костенко.— Сколько все это может продолжаться?»

Редакция направила жалобу для проверки в исполком Джеты-Огузского районного Совета народных депутатов. Председатель райисполкома К. Самыкбаев сообщил, что претензии жителей справедливы. За несвоевременное обеспечение газобаллонами села Покровка, недоброкачественные установку и ремонт газовых плит слесарь В. Сухов снят с занимаемой должности.

Больничный лист за полушубок

В медпункт поселка Красный Яг (Коми АССР) пришел гражданин Бучинский. На вопрос фельдшера Чулковой, что у него болит, он бодро ответил, что совершенно здоров, но тем не менее ему на определенный срок нужен больничный лист. И чуть потише добавил, что за это он ее «отблагодарит». Соблазненная посулой, Чулкова оформила больничный лист. Спустя некоторое время Бучинский, выполняя обещание, преподнес ей полушубок.

Об этой возмутительной истории написала Р. Пономарева. Редакция направила ее письмо в прокуратуру Коми АССР. Заместитель начальника следственного управления прокуратуры автономной республики Р. Пименова сообщила, что при проверке факты подтвердились. Прокуратура города Печоры возбудила против фельдшера Чулковой уголовное дело.

Направлен

на принудительное лечение

«**П**рошу мне помочь,— писал в редакцию Н. Носов.— Дело в том, что меня направили в лечебно-трудовой профилакторий. А чего ради? Ну, выпивал малость. Так что же, из-за этого сразу надо лишать человека возможности жить нормальной жизнью, приносить пользу обществу?»

По просьбе редакции Верховный суд Казахской ССР проверил определение народного суда города Никольское Джезказганской области о направлении Н. Носова в лечебно-трудовой профилакторий. Оказывается, Н. Носов в течение нескольких лет систематически злоупотребляет спиртными напитками. На почве пьянок часто прогуливал. За неоднократные нарушения трудовой дисциплины его уволили с шахты. На работу больше не устраивался. Продолжал пьянствовать. Обследовав Н. Носова, врачебная комиссия признала его хроническим алкоголиком, нуждающимся в лечении. На основе этого заключения он в принудительном порядке был направлен в лечебно-трудовой профилакторий.

За нарушение трудового законодательства строгий спрос

Жительница Чимкента Казахской ССР А. Панькова работала старшим бухгалтером гостиницы «Чимкент». Потом она уволилась. Однако расчет с ней сразу же не произвели, трудовую книжку не выдали.

Редакция направила жалобу в Чимкентский областной совет профсоюзов. Оттуда сообщили, что претензии А. Паньковой справедливы. В законе установлено правило: при задержке выдачи трудовой книжки по вине администрации работнику выплачивается средний заработок за все время вынужденного прогула (статья 94 КЗоТ Казахской ССР). А. Паньковой отдали трудовую книжку. Кроме того, за вынужденный прогул ей было выплачено 271 рубль 40 копеек.

Из поселка Красная Поляна (Краснодарский край) в редакцию пришло письмо, в котором сообщалось о неправильных действиях заведующей детскими яслями-садом № 67 В. Жуковой. При увольнении сотрудников и переводах их на другую работу она допускала нарушения законодательства о труде.

Как сообщили из Краснодарского краевого совета профсоюзов, при проверке факты подтвердились. Приняты меры. Незаконно переведенные на другую работу и уволенный работник восстановлены в прежних должностях. В. Жукова наказана в дисциплинарном порядке.

Группа киномехаников Жарминской районной дирекции киносети Семипалатинской области Казахской ССР написала в редакцию о том, что их киномастер Н. Бессонов по совместительству исполняет обязанности главного инженера кинотеатра «Спутник», а

это, как известно, запрещено по закону. Даже после того, как Жарминский райфинотдел указал районной дирекции на это нарушение, Н. Бессонов продолжал оставаться на двух должностях.

Начальник Семипалатинского областного управления кинофикации Б. Мухаметжанов в ответ на запрос редакции сообщил, что незаконное совместительство отменено. На директора районной дирекции киносети В. Новак за грубое нарушение трудового законодательства наложено дисциплинарное взыскание.

Рабочие Бердского радиозавода из Новосибирской области пожаловались на то, что у них на предприятии переводят работников инженерно-технических служб с одного места на другое, не считаясь с нормами законов о труде.

Председатель областного совета профсоюзов Р. Мокренко сообщил редакции, что при проверке факты подтвердились. Профсоюзный комитет и юридический отдел завода слабо осуществляют контроль за соблюдением трудового законодательства в цехах. Результаты проверки обсуждались на расширенном заседании заводского комитета. Правовая инспекция труда облсовпрофа предписала отменить приказы, изданные с нарушением законодательства.

ЧТОБЫ ЛЮДИ МОГЛИ ОТДОХНУТЬ

Группа туристов, отдохавшая в Кабардино-Балкарии, пожаловалась на то, что на турбазе «Долина нарзанов» плохо организован досуг. В доме отдыха часто распиваются спиртные напитки. Нередки случаи хулиганства.

Как выяснилось после проверки, которую проводила прокуратура Кабардино-Балкарской АССР, приведенные в письме факты подтвердились. По выявленным нарушениям прокуратура республики внесла представление председателю Кабардино-Балкарского областного совета по туризму и экскурсиям. За плохо организованную работу директору турбазы «Долина нарзанов» М. Алибулатову объявлен выговор. Старший инструктор С. Теков освобожден от занимаемой должности. Приняты меры по улучшению обслуживания туристов.

Почти четверть века руководит колхозом «Красный Октябрь» депутат Верховного Совета СССР Юрий Михайлович Иванов.

С юных лет живут и трудятся в Беяницах доярка колхоза «Красный Октябрь» Мария Борисовна Семенова, директор сельской восьмилетки Валентина Степановна Калыгина и председатель исполкома Беяницкого сельского Совета народных депутатов Геннадий Иванович Хрипунов.

**1 ИЮНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ
ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ**

РАДИ СЧАСТЬЯ ДЕТЕЙ

1 июня в нашей стране как всегда широко отмечается Международный день защиты детей. Эта традиция установлена в 1949 году по инициативе Международной демократической федерации женщин. Матери земли решили ежегодно в этот день напоминать человечеству о необходимости защищать детей от опасности войны, улучшать их образование, положение, воспитание.

По решению XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН 1979 год объявлен Международным годом ребенка. Мероприятия этого года будут направлены на борьбу с хронической бедностью, нуждой, недоеданием и другими социальными бедами, лишаящими подрастающее поколение радостей детства во многих странах и районах земного шара.

Дети в нашей стране всегда были предметом особой заботы Коммунистической партии и Советского государства. «Привилегированным классом» называют нашу детвору все, кто знакомится с ее жизнью и делами. От невзгод и лишений, отравляющих детство их сверстникам в мире капитала, маленькие граждане нашей страны надежно защищены Конституцией СССР и Конституциями союзных советских социалистических республик. Советские Конституции гарантируют охрану материнства и детства в СССР «созданием условий, позволяющих женщинам сочетать труд с материнством; правовой защитой, материальной и моральной поддержкой». Государство взяло под защиту семью, заботясь о ней «путем создания и развития широкой сети детских учреждений, организации и совершенствования службы быта и общественного питания, выплаты пособий по случаю рождения ребенка, предоставления пособий и льгот многодетным семьям, а также других видов пособий и помощи семье».

Но главное — политика нашей партии и государства направлена на избавление всех детей Земли от ужасов и бедствий войны. Не дать империализму создать угрозу жизни детей нейтронной бомбой, омрачить счастье ребенка зловещей тенью крылатой ракеты — это общая обязанность всего миролюбивого человечества.

ОБРАЗОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ, СРЕДНЕЕ

Роль права возрастает в нашей жизни с каждым днем. Растет в связи с этим и потребность в квалифицированных юристах.

Их готовят в различных вузах страны, и количество выпускников с каждым годом растет. Вместе с тем есть большая нужда в юристах не только с высшим образованием, но и специальным средним.

По этому поводу наш корреспондент обратился к члену коллегии Министерства юстиции СССР, начальнику управления кадров М. П. Вышинскому.

— Михаил Павлович, в обширной почте нашей редакции есть множество писем как от школьников, так и от их родителей с просьбой ответить, куда можно поступить, чтобы стать юристом с высшим либо средним образованием. Мы обычно сообщали авторам писем адреса вузов, но отвечали, что техникумов таких пока нет. Между тем...

— Простите, я вас прерву. Теперь можете отвечать, что есть. По крайней мере некоторые уже летом этого года начнут прием учащихся. Но я перебил вас.

— Собственно, отпала необходимость в продолжении вопроса. Хотелось бы заметить: и наша почта, и наши наблюдения свидетельствовали о том, что на современном этапе не обойтись без юристов, так сказать, среднего звена.

— Совершенно правильно. Именно потому, что в них нуждаются, на них есть, что называется, «спрос» и создаются сейчас техникумы.

— Но помнится, Михаил Павлович, в свое время, в сороковых-пятидесятых годах, у нас были юридические школы, из стен которых вышли неплохие специалисты. Они и теперь работают судьями, следователями, прокурорами, юрисконсультами, адвокатами.

— Верно, были. Однако между теми школами и нынешними техникумами существенная разница, которая свидетельствует, во-первых, о громадном политическом, социальном и культурном скачке, совершенном страной за последние десятилетия, а во-вторых, о повышении требовательности к юристам названных вами профессий. В самом деле, в условиях высокой грамотности и правовой культуры граждан, значительного усложнения задач в области права и законности прокурору или юрисконсульту со средним образованием, пусть и специальным, уже не справиться с возложенными на них функциями. Тут нужно образование высшее. Сейчас на таких должностях людей без вузовского диплома уже редко встретишь. Но есть ряд юридических должностей, на которых просто нецелесообразно держать специалистов высшей квалификации. Вместе с тем держать на них людей без знаний в области права тоже нельзя. Словом, жизнь потребовала развернуть в стране подготовку правоведов среднего звена.

— Уточните, пожалуйста, кого именно будут готовить техникумы и на какую работу будут направлять выпускников?

— Техникумы будут выпускать специалистов-правоведов, которым будет присваиваться квалификация юриста. Сфера применения их знаний широка. В юстиции они будут работать прежде всего судебными исполнителями, секретарями судебных заседаний, кодификаторами, заведующими канцеляриями судов и на других должностях. В аппаратах Советов — могут использоваться и в общих отделах, и в приемных, и в исполнительных комитетах сельских и поселковых Советов, которые, как известно, выполняют наряду с другими и юридические функции. На предприятиях, в объединениях, ведомствах — это юрисконсульты, кодификаторы, инспекторы кадровых подразделений.

Курс обучения включает в себя приобретение теоретических знаний и практических навыков по специальности «Правоведение» при сочетании общего и специализированного в юридическом обучении. Выпускники будут обладать знаниями основ теории государства и права, советского государственного, гражданского, уголовного и трудового права, разбираться в организации делопроизводства, судебной статистики, работе судов, прокуратуры, органов юстиции, в бухгалтерском учете. Они сумеют в пределах своей компетенции применять материальные и процессуальные нормы права, готовить юридические документы, исполнять приговоры, решения, определения и постановления советских судов по уголовным и гражданским делам, а также судов иностранных государств (по гражданским делам), вести прием граждан, квалифицированно помогать руководителям и специалистам в подготовке к рассмотрению уголовных, гражданских, арбитражных дел, административных материалов, писем и жалоб граждан. Как видите, круг функций довольно широк.

— Безусловно. Но в таком случае к абитуриентам, вероятно, будут предъявляться особые требования.

Я бы поставил вопрос несколько по-иному. Видите ли, в юридических техникумах не будет ничего такого, что бы их в корне отличало от других средних специальных учебных заведений. Вступительные экзамены те же, что и в техникумах гуманитарного профиля.

Все документы, рекомендации педагогических или трудовых коллективов и общественных организаций, справки о состоянии здоровья — те же. Правда, принимать будут только юношей и девушек с десятиклассным образованием, соответственно и срок обучения — год и десять месяцев.

Короче говоря, формальные правила и требования общие. Но хотелось бы, чтобы каждый абитуриент, прежде чем сдавать документы в юридический техникум, еще и еще раз проверил себя: готов ли он к работе в этой облюбованной им области.

Как подчеркивал В. И. Ленин, законы важны не тем, что они записаны на бумаге, но тем, кто их проводит в жизнь. Юрист имеет дело с людьми, он всегда человек для людей. Он стоит на страже прав людей — отдельных граждан, коллективов, организаций, государства в целом. Практически каждое действие юриста есть не только некая «операция» с фактами и законом, но и поступок, в котором выражается его отношение к праву, обществу, другим людям. Юрист решает и специфические задачи, относящиеся к воспитанию, к духовной жизни общества, культуре. И это не только наполняет его деятельность высоким смыслом и значением, но и предъявляет высокие требования к его идейности, патриотизму, гражданственности, нравственному облику. Не случайно говорят: юрист — это не человек с кодексом. Юрист — это человек с совестью. Иначе говоря — со способностью внутренне различать добро и зло, оценивать свои помыслы и поступки, формулировать для себя нравственно-этические предписания и требовать от себя их исполнения.

Это требования, так сказать, общего характера. Но есть еще и частные, предъявляемые конкретно к той или иной профессии.

Не так-то просто быть, скажем, секретарем судебного заседания. Надо иметь развитое юридическое мышление, знать, что и как записывать в протокол, чтобы не пропали суть дела и юридически важные обстоятельства, уметь внимательно следить за ходом процесса, аккуратно обращаться с документацией.

Или, например, судебный исполнитель.

Он до тонкостей должен знать нормы права. Но чтобы добиться реального осуществления закона, провести его в жизнь, нужны качества организатора, умение налаживать работу значительного числа людей по исполнению решения суда, нужны сильная воля и твердость, нужны благожелательность и чуткость к людям. Ведь судебному исполнителю придется сталкиваться с человеческими страстями, с конфликтными ситуациями, с необходимостью обеспечить торжество закона.

А кодификатор? Это настоящий знаток права и его источников. Он должен быть готов в любой момент объяснить, какой закон и какая норма действует, какая утратила свою силу, какой новый акт издан.

В общем, советую всем, прежде чем подавать документы в юридический техникум, хорошенько подумать, взвесить все плюсы и «минусы» избранной специальности, достаточно самокритично оценить собственные достоинства и недостатки. Ну, и родителям неплохо бы лишний раз взглянуть на дочерей и сыновей как бы со стороны и уже после этого совместно принять решение.

— Теперь, Михаил Павлович, хотелось бы узнать, где открываются юридические техникумы, когда начинается прием.

— Сами понимаете, такие дела одним махом не решаются. Слишком они сложные и трудные. Надо точно выбрать место дислокации такого учебного заведения, решить вопросы с преподавательскими кадрами, помещениями, оборудованием, учебными базами, выяснить истинную потребность в специалистах-правоведах среднего звена как на ближайшее, так и на отдаленное будущее. Тут спешка не нужна. Поэтому в одних случаях подготовка правоведов со средним образованием начнется с 1978/79 учебного года, в других — позднее. Да и сама подготовка будет строиться по-разному.

Скажем, Ташкентский юридический техникум можно считать «старейшим» — он уже начал работать. Там учатся более 150 юношей и девушек не только из Узбекистана, но и других республик Средней Азии. В Душанбе планируется создать правовое отделение при финансово-экономическом техникуме, в Киеве — при техникуме гостиничного хозяйства, в Баку — при финансово-экономическом техникуме.

В Эстонии намечается принять первых абитуриентов лишь в 1979/80 учебном году. В Российской Федерации проблема открытия техникумов изучается и будет, видимо, решена Министерством юстиции РСФСР в ближайшее время. И во всех других республиках министерства юстиции занимаются проблемой вплотную; поэтому именно они скорее и точнее всего смогут ответить на вопрос, когда и где. Повторяю, главное здесь — учет потребностей в таких специалистах.

— Несколько слов о порядке распределения выпускников и возможности после техникума продолжить образование в вузе.

— Порядок тут действует общий, правила одни. Думается, однако, что некоторое новшество в перспективе будет. Человек с дипломом юридического техникума после поступления в юридический вуз либо на юридический факультет университета будет, возможно, учиться меньше других. Почему? Да потому, что программа наших средних учебных заведений построена так, что многие дисциплины изучаются здесь в объеме вузов. Стоит ли заставлять студента заново проходить уже пройденный курс?

— И последнее. Сколько будет набрано учащихся в этом году?

— Скажу одно: отбор будет строгий. Советую поэтому будущим юристам и нынешним десятиклассникам подготовиться ко вступительным экзаменам тщательнейшим образом. И «ни пуха им, ни пера».

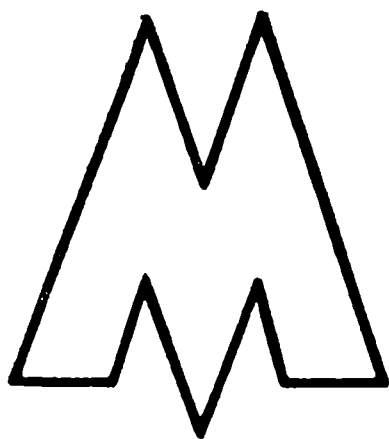
КТО ПРИИМЕТ ЕГО НАСЛЕДИЕ? ..

„Пишу вам и плачу. Сердце кровью обливается, когда смотрю, как сад гибнет — его гордость и слава. Наша беда всегда была в том, что мы всего лишь „индивидуальные застройщики“, частный сектор. Так к нам относились даже в вопросах охраны природы. Но ведь природу не поделишь на секторы! И бороться за нее нужно во всех секторах — и частном, и государственном...

Неужели все наши труды никому не нужны? Ведь не для себя же надрывались мы оба в этом саду!..“

Из письма М. Ф. Крюковой.

не придется начать издалека...

Один из ценнейших подарков матери-природы человеку — женьшень. О чудодейственной силе «корня жизни» легенды начали складывать тысячелетия назад. Но даже они преуменьшают целительные свойства женьшеня. Нет числа нуждающимся в его препаратах, но практически нет и никакой возможности достать их.

В книге «Атлас ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР» (Москва, 1976 год) есть грустная констатация: «В настоящее время женьшень — редчайшее растение, нахождение которого считается

большой удачей» (стр. 237). Далее там говорится: «Естественные запасы женьшеня никогда не были велики. В Приморье плановые заготовки корня составляют не более 200 кг (сырой вес) за сезон». Больше того: «Ареал (то есть площадь естественного распространения.— Г. Р.) женьшеня регрессирующий. Северная и западная граница его в пределах СССР в конце XIX века и даже за последние десятилетия заметно переместилась к югу и востоку».

Главный враг женьшеня — корневщик-любитель, действующий чаще всего как обычный грабитель тайги. «Массовые ежегодные заготовки женьшеня,— так неоправданно мягко формулирует эту напасть «Атлас»,— создают угрозу крайнего истощения его естественных запасов и даже полного исчезновения этого ценного растения природной флоры Дальнего Востока».

В заключение «Атлас» сообщает, что женьшень недавно включен в «Красную книгу», то есть в список растений, подлежащих полной охране. Введена, добавим, система старательских лицензий на заготовку корня, предписаны такие меры охраны и воспроизводства женьшеня, как заготовка корней только после созревания ягод, обязательный посев семян женьшеня на месте выкопанных растений, добыча только крупных (весом не менее 10 граммов) корней. К сожалению, как отмечается, этими правилами далеко не всегда руководствуются из-за «большой популярности растения и высоких закупочных цен на его сырье» (и еще более высоких цен на рынке, куда попадает большая часть корней, добытых «диким» путем).

Очень плохую услугу природоохранительным органам на Дальнем Востоке оказывают и бездумные публикации, нет-нет да появляющиеся в органах печати, призванных воспитывать у читателя, у юного особенно, благоговение перед этим чудом природы. Пример такой публикации — рассказ «Корень жизни» в журнале «Юный натуралист» (№ 4, 1977 год). Там описывается, как двое пошли, словно по грибы, в тайгу за корнем и за час с небольшим нашли и выкопали четыре корня. За совершенные при этом нарушения правил охраны женьшеня браконьеров нужно наказывать. Журнал же восторженно рекламирует их вылазку.

Заготовители, фармацевты, ученые-экологи согласны в том, что лучше всего целям охраны и воспроизводства женьшеня будет служить его разведение — на промышленных плантациях и любительских участках. Кстати, распространение культуры этого уникального растения сбило бы и непомерно высокие сейчас заготовительные цены на этот вид лекарственного сырья.

Культура женьшеня чрезвычайно сложна и трудоемка. Растение очень требовательно к структуре и составу почвы, режиму ороше-

ния, зимовки и другим факторам внешней среды. Оно настолько нежно и капризно, что немедленно гибнет при малейшем отклонении от оптимальных условий произрастания. Чтобы «приручить» женьшень, требуются годы кропотливой работы — самоотверженного и не всегда благодарного труда женьшеневода. За такую работу берутся только подлинные энтузиасты — бескорыстные и преданные делу. И сколько бы ни прочитали они наставлений по его разведению, начинать каждому приходится с азов, приучая корень к конкретным почвенно-климатическим условиям своей местности.

Нелегко установить первые контакты с женьшеневодами для приобретения семян. Год нужно готовить семена к посадке (потому что неподготовленное, не прошедшее ускоренного дозревания, то есть «нестратифицированное», как мы говорим, семечко прорастает два года). Первый «блин» обычно получается комом: не те были семена, либо неправилен был режим стратификации, либо не созрела или неудачна была по составу почва. Снова год готовится новая партия семян и еще год проверяется качество подготовки. У меня первая удача мелькнула, первый трилистник сеянца женьшеня развернулся с третьей партии семян, через четыре года после начала моих собственных опытов.

И если ростки не стали жертвой нападения насекомых, птиц или животных — домашних и диких, грибка и микробов, если корешки не «заснули» от сотрясения при падении рядом градины, шишки, капли дождя, то через шесть лет после прорастания семени женьшеневод получит полноценный, с медицинской точки зрения, товарный «корень жизни».

А поскольку ценность лекарственных растений вообще человек начинает признавать обычно в немолодом возрасте, душу «корня жизни» женьшеневод постигает только к исходу своих дней.

А теперь вернемся к письму Марии Флегонтовны Крюковой.

Одним из самых удачливых женьшеневодов был ее муж, Павел Николаевич Крюков, ныне, к прискорбию, покойный. К природной добросовестности и доскональности, необходимым для работы с этой культурой, у него добавлялись и «легкая» рука, и терпение экспериментатора. Такие личные качества делают любителя испытателем, селекционером.

К женьшеню Павла Николаевича привело несчастье. После второго инсульта у него, едва разменявшего шестой десяток, наступил паралич правой стороны тела. Отнялись нога, рука, он лишился речи. Врач рекомендовал ему женьшень. Он поверил в корень. Через пару лет у него не только восстановились полностью все двигательные функции, он прожил еще более двадцати лет полнокровной,

деятельной жизни. И Крюков стал неутомимым его пропагандистом и селекционером. Он мечтал, чтобы у нас ввели обычай сажать в год рождения ребенка семечко женьшеня — либо на грядке в укромном уголке сада или приусадебного участка, либо в большом цветочном горшке на подоконнике городской квартиры. И чтобы рос вместе с ребенком, словно его ангел-хранитель, этот корень жизни, готовый прийти на помощь в трудный час. А не случится с хозяином лихой беды — чтобы доставался при нужде его детям.

Ради этой мечты и начал он опыты по акклиматизации «корня жизни» под Ленинградом, на дачной станции Мельничный ручей, стоящей на легендарной Дороге жизни. На одной ходящей ноге ковылял он до леса, одной работающей рукой набирал в мешочек подходящую по виду землю и с огромным трудом добирался с добычей к своему поросшему вековой сосной участку. Там копал лунки — конусы глубиной 80 сантиметров и диаметром в основании 60 под каждое семечко, — набивал их лесной, а также обогащенной перегноем почвой.

Лишь через несколько лет смог он сесть на велосипед. На нем же и землю возил. Дела пошли тогда поживее. К тому времени первые корни женьшеня уже прижились на его дачном участке.

До конца дней ему хватило бы одного, первого же созревшего его заботами корня. Но он с упорством и самоотверженностью подвижника сажал и сажал семена, раздавал их, помогал растить другим, вел обширную переписку и обмен с любителями из разных городов, писал для печати, выступал по телевидению, радио. Но главным его делом были эксперименты с женьшенем и акклиматизация на участке других редкостных и экзотических лекарственных растений. И еще он настойчиво стремился заинтересовать проблемой разведения женьшеня соответствующие организации, учреждения и органы. Он понимал, что женьшеневодство имеет перспективу только как массовое движение. Связать между собою, организовать любителей-одиночек, превратить их плантации женьшеня в школы женьшеневодства и рассадники семян и ростков — такую цель он ставил перед собой и каждым своим новым учеником.

В одной из статей П. Н. Крюков писал о комнатной культуре женьшеня: «Для растения губельны сквозняки, табачный дым, чад и газ от кухонных плит. Оно не выносит также шума, суеты в доме, семейных ссор».

И надо сказать, что женьшень был стариком «покорен». Казалось, растение позволяло ему делать с собой все то, что в других руках грозило ему гибелью. Крюков без конца улучшал состав

почв, пробовал различные почвенные и внекорневые подкормки, увеличивал продолжительность вегетации, пробовал другие пути повышения скороспелости корня. Ему удалось разработать надежную агротехнику возделывания этой культуры в условиях русского Нечерноземья.

Известно, что даже в культуре женьшеня корень дает среднегодовой прирост не больше 1—1,5 грамма. У Крюкова десятилетний корень весил 218,5 грамма (этот плод своего труда он посвятил 30-летию победы над фашистской Германией).

Листья у женьшеня пятипальчатосложные. Мне доводилось видеть у Крюкова сразу несколько растений с семипальчатосложными листьями, о которых в фольклоре и научной литературе говорится почти как о чуде.

Обычно корень женьшеня выпускает один ствол. У Крюкова устойчиво воспроизводилась в потомстве форма с двумя-тремя-четырьмя нормально развитыми стеблями. А ведь это означает и удвоенно-утроенное количество питательных веществ, направляемых листьями на запасание в корень, и соответственно большее количество вызревающих семян!

К сожалению, П. Н. Крюков, как и другие женьшеневоды-любители, не смог заинтересовать своей работой ни государственные органы, ни общественные организации, ни научные учреждения и не получал от них никакого содействия. Никакой помощи практикам-женьшеневодам не оказал и Женьшеневый комитет, возглавляемый заведующим отделом физиологии и фармакологии адаптации Института биологии моря И. И. Брехманом и созданный в свое время для изучения, охраны и воспроизводства «корня жизни». Под эгидой этого комитета выпускаются диссертации о лечебных свойствах женьшеня, которого нет. Но главным образом пропагандируются и продвигаются на рынок под названием «Русский женьшень» настойки другого дальневосточного растения с тонизирующим действием — элеутерококка, природные запасы которого пока не ограничены, но который по лечебным свойствам и рядом с женьшенем поставить нельзя. Такую странную позицию комитета сам И. И. Брехман объяснил недавно тем, что женьшень, увы, «очень редок в природе и трудно поддается возделыванию»...

Не больше прока для женьшеневодства и от сотрудников Всесоюзного института лекарственных растений (ВИЛАР). Собственная плантация женьшеня в этом подмосковном институте не то погибла, не то была растащена. А наезжавшие к Крюкову ученые из этого и других институтов изучали приемы работы этого женьшеневода, чтобы лишь упомянуть его имя в своих трудах.

Ленинградское общество охраны природы охотно приглашало для участия в своих выставках П. Н. Крюкова. Его корни производили на этих экспозициях настоящую сенсацию, создавая обществу никак не заслуженную им славу.

Город Всеволожск считал его своей «достопримечательностью». О нем, как и о других именитых местных гражданах, писалось в книжке, выпущенной в 1975 году в серии «Города Ленинградской области». Там, между прочим, сказано: «Садоводством увлекаются и взрослые. Например, супруги М. Ф. и П. Н. Крюковы на приусадебном участке в Мельничном Ручье с успехом выращивают женьшень, элеутерококк и другие ценные лекарственные и экзотические растения». И фотография женьшеневода в саду с подписью: «Почетный железнодорожник П. Н. Крюков выращивает женьшень и другие лекарственные травы».

Но все это было, пока жив был старый энтузиаст. Когда же его не стало, во Всеволожске и во всей Ленинградской области не нашлось никого, кто сохранил бы чудо-сад, о котором с восхищением писали «Правда», «Известия», Комсомольская правда», «Советская Россия», украинские газеты, журналы «Советский Союз», «Природа», «Сельское хозяйство России», пресса Польши, Чехословакии, других стран. В этом саду росли, цвели и в полную силу плодоносили корни женьшеня, лимонник китайский, заманиха, золотой корень, родиола розовая и другие самые настоящие целители человека — всего около тридцати видов растений. За их семенами, черенками и отпрысками приезжали сюда люди за тысячи верст.

Все, что достигнуто этим самоучкой-мичуринцем, сделано было им в четыре руки с единственной помощницей, которая была женой и сиделкой, подругой и разнорабочей на участке, нянькой и добрым советчиком — Марией Флегонтовной Крюковой. Старше его на год с лишним, сама пережившая в Ленинграде блокаду от первого до последнего дня, неутомимая, заботливая и неунывающая, она прислала мне страшную телеграмму: «Случилось непоправимое». Сложная операция в брюшной полости, послеоперационная двусторонняя пневмония — здесь оказался бессильным сам «корень жизни»... Остался его сад. Кому сохранить его и продолжить дело П. Н. Крюкова?

Наследники у дачи с земельным участком, как имущества, есть, но в том-то и дело, что и на дом, и на сад М. Ф. Крюкова не хочет, не может смотреть просто как на недвижимость, имеющую какую-то денежную стоимость. Сад — это коллекция растений, которые должны жить и дальше работать на человека. А среди за-

конных наследников нет никого, кому такая работа была бы по силам.

И Мария Флегонтовна каждому из нас, учеников Павла Николаевича, предлагает в дар свое несметное богатство. Но среди нас нет ленинградцев, а из Москвы за садом не наухаживаешься. Мы в свою очередь обивали пороги ленинградских областных организаций, в том числе и облисполкома, «Рослекраспрома», общества охраны природы на всех уровнях, комсомольских организаций и даже военкоматов.

А главное, решать эту проблему нужно не только в этом конкретном случае. Ведь в памяти ветеранов, скажем, Московского общества испытателей природы (МОИП)* держится ежегодно удлиняющийся скорбный список прекраснейших опытных участков, чудесных садов и коллекций, существовавших в Подмосковье совсем недавно, но погибших после смерти своих хозяев.

Казалось бы, опекать и охранять такие сады должно Общество охраны природы. Именно в его лице общественность создала организацию, обязанную буквой и духом статьи 18 Конституции СССР принимать в интересах настоящего и будущих поколений меры, в частности для охраны и воспроизводства природных богатств. Но общество не желает обременять себя такими проблемами.

Нужен ли женьшень человеку? Смею заверить всех — очень нужен. Советские граждане имеют право на охрану здоровья — это их конституционное право. Значит, они должны при надобности получать в числе других и препараты женьшеня, восстанавливающие силы и здоровье человека. И если даже широко разрекламированная печатью культура клеток этого корня в растворах будет когда-нибудь пригодна и для медицинских, а не только косметических це-

---

* МОИП — Московское общество испытателей природы — основано в 1805 году при Московском университете.

В выработке устава «Общества испытателей природы» участвовали будущие декабристы, в частности историк М. А. Орлов. В обществе состояли, будучи студентами, и носили звание его «воспитанников» (членов-соревнователей) Никита Муравьев, А. И. Герцен. В разные эпохи действительными членами МОИП были Ч. Дарвин, Д. И. Менделеев, астроном Ф. А. Бредихин, К. А. Тимирязев... Долгое время президентом МОИП был крупнейший советский ботаник В. Н. Сукачев, вице-президентом — академик В. И. Вернадский.

Сейчас в различных секциях, подсекциях, группах, комиссиях и кружках МОИП ведется большая работа по изучению и охране природы, естественных богатств, растительного и животного мира нашей Родины.

Общество ставит своей задачей пробудить интерес школьников к естествознанию, привить студентам вкус к научной работе. МОИП издает ученые труды. Филиалы (отделения) Общества созданы в Сибири, в союзных республиках. В некоторых республиках отделения МОИП преобразованы в республиканские Общества испытателей природы. Научные экспедиции МОИП, изучающие отдельные проблемы геологии и ботаники, биологии и физики, охраны природы, садоводства и т. д. работают в разных уголках СССР.

лей, как сейчас, плантационный корень сохранит свою ценность. А пока препараты женьшеня — одно из самых дефицитных лекарственных средств.

Мне приходилось видеть просителей, прослышавших о ленинградском кудеснике и приезжавших к нему с рецептами врачей за настойкой женьшеня издалека. Я видел там таких «ходоков» из краснодарских станиц, с Урала, с Украины. Им некогда было растить женьшень: нужно было срочно кого-то спасти. И они просили, предлагали любые деньги, выплакивали, требовали. Каждой новой публикацией о своем саде Крюков ставил под угрозу личный покой.

А почта у него была по 400—500 писем в месяц. В основном тоже просьбы. И завалены бывали такими же письмами редакции газет и журналов, публиковавших материалы о П. Н. Крюкове.

Ни одной копейки не выручили за свои труды супруги Крюковы. Все раздавали они людям бесплатно, отдавали на испытания больницам, оставляя себе только на эксперименты семена и небольшую часть урожая корней.

— Если бы врачам удалось, — говорил женьшеневод, — хотя бы после операции обеспечивать больным женьшень, потребность в койках хирургических стационаров сократилась бы. Просто за счет ускоренного выздоровления людей...

Вот почему без конца докучал старик Ленинградскому обществу охраны природы, хлопоча о создании при нем секции лекарственных растений или особого общества «Женьшень». На своем участке он предлагал организовать постоянно действующие курсы для женьшеневодов. Ведь обучаются же таким образом пчеловоды. Разведение женьшеня — не менее сложное и хлопотное, но куда более доходное дело.

Примечательно, что увлечения, не имеющие ровно никакой хозяйственной целесообразности — разведение кактусов, например, — быстро находят признание, получают права гражданства, так сказать. Созданы секции и клубы для тех, кто выращивает кактусы, для них нашли пристанища, их популяризируют, регулярно устраиваются выставки коллекций и тому подобные рекламные мероприятия. В то же время на все проекты создания общества женьшеневодов неизменно накладывается табу. И это тем более удивительно, что такое отношение к безусловно ценнейшему лекарственному растению идет явно вразрез с усилиями партии и правительства по расширению индивидуального и коллективного садоводства и огородничества. Проверено и подтверждено бесчисленными опросами, что редкий владелец приусадебного или садового участка не поддастся

бы искушению попытаться вырастить наряду с другими полезными и приятными для него культурами это (и не только это) сложнейшее и интереснейшее лекарственное растение. Мне даже кажется, что впору специально (по рекомендации и поручительству какой-то группы женьшеневодов) выделять садовые участки гражданам, изъявившим желание приступить к разведению женьшеня. При условии, конечно, что оговоренную заранее часть урожая они будут сдавать на заготовительные пункты Лекраспрома.

Кстати, в России существовало общество женьшеневодов. И любители — его члены снабжали госпитали русской армии эффективнейшими препаратами корня и в русско-японскую, и в первую мировую войны.

Впрочем, женьшень полезен не только больным, раненым или просто уставшим людям. Даже самым здоровым парням на земле — космонавтам — он поможет сохранить работоспособность на дальних орбитах и восстановить силы после возвращения на землю. Ведь одно из чудеснейших свойств женьшеня — облегчение адаптации человека к изменениям условий среды. В своем завещании П. Н. Крюков большую часть наличных корней просил направить в Звездный, в городок космонавтов.

В Корейской Народно-Демократической Республике человеку, когда-то научившему людей возделывать женьшень, поставлен памятник. Пусть же памятниками нашим испытателям природы будут школы женьшеневодства, открытые при их садах. Пусть эти сады будут по-прежнему давать новым энтузиастам семена, опыт, умение. Иначе зачем были все труды этих подвижников?

Сад, подобный крюковскому, на мой взгляд, — это та ценность, которая подобно произведениям архитектуры или искусства должна охраняться государством. Это достояние народа. Но в отличие от коллекций картин, книг, архивов или строений они, такие сады, не могут ждать годы, пока их признают достойными охраны и начнут охранять. Ведь растения нуждаются в уходе: их нужно полоть, прорыхлять, подкармливать, поливать; нужно собирать плоды и размножать плодоносящую часть плантации. И кроме того, нельзя прерывать подготовку все новых и новых любителей и именно на базе данного сада. Да и неплохо бы издавать архивы этих энтузиастов. Конечно, вся эта работа прибавит Обществу охраны природы немало забот. Не отсюда ли его инертность, его сопротивление любым попыткам выделить хотя бы в самостоятельную секцию женьшень и вообще редкие лекарственные растения?

Так кто же примет у него эстафету? Я не знаю, к кому во Всеволожске или Ленинграде я обращаюсь с призывом, которым хочу

закончить этот разговор. К тем, вероятно, кто захочет его услышать: к отдельным гражданам и организациям.

Примите наследие мичуринца-женьшеневода Павла Николаевича Крюкова, большого труженика и патриота!

Станьте продолжателями его огромной важности работы по разведению и распространению в России ценнейших видов лекарственного сырья. Ведь охранять и преумножать природные богатства страны, беречь здоровье людей — одна из важнейших наших конституционных обязанностей.

**ГЕРМАН РЫЖИКОВ,
действительный член
Московского общества
испытателей природы**

Комментарий юриста

Очерк Г. Рыжикова у меня, как у юриста, не может не вызвать серьезных раздумий. Они связаны с важной и многоплановой проблемой применения законодательства в тех конкретных жизненных ситуациях, которые хотя и встречаются не так часто, но требуют пристального внимания. Тем более что в практике иногда наблюдается некоторое недопонимание этой проблемы.

На первый взгляд, трудности в определении судьбы уникальных коллекций культурных растений после смерти их собирателя (а к таким относятся не только женьшеневые плантации) кажутся лишь чисто организационными и объясняются порой инертностью тех или иных учреждений или организаций. С юридической же точки зрения все обстоит не так просто. В самом деле, может ли подобная коллекция перейти к наследникам умершего вла-

дельца, согласившимся содержать ее в дальнейшем, и могут ли сами владельцы или их наследники передать (или подарить) ее другим лицам, государственным или общественным организациям, если коллекция находится на приусадебном участке в сельской местности?

Скажу прямо: процесс применения закона не так прост, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что сами уникальные насаждения, а не только их плоды следует рассматривать как объекты права личной собственности. Часть I статьи 25 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик предусматривает, что в личной собственности граждан «может находиться имущество, предназначенное для удовлетворения их материальных и культурных потребностей». Сюда относятся и уникальные коллекции

растений. Как убедительно показано в очерке, специфика такого рода объектов права личной собственности в том, что они служат не только для удовлетворения материальных и культурных потребностей собственника, но и для использования в интересах общества. И это очень важно.

Далее. Все насаждения связаны с землей, а такие, как женьшень и другие растения, требующие особой почвы и особого режима содержания, неразрывно связаны с землей, ибо перенос на другой участок или вообще недопустим, или влечет за собой значительное снижение их ценности. Следовательно, право личной собственности на такие коллекции неразрывно связано с правом пользования земельным участком. Отсутствие права пользования земельным участком исключает для собственника осуществление трех основных правомочий, образующих в совокупности само право собственности, — пользования, владения и распоряжения им, а значит, сводит на нет это право. Иначе говоря, гражданские правоотношения тесно переплетаются здесь с земельными.

Земля в СССР находится только в собственности государства (статья 11 Конституции СССР). Граждане не могут обладать правом собственности на земельный участок, то есть не могут распоряжаться им. Статья 60 Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик прямо запрещает гражданам продавать, дарить, завещать, сдавать в аренду земельные участки, предоставленные им компетентными государственными органами только в поль-

зование. Отсюда следует, что право пользования земельным участком не может переходить по наследству так, как, скажем, переходит по наследству право собственности на имущество (вещи, деньги, ценные бумаги), и так, как переходят по наследству имущественные права (право получить причитающуюся умершему зарплату или вклад в сберкассе).

Как известно, приусадебный земельный участок предоставляется в пользование только гражданам, проживающим в сельской местности. Делается это по решению исполкома местного Совета народных депутатов либо первичного землепользователя — колхоза, совхоза или другого государственного сельскохозяйственного предприятия (организации), из земель которого и выделен участок. В то же время земельным законодательством не предусмотрено обязательное выделение приусадебного участка гражданину даже в тех случаях, когда к нему перешло право собственности на расположенные здесь дом, строения, сооружения и насаждения. В силу статьи 73 Земельного кодекса РСФСР (соответствующие статьи есть и в кодексах других союзных республик) переход права собственности на жилое строение, расположенное в сельской местности, не влечет за собой перехода права пользования приусадебным участком.

А как быть, если жилой дом и строения, находящиеся на приусадебном участке, неразрывно связаны с землей, то есть по техническим причинам не могут переноситься на другое место? Обязаны ли соответствующие органы предоставить

этот участок лицу, к которому перешло право собственности на дом и строения, например наследнику, покупателю, одаряемому?

Приусадебные участки предоставляются во вторичное землепользование прежде всего колхозникам, рабочим и служащим совхоза или иного государственного сельскохозяйственного предприятия (организации), затем — учителям, врачам и другим специалистам, работающим в сельской местности. И только при наличии свободных земель приусадебного фонда участки могут предоставляться другим рабочим и служащим, пенсионерам и инвалидам, проживающим в сельской местности (статьи 25—27 Основ земельного законодательства).

Закон не обязывает нового собственника сносить дом и строения. А раз так, то первичный землепользователь, руководствуясь возложенными на него задачами рационального использования земли, а также планами застройки села или поселка, должен оставить новому собственнику ту часть приусадебного участка, которая занята домом и строениями.

Сказанное относится к жилому дому и строениям, но, думается, что и в тех случаях, когда к наследникам перешло, например, право собственности на насаждения, неразрывно связанные с землей, за ними целесообразно сохранить и право пользования той частью участка, на которой находятся насаждения большой народнохозяйственной ценности, не подлежащие переносу. Анализ земельного законодательства подтверждает эту мысль (пункт 1 статьи 15 Основ земельного законодательства устанавлива-

ет, что право граждан на пользование приусадебным земельным участком подлежит полному прекращению только в случае смерти всех членов колхозного двора или всех членов семьи рабочего, служащего, пенсионера).

«Задачами советского земельного законодательства, — читаем мы в статье 1 Основ земельного законодательства, — являются регулирование земельных отношений в целях обеспечения рационального использования земель, создания условий повышения их эффективности, охрана прав социалистических организаций граждан...» А статья 11 Основ требует рационального использования земли.

Следовательно, если наследник коллекции уникальных растений изъявит желание сохранить эту коллекцию, обрабатывать землю, то участок должен быть за ним сохранен. Отказ в закреплении участка повлечет за собой необходимость переноса растений, что невозможно, и не только ущемит права граждан, но и помешает рациональному использованию земли, чем будет нарушено требование статьи 11 Основ земельного законодательства.

В очерке ставится вопрос и о возможности передачи права пользоваться уникальной коллекцией растений вместе с приусадебным участком или его частью любой государственной, общественной организации.

Для такой постановки вопроса есть законные основания. В статье 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1968 года «Об основных правах и обязанностях сельских и поселковых Советов народных депутатов» указано, что «сельский или поселковый

Совет осуществляет контроль за правильным (подчеркнуто мною.— Ю. Ж.) использованием приусадебного фонда колхозов и совхозов». В частности, решения органов управления первичных землепользователей о предоставлении приусадебных участков рабочим, служащим, пенсионерам и инвалидам, проживающим в сельской местности, обязательно утверждаются исполкомом сельского (поселкового) Совета. Нельзя забывать и о том, что в статье 13 Конституции СССР записано: «Государство и колхозы оказывают содействие гражданам в ведении подсобного хозяйства».

Конкретная форма такого содействия в нашем случае должна вылиться во вполне конкретные меры по охране уникальных, имеющих народнохозяйственное значение коллекций растений. Следует признать законным и целесообразным, чтобы первичный землепользователь в полном соответствии с имеющимся у него правом предоставлял занятый коллекцией земельный участок в пользование гражданину, который будет постоянно проживать в данной местности и ухаживать за растениями, либо государственной или общественной организации с учетом интересов всего общества.

Ю. ЖУКОВ,
кандидат юридических наук

Тракторист совхоза «Каменский» Таврического района Восточно-Казахстанской области А. Сулейменов глубокой ночью вспомнил, что он приглашен на свадьбу. Никакой транспорт уже не ходил. Тогда Сулейменов пришел на стоянку совхозной автотехники, завел трактор ДТ-75 и на нем поехал на свадьбу. По дороге он обнаружил, что не хватит горючего на обратный путь. Сулейменов подъехал к совхозному складу горючего и открыл кран цистерны. Однако горючее не потекло. Тогда Сулейменов бросил шланг и отправился в котельную, где у ночегаров заправился соляркой. После этого он продолжил путь на свадьбу. На следующий день выяснилось, что из открытой цистерны вытекло 54 тонны горючего. Совхозу был причинен ущерб на сумму 3903 рубля. Как выяснилось, цистерна была до краев наполнена горючим, но поскольку в кране образовалась ледяная пробка, то солярка не текла. Позже, когда потеплело, кран оттаял и солярка вытекла. Народный суд Таврического района осудил Сулейменова к 1 году лишения свободы. Для возмещения ущерба с него решено взыскать 3903 рубля.

Мастер пути железнодорожной станции Бизь Свердловской области Г. И. Кириллов, придя в кладовую за только что полученным ведром с гвоздями, на месте его не обнаружил. О краже он сразу же заявил в милицию. Приехавшие на место происшествия работники милиции установили, что ведро с гвоздями взяла монтер Р. И. Аспидова. При обыске у нее в доме было изъято большое количество стирального порошка, зубной пасты, одеколона, солидола, тетрадей, мебели, конфет и других вещей. Оказалось, что примерно в течение года В. А. Трефилов, сосед Аспидовой, сама она и сын ее Сергей взламывали контейнеры останавливающихся на станциях грузовых поездов и воровали все, что попадалось под руку. Таким образом они совершили 15 краж на сумму около 3000 рублей. Краденое все трое продавали и пропивали. Шалинским районным народным судом Трефилов приговорен к 6 годам лишения свободы, Аспидов — к 4 годам, Аспидова — к 3 годам лишения свободы.

М. О. Айрапетян из города Тбилиси купила себе ветхий дом. Исполком местного Совета разрешил его отремонтировать. Однако Айрапетян начала строить новый дом. От нее потребовали прекратить строительство, но она достроила дом до конца. Тем самым она совершила преступление, квалифицируемое уголовным законом как самовольное строительство. Народный суд района имени 26 Комиссаров г. Тбилиси признал Айрапетян виновной в преступлении и приговорил ее к году лишения свободы условно, а построенный дом конфисковал и передал в фонд райисполкома.

ССОРА

Вороновы — отец и сын — крепко поссорились. Ссоры — не в редкость между людьми близкими и сродственными по нраву, и даже особенно среди них. Но глядишь, хоть и ссорятся, а все же в какие-то промежутки вроде ладят друг с другом: не чужие ведь — свои! А тут вышла долгая, глубокая и злая склока. Однажды они свалились в нее, как в черную яму. Выбраться не могут до сих пор. Сегодня разлад между отцом и сыном накалился до той неистовой иступленности, когда им просто видеть друг друга не вмоготу. Они говорят: даже опасно. Мол, худо все это кончится.

Мы прощались у ворот после многочасового разговора — я и Георгий Стефанович, и тут что-то переменилось в его лице, мне показалось — оно как-то жалко и испуганно дрогнуло. Отчего бы?

— Вон... идет, — пробормотал он.

— Кто?

— Этот... сын...

Он так старался не смотреть в ту сторону, что мне стало неловко, будто я сам попал в участники их раздора: я мельком глянул и тотчас отвернулся.

Вороновы живут в одном доме. Из-за него-то они и повздорили.

Дом стоит в поселке Александровка — предместье Ростова-на-Дону, Георгий Стефанович как-то обронил: здесь — куток, здесь — глухое. И впрямь, уже само только название переулка — Боковский — как бы подтверждало его отъединенность от шумного и деятельного южного города с широкими светлыми улицами и площадями: так сказать, сбоку припека. И все же это был обыкновенный переулок городской окраины с изъезженной центральной частью, желтой от закаменевшей пыли, где по обочинам отчаянно зеленела молодая трава, за длинной чередой заборов томилась пышная сирень и остро тянуло свежевскопанной землей. Прошли парень с де-

вушкой. Он с родственной небрежно-любовной ловкостью подхватил ее под локоть, она засмеялась, и они побежали: наверно, торопились к троллейбусу. Вышла на улицу женщина, строго оглядела нас, чужаков, и поздоровалась. Переулок не походил на угрюмый слободской тупик. Скорее от него веяло деревенским добродушием.

Дом Вороновых прочно сложен из багрового кирпича. Кажется, единственный из всех домов, он не был сокрыт забором и решительно выступал прямо на улицу.

Всем своим видом дом выражал каменную непреклонность. Его наружность напоминала основательные армейские дореволюционные строения. Крепость этих сооружений — страшная: при разборке их не берут отбойные молотки — только взрыв!

Вороновы строили дом всей семьей. Это была самая дружественная пора их совместного существования. Конечно, ссоры и тогда случались: в таком трудном деле никак не обойтись без доброй перепалки, а народ сошелся на стройке, как на подбор, горячий. Но каждый старался забыть свой нор и ради общего дела: ссоры гасли, не успев разгореться, потому что дело было святое и великое. Когда Георгий Стефанович затевал дом, он думал, что это будет не просто жилище, крыша над головой, а семейное гнездо, где он и Ольга Васильевна доживут свой срок в тишине и покое; он думал о беспрекословно-уважительном послушании и заботливой помощи, которые окажут ему, хозяину и старшине рода, сыновья и дочь. Он представлял себе внуков, что не родились пока, но непременно родятся, и как он будет возиться с ними во дворе, сажать ягоду и деревья. Он видел перепачканные соком рожицы.

У Георгия Стефановича никогда не было своего кровного угла. Он вырос в бараках. В годы первых пятилеток он устроился на «Ростсельмаш». Собственно, знаменитого завода тогда еще не было, и на месте нынешних цехов зияли котлованы. Воронов стал курьером: страна не изжила безработицу, и новостройка лучшей работы ему не могла предложить. Его ценили: это был расторопный, исполнительный курьер. Он уважал порядок: как бы ни отмахивались, ни убегали от него, он все равно догонит и безжалостно заставит расписаться в книге за полученный документ. Так с этой книгой он обегал весь Ростов. Потом его перевели в цех. Он любил и умел работать и стал ударником. Ему вообще нравились машины и механизмы: наслаждение — копаться в них. Но вот где он окончательно нашел себя — в армии: там были и любимые механизмы (он служил в авиации) и строгий, раз и навсегда установленный порядок. К тому времени у Георгия Стефановича родился первенец — Валентин. Тот самый, с которым он сейчас в смертельной вражде. Живали Вороновы и в маленьких городках: то — в одном, то — в другом. А какие уж там были квартиры в тридцатые — сороковые годы, нечего и говорить: комнатка, тускло-белые, в трещинах, стены, холодная пустота казенного жилища.

После Георгий Стефанович вспоминал, какая это была благодать — жить хоть в такой комнатке, потому что вскоре кончилось и это: грянула война. Сначала — финская, потом — Великая Отечественная...

Воронов был строг с подчиненными. Валентин теперь говорит: они его не любили. Думается, он не прав. Вот сегодня приходит

Георгий Стефанович на стройкомбинат, где он работал в последние годы бригадиром слесарей.

Ведь как встречают его ребята?

— О, дядя Жора! Наш комиссар пришел!..

Так как же он мог настолько потерять себя, забыть всю свою прошлую жизнь, прожитую с достоинством и честью, что позволил себе уйти с головой в темный водоворот мелочных дрызг, заявлений, жалоб и многолетних судебных разбирательств?

Но это случилось после, а пока стройка шла и дом рос. Покуда они ютились во времянке — все пятеро.

Валентин только что воротился из армии. Отец работал с той неспешной и строгой истовостью, с какой привык копать в механизмах. Сын был в работе скор и умел. Он ловко красил, штукатурил, белил. У него все ладно получалось, и мать не могла им нахвалиться. Любой денежный прибавок, кроме зарплаты, добытый отцом или сыном, вкладывался в строительство: немалая ссуда, полученная Георгием Стефановичем на стройкомбинате, деньги, вырученные от продажи лодки. Вскоре во времянке появился еще один жилец, молодая жена Валентина — Таисия. Ее родственники подарили молодоженам на первое семейное обзаведение семьсот рублей. Все эти деньги были тоже истрачены на дом.

Может быть, тогда все и началось... С одной какой-то небольшой, но страстной перемолвки между невесткой и свекровью? А там пошло и пошло... Ольге Васильевне, как это часто бывает, невестка враз не показалась: не о такой жене для сына она мечтала. Вон он каков — положительный да работающий! Ей вдруг почудилось, что и не женился сын, его женили! Да и семья невесткина — новаявленная родня — тоже не по нраву ей пришлась: чужое все, нехорошее...

Так или иначе, но однажды Георгий Стефанович отвел Валентина в сторонку и сказал:

— Мы не знаем, будете вы вместе жить или нет, давай сделаем дом на одного хозяина, вы разойдетесь — я ей ничего не дам!

Валентин не думал разводиться, однако пожал плечами: ну что ж, давай... Так он, по крайней мере, рассказывает сегодня.

Наверно, тогда же и стал Георгий Стефанович подсчитывать, сколько денег и трудов трачено на дом им, а сколько — сыном; тут вышло, что им вложено по всем статьям больше, и это представилось ему обидным и несправедливым. Он аккуратно собрал все документы (кому, когда, за что плачено) и глубоко припрятал: на всякий случай.

В семью вползли пока тихие перетолки: то не так, да это — не этак. Пока никто ничего такого слишком громко не говорил, и старики даже взбунтовались, когда молодые решили покинуть отеческий кров: как же так!? Не родные, что ли? Две комнаты вам дадим, живите — места хватит!

Валентин и Таисия согласились. Тогда они поверили в искренность этих слов. Но вскоре им стало казаться, что отец их задержал лишь потому, что дом еще не вполне закончен, одному отцу стройку не осилить, еще понадобятся рабочие руки. А как только отстроятся, думали они, отец тут же укажет им на дверь. Отцу же казалось, что невестка подговаривает сына потеснить стариков, уста-

новить свой единоличный порядок в доме. Еще не было сказано ни слова, но доверять друг другу они перестали.

Свара началась после возвращения младшего сына — Александра — из армии. Он приехал не один — с женой. К этому времени у Валентина и Таисии уже росла дочь — первая внучка Георгия Стефановича. Сын с семьей занимал две комнаты в одной половине дома, в четырех других жили Георгий Стефанович и Ольга Васильевна. Вход в дом пока был общим. Александр с женой поселился у отца. Братья дружили, и Георгий Стефанович начал подозревать их в сговоре. Рассуждал он таким образом: всему заводила — невестка, Валентин у нее под каблуком, что она замышляет, то он и делает; наслушавшись змеиных невесткиных речей, Валентин может склонить на свою сторону и младшего брата, сыновья объединятся и отнимут дом. Было так или нет, установить трудно, только Александр сегодня говорит, что Валентин — эгоист и собственник, это он настраивал его против отца.

Сыновья стали раздражать Георгия Стефановича.

Младший выпивал, к тому же был упрям. Скажешь ему — давай сделаем так-то и так-то, нет — все только по-своему. Старший — и того хуже: не почтителен с родителями. Невестка то и дело «подковыривает» мать (выражение Георгия Стефановича), а сын еще и защищает жену. Да кто она такая? Влезла в чужую семью и еще командует!

Так думал Георгий Стефанович.

И вот однажды, горько так раздумавшись и разгоревшись от этих мыслей, пошел к сыну:

— Вот что... через общий ход не ходите!

— Как же ходить-то? Через окно лазить, что ли?

— Делайте отдельный ход.

А на половине стариков бушевали скандалы. Напачкала собака в комнате — скандал. Ремонтировали печку — поссорились, Александр запустил в отца кирпичом. Александр занимался хозяйством, громко стучал, а отец хотел отдыхать. Не поделили зерно — грохот и треск по всему дому. Таисия напугалась, побежала на ту половину: вдруг ребенка зашибут! А тут истошный вопль: «Помогите, дед Сашу убил!» Александр действительно лежал. Только Александр поднялся, свекор тотчас указал Таисии на дверь: ну-ка, уходи отсюда, сплетница.

Но, видно, досталось не только одному Александру. Он тоже ударил отца. Наутро Георгий Стефанович снес заявление в суд. Суд определил Александру Георгиевичу Воронову шесть месяцев исправительных работ по месту службы, и это было справедливо: что бы ни случилось, недостойно, постыдно, отвратительно подымать руку на отца!

— Взбузовали Сашку на шесть месяцев, — удовлетворенно заметил Георгий Стефанович.

После суда Александр перешел на половину брата и, прожив там два года, съехал вовсе: нашел частную квартиру. Отец и старший сын остались вдвоем — друг против друга.

Вот так в судах города Ростова завелось дело Вороновых. Вернее, даже не одно, а целое собрание дел: о выселении Валентина Георгиевича и Таисии Георгиевны Вороновых, проживающих по

адресу — переулок Боковский, 7, из дома по иску Вороновых Георгия Стефановича и Ольги Васильевны, проживающих там же; о разделе дома, согласно заявлению Воронова В. Г., 1937 года рождения, водителя; о наказании Воронова В. Г. за скандалы в семье на основании жалобы Воронова Г. С.; о самовольных застройках, принятых Вороновым В. Г. на чужой территории. И так далее и тому подобное...

Но самое страшное в истории отношений между Вороновыми то, что в них безжалостно и бездумно ввязаны дети, и вот уже любимую внучку можно обратить в свидетеля на суде, а нелюбимая, самая первая, Лариса записывается чуть ли не в злостные супротивницы и ответчицы. Вроде и нет деда, а есть во дворе пожилой человек, с которым мама и папа запрещают здороваться.

Как в них отзовется склока? Хорошо, коли забудется, былшем порастет, а если заронит в сердце злобу и душевную слепоту к чужой жизни, чужой боли, чужой заботе?

Лариса — в первом классе. Приходит из школы, когда отец и мать на работе. По двору гуляет злющий петух, которого Лариса боится — петух не раз нападал на нее. Дерется он до крови. Она хочет пройти в дом, петух ее не пускает. Он летит к ней, растопырив крылья и выставив длинный и острый, как пика, страшный клюв. Лариса прячется от него в собачью конуру, сидит там час-два, покуда ее не вызволит соседка. Говорят, петуха выпускали дед с бабкой специально.

Лариса подросла. Зимние дни коротки: не успеешь вернуться из школы — уже темно. Но электричества в их комнатах нет — дед запретил его проводить: это его дом, здесь он — хозяин, а проведешь — подам в суд за самоуправство! Лариса два года делала уроки при тусклом свете керосиновой лампы.

Лариса развела костер во дворе. Георгий Стефанович взбешен: того и гляди, дом подожгут!

Старики жалуются: невестка нарочно собирает во двор детей со всего околотка, они шумят, мешают отдыхать.

Соседка Лариса Григорьевна рассказывает:

— У меня внучка ходит к Ларисе Вороновой. Георгий Стефанович меня останавливает и говорит: «Ты внучку к Ларисе не пускай, они плохие и Лариса плохая».

«Плохая» Лариса помогает отцу сажать деревья, виноград, крыжовник. Как-то возвращается домой, на сотке — одни пеньки, дед все вырубил: моя земля! Как плакала тогда Лариса! Вот ведь и в школе говорят: посадил дерево — человеком стал, я не одно посадила, зачем он так!.. Вспоминая этот случай, сын говорит мне:

— Я же не вырубил грушу и яблоню на его половине! Сам их когда-то сажал, имею право, но я же до такой подлости не дошел!

Этого еще не достало, подумал я, ведь этак все можно сокрушить и оставить после себя пустыню! И уж коли так пошло — давайте заодно разберем и дом! По кирпичику. Но дом не трогают, ходят вокруг него, как вокруг сундука с крупным наследством: ни один кирпичик не выпал, ни одна досточка не отвалилась, а во дворе лежат и берегутся материалы, оставшиеся от стройки.

Мальчик, сын соседей, бросил камнем в собаку, кто-то ночью сломал топольки в палисаднике перед домом — не иначе Валентин;

сын бьет дырки, хочет ковер повесить, значит, портит стену, стало быть — дом, — любая малость становится лыком в строку жалобы или заявления.

Во дворе гуляет четырехлетняя девочка — вторая дочка Валентина и Таисии. Гулять ей наказано только по узенькой стежке вдоль половины младших Вороновых. Дальше — «вражеская» территория, собственно, почти весь двор. Любящие родители пугают дочку дедом: старый дед, грозный дед! Девочка больна, начала заикаться, источник ее болезни — семейная вражда, которая уже вышла за порог дома и перекатилась на улицу, ее выплеснули, как выплескивают помои. В нее вовлекли соседей. Что же хоть они-то рассказывают? Соседи говорят, что Валентин — самый заботливый отец на улице, что его никогда не видели пьяным, что отец его, конечно, человек заслуженный, но тут его будто подменили, вроде бы он хочет выселить сына, продать дом и уйти к дочери, а вообще-то в точности не известно, из-за чего они там ссорятся.

А ведь и в самом деле — не такие уж плохие люди — отец с сыном! Георгий Стефанович работает до сих пор слесарем в автобазе трансгентства, где его уважают и ценят.

Валентин — на отменном счету в своем предприятии: если надо, он — и за бригадира, и в работе безотказен. Да и грамоты-то даются не просто так, а их у него — немало. Я ездил в его такси и любовался, как вольно и легко лежат на баранке его сухие тонкие руки, я чувствовал, как плавен ход автомобиля. Я попросил его подъехать к дальнему и незнакомому мне месту и по привычке спросил, знает ли он его? Он только усмехнулся: еще бы! Да он весь Ростов знает, как свой дом!

Я сидел сначала на половине сына, потом перешел на половину отца. Его большие темные рабочие руки, лежащие на столе, нервно вздрагивают — «трусятся», как говорит Георгий Стефанович. Теперь у отца и сына — два входа, двор поделен на две части: большую — у отца, меньшую — у сына; две собаки на цепи: у Валентина — покладистей, у Георгия Стефановича — хоть и мелкая, но, видать, лютая. Притом цепь, на которой она сидит, отмерена так, что как откроешь калитку, она уже беснуется и лязгает клыками в проеме почти у ног.

Как же вышло, что так заблудились в собственном доме отец с сыном? Кто более виноват в том? И кто поможет им распутать тугой узелок, в который скрутилась их жизнь?

Ах, эта мелочная принципиальность склочников, мрачное упорство себялюбцев, тяжкая глухота к чужому мнению, небрежение к чужой жизни! Стоять на своем, одолеть ближнего не мытьем, так катаньем, закрутить в бумагах, жалобах, уесть, упечь, прав ты или не прав.

Впрочем, этого вопроса не существует: обладатель «собственного мнения» всегда прав, при любых, даже невыгодных для него обстоятельствах. Сколько страданий доставляет подобная неукротимость не только окружающим, но и самому упрямцу! Сколько тратится нервов, времени, бумаги, денег, наконец! В судебной практике известны десятки, а то и сотни дел, юридическая суть которых не стоит и выеденного яйца, но тянутся они порой годами, влачатся от инстанции к инстанции из-за каменного, непрошибаемого упорст-

ва той или иной стороны, отнимая время у юристов, деньги — у государства, рабочие часы — у свидетелей, вовлекая в круг пустячного разбирательства все новых и новых людей, которые, кстати, свою энергию и квалификацию могли бы использовать гораздо более целесообразно.

Вот потому-то я еще раз хочу поговорить с вами, Георгий Стефанович и Валентин Георгиевич, на этот раз с обоими. Давайте хоть тут объединимся, на этих страницах. Я говорил о твердолобом упрямстве сутяг, но, право же, мне вовсе не хочется обвинять вас в нем хотя бы потому, что глубоко уважаю вашу прошлую жизнь, ваш нынешний труд. Признаюсь, наслышанный о вашей истории, я ожидал увидеть вас угрюмыми, озлобленными на весь белый свет — вы оказались иными: два совершенно нормальных, здоровых человека. И мне почудилось, это с вами произошло несчастье. В чем его истоки, я не знаю, добраться до них сейчас, пожалуй, и невозможно, да и стоит ли?

Не лучше ли думать не о прошлом, а о будущем? О детях, о внуках. Как сложится дальше их жизнь, какими сформируются их характеры? Добро, если семейная свара не отложит яд в их душах, а если упадет, останется, отравит? Вдруг вырастут и тоже начнут ссориться из-за дома, из-за лишнего квадратного метра жилой площади с соседями, а то и с родителями — пример-то перед глазами... Истратят на это всю страсть сердца, всю изобретательность ума, как тратите их сейчас вы. Ведь для вас ничего сегодня не существует, только семейный раздор.

Георгий Стефанович, вы с гордостью говорите: я теперь сам, как прокурор, все законы знаю. Законы знать действительно бесполезно, но тут есть одна маленькая и все-таки существенная подробность: в доме — раздор, Ольга Васильевна дожила до инфаркта, больны сын и невестка, перепугана младшая внучка. Для кого дом-то, как не для нее, для всех внуков ваших! По закону все правильно: вы — хозяин, дом записан на ваше имя, они — квартиранты, «обязанные вам беспрекословно подчиняться». Но ведь квартиранты-то — кровная и дорогая часть вас самого!

Вы не позволяете пальцем тронуть дом, даже кухню пристроить нельзя. Сын не послушался, построил. Вы сразу же написали заявление в суд, хотя — помните? — в какую-то добрую минуту заходили на половину сына и даже советовали, как получше ставить печь: выше, ниже... В темной, как погреб, комнате вы не даете прорубить окно. Зимой, когда из заволжских степей врывается в город ледяной свирепый ветер, в кухне и в примыкающей к ней комнате — как в леднике: печь не согревает их. Но провести отопление — ни боже мой: незаконное самовольство!

Вы сейчас обвиняете и милицию — редко захаживают в переулок, а там между тем «творяются невыразимо жуткие безобразия», и юристы не помогают, не могут рассудить по справедливости. А есть ли вообще такое судебное решение, которое бы вас обоих удовлетворило?

Ведь нет его. И быть не может. И выход у вас остается только один — не в суд идти, а друг другу навстречу.

**по протесту
прокурора**

ИНФОРМАЦИЯ...ИНФОРМАЦИЯ...ИНФОРМАЦИЯ...ИНФОРМАЦИЯ...ИНФОРМАЦИЯ...ИНФОРМАЦИЯ...ИНФОРМАЦИЯ...ИНФОРМАЦИЯ...ИНФОРМАЦИЯ...ИНФОРМАЦИЯ...

Для усиления контроля за санитарным состоянием молочно-товарных ферм исполком Доволенского райсовета Новосибирской области принял решение, которым увеличил продолжительность рабочего времени главному врачу санэпидстанции, его помощнику и эпидемиологу, установив им полуторасменную работу.

Решение исполкома принято в нарушение норм Кодекса законов о труде РСФСР, регулирующих продолжительность рабочего времени, а также пункта «з» статьи 25 Закона о районном Совете народных депутатов, согласно которому исполкому райсовета предоставлено право лишь устанавливать дни и часы работы предприятий и организаций, связанных с обслуживанием населения района, а не удлинять рабочий день.

По протесту прокурора незаконное решение отменено.

Главный экономист колхоза имени Калинина Липецкой области Решетняк решением правления колхоза была освобождена от работы и ей предложили должность главного экономиста совхоза «Красненский», хотя согласия на такой перевод она не давала.

Безмотивное освобождение Решетняк от работы и ее перевод в другое хозяйство противоречат Примерному Уставу колхоза. В связи с этим прокурор Красненского района принес протест на решение правления колхоза в исполком районного Совета народных депутатов.

Протест удовлетворен. Решетняк восстановлена в должности главного экономиста колхоза, ей выплачена заработная плата за время вынужденного прогула.

Приказом директора совхоза «Криушинский» Вознесенского района (Горьковская область) Максимов принят на работу зоотехником с трехмесячным испытательным сроком.

Между тем, согласно статье 22 Кодекса законов о труде РСФСР, срок испытания не может превышать одной недели для рабочих, двух недель для служащих, кроме ответственных работников, и одного месяца для ответственных работников.

По протесту прокурора района приказ отменен.

В

окзальный ресторан железнодорожной станции Тула-1 особой кухней не славится, но недостатка в посетителях здесь никогда нет. Поэтому главным достоинством местных официантов считается их расторопность.

В полной мере этим ценным качеством до сравнительно недавнего времени обладал Владимир Михайлович Заруев. После демобилизации с флотской службы и начала работы официантом поступил в заочный институт торговли, слыл умельцем угождать самым капризным посетителям. Но вот однажды именно такие люди уличили его в неблагоприятном поступке.

ДЕЛО

ОБ УВОЛЬНЕНИИ

Заруев обслуживал стол на шесть персон. Посетители должны были уплатить семьдесят пять рублей. После расчета официанту сделали замечание о его неладах с арифметикой.

— Нет уж, разрешите! Это оскорбление при исполнении...

Заруев с принципиальной скрупулезностью пересчитал заказ и расстроено подал счет.

— Если уж я начну мелочиться, то извольте. С вас причитается семьдесят пять рублей ноль три копейки.

Дело приняло скандальный характер. Выписанный официантом счет попал к директору ресторана, и вскоре бухгалтер установила, что Заруев обсчитал гостей на 16 рублей 20 копеек.

Подробностей всплыло много. Выяснилось, что выписанный Заруевым счет по сумме не соответствовал контрольной кассовой ленте. Цены на водку, шампанское, закуски оказались завышенными. Оплаченная солянка не могла подаваться на стол, потому что ее вообще в тот день не готовили. Порция курицы превратилась в две...

— Да вас, Заруев, нужно гнать в три шеи! — воскликнул директор.

— Возможно, не отрицаю. Но, видите ли, Лев Борисович, не простая это штука — выгнать человека в три шеи с работы. Кодекс законов о труде когда-нибудь в руки брали? Возьмите, Лев Борисович, на досуге, просветитесь.

В письменном объяснении официант назвал обсчет посетителя досадной ошибкой из-за усталости, так как обслуживал много столов. «...До злополучного случая у меня не было ни одного замечания. Дайте возможность работать в зале. Я могу принести и хочу принести пользу ресторану. А за поступок, совершенный 21 февраля, согласен нести любое наказание. Хочу работать в коллективе, в котором нахожусь пять лет».

Заруев ловчил. На втором году работы в «любимом» коллективе его временно понизили в должности за принесенные в клуб для перепродажи несколько бутылок водки. На третьем году обвинялся в несвоевременной выписке счетов посетителям ресторана. На четвертом его укоряли за несвоевременную сдачу выручки...

Директор обратился в местный комитет профсоюза с просьбой дать разрешение на увольнение официанта Заруева В. М. по пункту 2 статьи 254 КЗоТ РСФСР.

Как это ни странно теперь выглядит, из восьми членов месткома за увольнение нечистого на руку официанта проголосовали лишь трое. На следующем заседании снова вернулись к вопросу о Заруеве и уж единогласно порешили от него избавиться.

Сейчас трудно объяснить, почему жулик отделался лишь увольнением. Может, администрация не захотела выносить сор из избы? Возможно, пожалела оступившегося человека? Но на том дело не кончилось.

Бывший официант обратился в суд, требуя восстановления на прежнем месте работы и взыскания с директора ресторана платы за вынужденный прогул. Довод Заруева сводился к тому, что для увольнения у администрации не было веских оснований. Да, работники, ведающие деньгами и товарными ценностями, кроме случаев, предусмотренных общим законодательством о труде, могут быть уволены и за утрату к ним доверия. Но ее следует подтвердить юридическими фактами. А «досадные ошибки» Заруева обсуждались в директорском кабинете, но к ним никогда не привлекалось внимание общественности, органов милиции.

Заруев прекрасно знал, что его право на труд находится под охраной закона.

Так в Советском районном народном суде города Тулы появилось гражданское дело № 2—9. Рассмотрение искового заявления несколько раз откладывалось по «уважительным» для истца причинам. Наконец Заруев прислал письмо. Уже издалека. «Дело прошу прекратить, так как оно решающего значения для меня не имеет...»

Оказалось, что Заруева привлекли-таки к уголовной ответственности. Суд приговорил его к шести месяцам лишения свободы, кроме того, запретил два последующие года занимать в торговых предприятиях должности, связанные с обслуживанием материальных ценностей.

И все-таки эта уголовная история имеет прямое отношение к так

называемым трудовым конфликтам. Официант Заруев с месячным окладом в шестьдесят восемь рублей, пока не был взят под стражу, в суд приезжал на собственных «Жигулях». Механик цеха второго тульского кирпичного завода Боченков получал вдвое больше официанта, правда, машины не имел, но обоих уравнивало одно обстоятельство. Виталий Васильевич Боченков тоже изрядно поднадоел заводской администрации. И не только ей. От механика цеха во многом зависят состояние производства, выполнение плана, а значит, и заработки людей. Некая деликатная особенность поведения Виталия Васильевича часто вызывала общее недовольство. Просто говоря, Боченков любил выпить. На заводе было даже место, где при необходимости искали механика.

Как-то вышел из строя важнейший агрегат — глиномес. Послали за Боченковым в аккумуляторную. Навеселе механик становился особенно задиристым.

— Ну, отметили день рождения товарища. Ну и что?

— Да ведь завод станет, Виталий Васильевич!

— А ему уже давно пора стать, вашему заводу!

Правильно, у кирпичного завода вид заброшенных руин. Новым тут выглядит лишь административное здание, к которому ведет асфальтированная дорожка. Остальная территория — грязь, битый кирпич, глина. О создании условий для труда, быта рабочих здесь явно не заботились. Результат — нескончаемая текучесть кадров, низкая дисциплина. И вот в этих-то условиях возникло судебное дело об увольнении. Вернее, о восстановлении на работе после увольнения.

Боченков не раз грозил рассчитаться, а когда его принудительно рассчитали за очередной прогул, связанный с пьянкой, механик решил обжаловать несправедливость. Дело в том, что при увольнении допустили нарушение закона. Боченкова выдворили с предприятия без решения заводского комитета профсоюза.

Народный судья Нина Сергеевна Григорьева на предшествующей разбирательству беседе с представителями сторон выяснила, что заседание завкома в связи с увольнением механика не проводилось сознательно. Его и не собирались проводить.

— То есть как не собирались? — не могла скрыть изумления опытная судья.

— Боченков-то не член профсоюза. Чего ж такого обсуждать?

Пришлось Нине Сергеевне разъяснить людям элементарные положения трудового законодательства: увольнение работника по инициативе администрации допускается только в оговоренных законом случаях и не иначе как с предварительного согласия фабричного, заводского, местного комитета.

Вообще Григорьеву часто поражает правовая безграмотность некоторых руководителей. Довольно высокий процент исков о восстановлении на работе удовлетворяется. Но это свидетельство не только неукоснительности соблюдения законов, а порой удручающей неосведомленности многих людей.

В прошлом году, например, Советский районный народный суд Тулы рассмотрел тридцать таких заявлений. Восемь дел по ходатайству истцов было прекращено, по тринадцати заявлениям суд в исках отказал, а девять все же удовлетворил. Почти каждое третье

увольнение оказалось незаконным. Непутевого механика сделала неуязвимым некомпетентность тех, кто в повседневности на каждом шагу должен руководствоваться сводом правил нашей жизни. Суд вынес такое решение: Боченкова Виталия Васильевича восстановить на работе и взыскать в его пользу 145 рублей за дни вынужденного прогула. Одновременно было вынесено частное определение, в котором суд предложил дирекции завода более внимательно относиться к требованиям закона.

Как и следовало ожидать, Боченков в трезвенника, разумеется, не превратился. Несколько случаев появления на работе в подплатии, срыв ремонтных работ, и вот — приглашение на заседание завкома.

— А я не член профсоюза. Привет горячий!

Но когда члены завкома единогласно проголосовали за увольнение его с завода, поутих, хотя и пообещал еще кое с кого получить за вынужденный прогул.

Председатель районного народного суда Нина Сергеевна Григорьева во всей своей многолетней деятельности юриста стремится воспитывать у людей сознание того, что закон всегда на стороне правого. Очень важно бывает заставить человека разобраться в собственных отношениях с обществом, самому, без помощи суда установить для себя истину.

Есть в Тульской области город Алексин, а в городе — автобусная станция. И вот на автобусной станции работала билетным кассиром Любовь Евгеньевна Ноздрюхина. Или попросту Люба. Любе нередко делали замечания за многие прегрешения. То с билетами какую-нибудь комбинацию «провернет», то по непонятной причине задержит отчет в бухгалтерию.

Ноздрюхиной многое прощали. Молоденькая, дескать, учится в вечерней школе, ветер еще в голове. Но безнаказанность подвела Любу. Проданный в канун Нового года билет кассирша решила реализовать вторично. Для этого потребовалось сделать несколько подчисток: числа, месяца и года. Подлог обнаружили.

По словам Ноздрюхиной, первый раз билет покупала женщина, но потом раздумала брать... И так далее.

На заседании месткома автостанции диспетчер Каширская сказала так:

— Ну как с ней можно работать? Сколько можно ее воспитывать? Смотрит невинными глазами и твердит, что ни в чем не виновата. А ведь мы делаем одно дело. По ее махинациям люди судят о каждом из нас!

Выступили контролер Скворцова, инкассатор Лебедева, кассир Мушкатова... Все говорили по-разному, но итожили одинаково: Ноздрюхина недобросовестна, работу с деньгами доверять ей нельзя, ручаться за ее исправление никто не берется. И это о человеке, которому едва исполнилось двадцать лет.

Ноздрюхину уволили. Она подала заявление в суд. Областное объединение пассажирских автостанций находится в Советском районе Тулы, поэтому дело для рассмотрения приняла Нина Сергеевна Григорьева. Судья поняла, что Ноздрюхина вовсе не стремится найти защиту от «произвола» администрации, кассир хотела обелить свое имя, уйти с незапятнанной репутацией.

На следующий день слушание дела Ноздрюхиной по просьбе истицы отложили, и еще раз откладывали по каким-то уважительным для истицы причинам. А однажды Григорьева, просматривая бумаги, поданные на подпись, увидела заявление на тетрадном листке:

«Прошу прекратить дело производством по моему иску к Тульскому объединению пассажирских автостанций о восстановлении на работе, так как я согласна с увольнением, Л. Ноздрюхина».

Осознала кассир справедливость наказания или смирилась с ним? По существу, разница, как будто не имеющая значения. Важно, что и увольнение утратившего доверие работника, и его отказ от предъявленного иска не противоречили закону.

Работал на автобазе Тульского областного управления связи Владимир Петрович Сидоров. Ездил на почтовой машине, возил корреспонденцию, газеты, журналы, посылки. Колесить приходилось по районным дорогам, а весной или осенью там не на машине — на вертолете почту доставлять. Словом, крепко достается грузовичкам с белыми полосками на бортах. Так вот, самым жалким из них всегда был грузовик Сидорова.

Шофера посмеивались над ним:

— Володя, ты б хоть стекла протер. Как едешь?

— А я по приборам.

— Оно и видать. Спидометр, и тот не действует.

За неопрятный вид машины Сидорову не раз выговаривали, и за неисправный спидометр, и за несвоевременную сдачу путевых листов. Но чаще попадал «на крючок» начальству за конфликты с медициной. Медики «придирались» к Сидорову на каждом шагу. Чуть что — дыхни. Чуть запашок — отстраняли от рейсов. А Сидоров человек покладистый — так, значит так. Пошел, выпил пивка, туда-сюда, смотришь — и день прошел.

В конце концов Сидорова уволили за прогулы, связанные с пьянством. Но вот любопытная особенность: с характеристикой, полученной при обсуждении на заседании месткома, Сидоров соглашался, а с приказом об увольнении — нет. Он прочно усвоил, что человека никто не имеет права лишить работы. «Песочить» могут, сколько угодно, понижать временно в должности — пожалуйста, но чтобы взять и выгнать за здорово живешь на улицу — нет!

Логика людей, подобных Сидорову, несложная. Уяснив суть права на труд, они не удосуживаются задуматься об обязанностях и нередко обращаются в суд, убежденные, что закон должен при любой ситуации отстаивать их интересы. На благополучный исход тяжбы с автобазой рассчитывал и Сидоров. Он давным-давно привык к замечаниям, лишениям премий, понятие «проступок» утратило для него противоправный смысл. Официант Заруев не сел бы на скамью подсудимых, не создай ему администрация ресторана условий для развития преступных наклонностей. Мастер Боченков из месяца в месяц нагнул от безнаказанности. Кассир Ноздрюхина возмутила сослуживцев бесчестностью, лишь когда стало невозможно скрыть подлог с билетом. До шофера Сидорова серьезность наказания дошла лишь после того, как суд не восстановил его на работе...

Нарушение законов правовых и нравственных неминуемо вызы-

вает последствия. Неизбежными они оказались и для продовольственного комбината Тульского областного потребсоюза. Поступила работать на продкомбинат ветеринарный врач Антонина Ивановна Вадюхина. С двадцатью шестью годами профессионального стажа она легко выполняла возложенные на нее обязанности: контролировала поставляемое заготовителями из районов мясо, следила за качеством выпускаемой колбасы, ее транспортировкой. По натуре человек принципиальный, прямой, Вадюхина не захотела мириться со всевозможными нарушениями и вступила с администрацией продкомбината, что называется, в конфликт. Мясо нередко принималось от заготовителей непригодное, колбаса выпускалась повышенной влажности, с комбината ее вывозили на необорудованных машинах, беззастенчиво расхищали.

Директор комбината Крапивин озадаченно чесал затылок. Он соглашался с ветврачом, за ней стояли государственные органы. И какое-то время был вынужден подчиняться Вадюхиной, но чересчур уж «новая метла» чисто мела. Ветврач уличала кладовщицу в махинациях — тысячу двести килограммов так называемого технического мяса со штампом «на звероферму» та оформила как тонну. Мастер цеха позволяла разбазаривать продукцию, а недостачу покрывала увеличением влажности колбасы. Вадюхина запретила грузить колбасные изделия в грязные кузова машин. Однажды ветврач запретила реализовать почти две тонны не соответствующей ГОСТу колбасы и потребовала возвращения ее на переработку. Дальше — больше. Стала жаловаться на беспорядки председателю облпотребсоюза Корневу.

От ветврача не требовалось особой прозорливости. Продкомбинатовские деятели и опекавшие их покровители действовали примитивно. Для увеличения веса изделий копченую колбасу недостаточно коптили, в вареную добавляли настолько много воды, что образовывались заполненные бульоном отеки. По заниженным ценам скупали недоброкачественное сырье...

Как-то секретарь директора принесла и показала Вадюхиной готовый приказ: в связи с тем, что холодильник передавался другой организации, а мясо из районов принимать перестали, ветврач увольняется по сокращению штатов с выплатой двухнедельного содержания.

Антонина Ивановна попыталась объяснить, что в распоряжении о передаче холодильника ничего не говорилось о ликвидации должности ветеринарного врача, что она подчинена городской ветеринарно-санитарной станции, что, наконец, ее никто не предупредил об увольнении.

Однако директор на несколько дней уехал, заведующая винным складом Тарасова, избранная председателем месткома, ничего толком объяснить не смогла, секретарь парторганизации товаровед Краснова тоже уклонялась от разговоров.

И тогда Вадюхина пошла в суд с иском к комбинату о восстановлении на работе.

Судья Нина Сергеевна Григорьева усмотрела в увольнении Вадюхиной не только циничную расправу руководства с негодным работником. Для нее стало ясно, что за конфликтом скрыто нечто большее. В приказе об увольнении ни словом не упоминалось о

решении местного комитета, Вадюхина не присутствовала на его заседании, ей не предлагали другой работы. Больше того, предприятие не могло обходиться без представителя санитарного надзора, и на базу продкомбината вскоре взяли другого ветеринара.

На рассмотрение дела об увольнении Вадюхиной в Советском районном народном суде явилась вся администрация, присутствовал всем составом местный комитет профсоюза. Нина Сергеевна Григорьева догадалась: истице намечалось нанести массированный удар свидетельскими показаниями. Предположение подтвердилось: свидетели в один голос удостоверили, что Вадюхину приглашали на заседание местного комитета, но та якобы отказалась. Представитель ответчика по доверенности технорук Кислякова, мастер винного цеха Белозерова, заведующая складом Коршунова...

Все они голосовали за увольнение Вадюхиной по сокращению штатов. На это указывала и представленная выписка из протокола заседания месткома. Но внимание судьи привлекло расхождение в показаниях. По одним — председатель месткома Тарасова присутствовала на заседании, по другим — находилась в отъезде.

— Свидетель Тарасова, где находится оригинал протокола заседания месткома от пятнадцатого декабря?

— В книге протоколов. У нас все сохраняется, документы же...

Посоветовавшись на месте с заседателями, Григорьева предложила привезти в суд книгу протоколов. В книге протокола не оказалось.

Суд установил неправомерность увольнения Вадюхиной, грубое нарушение трудового законодательства директором продкомбината, подписавшим приказ об увольнении ветврача, и решил Вадюхину Антонину Ивановну восстановить на работе, а с Крапивина Петра Александровича взыскать причитающуюся ей зарплату за дни вынужденного прогула.

В частном определении суд обратил внимание правления облпотребсоюза, обкома профсоюза, инспекции по качеству товаров и торговли на обнаруженные в работе тульского продкомбината недостатки. Но там, где всегда руководствуются законом, трудовые конфликты редки. Не случайно, что приведенные здесь случаи произошли на мелких предприятиях — на отшибе у юридической службы.

ТУЛА

В. ФРАНЮК

комментарий юриста

Дела о восстановлении на работе лиц, трудовой договор с которыми расторгнут по инициативе администрации, требуют к себе особого внимания суда. Это не случайно. Среди

правонарушений в области трудовых конфликтов наиболее серьезные — незаконные увольнения, представляющие собой посягательство на одно из величайших достижений социализ-

ма — право на труд. Кроме того, незаконным увольнением нарушается субъективное право рабочего или служащего и ему причиняется значительный материальный ущерб.

Законодательством установлены случаи, когда допускается увольнение рабочего или служащего по инициативе администрации. Такие случаи в основном перечислены в статье 33 Кодекса законов о труде РСФСР и в сходных статьях Кодексов законов о труде союзных республик. Не менее важно и то положение, что в отношении подавляющего большинства рабочих и служащих расторжение трудового договора по инициативе администрации не допускается без предварительного согласия фабричного, заводского, местного комитета профсоюза.

Администрация обязана соблюдать при увольнении работника оба эти условия. Если увольнение произведено с согласия местного комитета, но не по основаниям, предусмотренным законом, либо по причинам, хотя и указанным в законе, но без согласия профсоюзной организации, оно признается неправильным и уволенный работник подлежит восстановлению на работе.

С учетом этого становится понятным, почему нарушитель трудовой дисциплины, работник, который не только надлежащим образом не выполнял своих трудовых обязанностей, но появлялся на работе в нетрезвом состоянии, чем грубо нарушил трудовую дисциплину, был решением народного суда восстановлен в прежней должности. Причина этого одна — нарушение трудового законода-

тельства некоторыми руководителями предприятий.

Судебный процесс по делу Боченкова стал для администрации второго Тульского кирпичного завода наглядным уроком того, что нельзя не соотносить свои действия с требованиями закона. К сожалению, этого нельзя сказать про истца Боченкова. Поучая других неуказательно соблюдать закон, он этому так и не научился. И вот новое серьезное нарушение трудовой дисциплины, которое и послужило поводом для приказа об увольнении. На этот раз администрация с точки зрения закона действовала безусловно. Предварительное согласие заводского комитета профсоюза было получено. Поведение Боченкова правильно было расценено администрацией как систематическое неисполнение им без уважительных причин обязанностей, возложенных трудовым договором и правилами внутреннего трудового распорядка, что, в соответствии со статьей 33 Кодекса законов о труде РСФСР — одно из оснований для расторжения трудового договора по инициативе администрации.

Для некоторых категорий рабочих и служащих, например непосредственно обслуживающих денежные и товарные ценности, увольнение возможно при утрате доверия к нему. Именно по этим основаниям и была уволена кассир автобусной станции Ноздрюхина.

Поводом к утрате доверия может служить не только злоупотребление, но и халатное отношение работника к своим трудовым обязанностям, в результате чего возник или мог возникнуть материальный ущерб. Увольнение по мотивам

утраты доверия не допускается, если вина работника в совершении указанных действий не доказана.

Все условия для расторжения трудового договора с Ноздрихиной, притом с согласия местного комитета администрацией были соблюдены. Это побудило истцу отказаться от требований о восстановлении на работе.

Следует, однако, иметь в виду, что заявление истца о прекращении дела в связи с отказом от иска, не служит безусловным основанием для удовлетворения его просьбы. В соответствии со статьей 34 Гражданского процессуального кодекса РСФСР, суд не принимает отказа от иска, если это противоречит закону или нарушает чьи-либо права и охраняемые законом интересы. Следовательно, если работник уволен с нарушением закона, но тем не менее отказывается от заявленного им иска о восстановлении на работе вопреки своему праву быть восстановленным и получить заработную плату за время вынужденного прогула, суд обязан не принимать отказ от иска и рассмотреть дело по существу спора.

Как уже отмечалось, незаконное увольнение приводит не только к нарушению субъективного права рабочего или служащего, но и к возникновению значительного материального ущерба, связанного с выплатой работнику заработка за время вынужденного прогула. Этот ущерб должен быть возмещен. В соответствии со статьей 120 Кодекса законов о труде РСФСР, должностные лица, виновные в незаконном увольнении работника или переводе его на другую работу, несут

материальную ответственность в размерах и случаях, указанных в статье 215 Кодекса законов о труде РСФСР. Суд возлагает на должностное лицо обязанность возместить ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации в связи с платой за время вынужденного прогула или за время выполнения нижеоплачиваемой работы, если увольнение или перевод произведены с явным нарушением закона или администрация задержала исполнение решения суда о восстановлении на работе.

Явным нарушением закона, в частности, признается увольнение по инициативе администрации без предварительного согласия фабричного, заводского, местного комитета профсоюза или по основаниям, не предусмотренным законом; увольнение беременных женщин, матерей, кормящих грудью, и женщин, имеющих детей в возрасте до одного года (кроме случаев полной ликвидации учреждения, предприятия, организации), когда администрации было известно о наличии обстоятельств, исключающих их увольнение; увольнение рабочих и служащих моложе 18 лет без согласия районной (городской) комиссии по делам несовершеннолетних и другие случаи незаконного увольнения, а также перевод на другую постоянную работу без согласия работника.

С явным нарушением закона было произведено и увольнение ветеринарного врача продовольственного комбината Тулоблпотребсоюза Вадюхиной. Здесь администрация меньше всего заботилась о строгом соблюдении норм трудового права, а стремилась использовать

их для расторжения трудового договора с работником, не захотевшим мириться с недостатками на производстве. Народный суд, исходя из того, что сокращение штата является одним из мероприятий по улучшению работы предприятия, учреждения, организации, проверил, было ли в действительности сокращение штата или численности работников. В ходе судебного разбирательства было установлено, что на освободившуюся должность в скором времени приняли нового работника. Кроме того, не было соблюдено требование части 2 статьи 33 Кодекса законов о труде РСФСР, в соответствии с которой увольнение по сокращению штата или численности работников допускается, если невозможно перевести работника с его согласия на другую

работу. И наконец, отсутствие необходимого в таких случаях согласия местного комитета профсоюза подтверждает неправомерные действия руководителей предприятия.

Перед нами прошло четыре дела о восстановлении на работе лиц, уволенных по инициативе администрации, так не похожих одно на другое. Но, анализируя каждое из них, еще раз убеждаешься в том, как велики правовые гарантии закрепленного в Конституции нашего государства права на труд, насколько важно строго и неуклонно исполнение норм советского трудового права каждым работником, каждым должностным лицом.

И. ПИСКАРЕВ,
член Верховного суда РСФСР

**по протесту
прокурора**

ИНФОРМАЦИЯ...

По распоряжению председателя Алексеевского рыбоопа (Кокчетавская область) принята поваром Болдина. Между тем за хищение государственного имущества Болдина приговором народного суда в 1975 году была осуждена к лишению свободы с применением дополнительной меры наказания в виде запрещения занимать материально ответственные должности сроком на четыре года.

По протесту прокурора Кокчетавского района распоряжение отменено.

по закону разума и сердца

Всем советским людям памятен знаменательный день — 7 октября 1977 года. В этот день высший орган государственной власти нашей страны, действуя от имени советского народа и выражая его суверенную волю, принял новую Конституцию (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик и объявил о введении ее в действие.

О подготовке и принятии Конституции СССР, о практическом применении ее положений, о грандиозных достижениях первого в мире общенародного социалистического государства ярко и убедительно рассказывается в новом хроникально-документальном, полнометражном цветном фильме «Основной Закон великой страны». Авторы сценария — А. Захаров, И. Голембиовский, Ю. Монгловский, режиссер — Ю. Монгловский. Кинолента создана на Центральной студии документальных фильмов.

Почти четыре месяца продолжалось подлинно всенародное обсуждение опубликованного в печати проекта Конституции Союза ССР. Документальные кадры показывают, как обсуждали проект колхозники, моряки, шахтеры, металлурги, воины Советской Армии... «Проект был пропущен через умы, сердца, души миллионов людей,— слышим мы го-

лос диктора,— и когда говорится, что подлинным творцом Конституции является весь советский народ, то это — факт».

Перелистывается книга с поправками текста проекта Конституции. Если сравнить его с окончательным текстом, то легко увидеть, какая огромная творческая работа была проделана партией и народом.

На экране — депутат Верховного Совета СССР, директор школы-интерната из Полтавской области М. К. Андриевский. Он рассказывает, как по его предложению, высказанному на сессии Верховного Совета СССР, была уточнена статья 42 Конституции, в которой речь идет о праве граждан СССР на охрану здоровья: после слов «запрещение детского труда» добавлено «не связанного с обучением и трудовым воспитанием». А вот история другой поправки. Ее предложил депутат В. Д. Постников — сталевар из Подмосковья. Он говорит, что главное в нашей жизни — труд. Важно, как мы его понимаем, ради чего работаем. Мы ведь не просто трудимся, мы делаем общее дело, и в нем все друг от друга зависим — и в бригаде, и в цехе, и вообще в стране. В труде счет строгий: что отдал, то и получил. Хапуга, рвач в нашем обществе нетерпимы, но встречаются еще, к сожалению. Бла-

госостояние каждого должно быть оплачено трудом на общее дело. По предложению рабочей статьи 13 Конституции начинается словами: «Основу личной собственности граждан СССР составляют трудовые доходы».

В кинофильме запечатлена работа внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва. Большой Кремлевский дворец. Присутствующие в зале стоя приветствуют бурными продолжительными аплодисментами Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева, который выходит к трибуне. «Главный политический итог всенародного обсуждения состоит в том, что советские люди сказали: да, это тот Основной Закон, которого мы ждали,— подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев.— Он правильно отражает наши завоевания, наши чаяния и надежды, правильно определяет наши права и обязанности. Закрепляя достигнутое, он открывает перспективу дальнейшего развертывания коммунистического строительства».

И вот — депутаты Верховного Совета СССР единодушно утверждают Основной Закон первого в мире общенародного социалистического государства. Конституционно закреплён новый исторический рубеж в нашем движении к коммунизму — построение развитого социалистического общества.

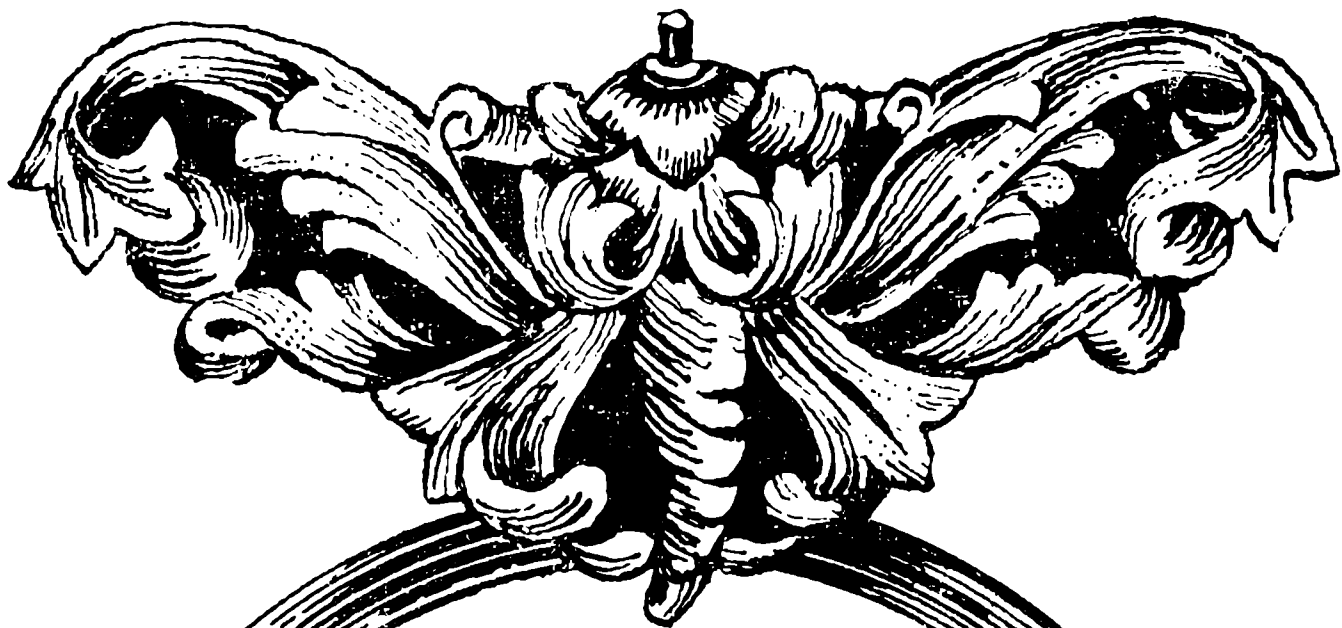
В Заключительном слове на сессии Верховного Совета

СССР товарищ Л. И. Брежнев отметил: «Мы создали Конституцию не для декорации. Она должна выполняться и будет выполняться во всех ее частях. Она должна стать и она станет мощным средством дальнейшего развития и углубления социалистической демократии».

Документальные кадры киноленты повествуют о том, как реально воплощаются в жизнь положения новой Конституции СССР, как они отражаются в судьбах конкретных людей — наших современников. Выделены статьи Основного Закона, предусматривающие права граждан СССР на труд, на отдых, на охрану здоровья, на образование.

Обо всем, что содержится в новой Конституции, невозможно рассказать в одном фильме; авторы и не ставили такой задачи. Но одно новое право — право на жилище — отмечено особо. Нигде и никогда его не знала ни одна конституция, впервые оно записано и в нашем Основном Законе. Авторы напоминают: третья часть всей площади жилых домов, построенных за 60 лет Советской власти, приходится на последнее десятилетие.

В фильме ярко, образно показаны наша многонациональная страна, наши социальные достижения, советский образ жизни. Звучит новая песня о нашей Конституции. Запоминаются ее слова: «По закону разума и сердца наш народ огромный, многоликий, наш народ, одной семьей живущий, верен правде, доброй и великой».

СЕРЕБРЯНОЕ

КНИЖИ

Кажется, совсем недавно была выдвинута идея «Золотого кольца» — туристского маршрута по историческим городам Северо-Восточной Руси, колыбели великорусской народности. Ныне «Золотое кольцо» стало реальностью, включило в себя исторические памятники Москвы, Загорска, Переславля-Залесского, Ростова Великого, Ярославля, Костромы, Иванова, Суздаля, Владимира и многих других городов и селений. По «Золотому кольцу» ежегодно путешествуют миллионы туристов, оно известно далеко за пределами нашей Родины. Только в Суздаль за год приезжает 50 тысяч зарубежных гостей.

Популярность «Золотого кольца» порождает и свои трудности. Перегружены туристами древние города нашего исторического центра, некоторым памятникам угрожает опасность не от забвения, а, наоборот, от излишней популярности. Наконец, преимущественное внимание к памятникам «Золотого кольца» обедняет наше представление об удивительно разнообразном историческом наследии, оставляет в тени другие районы, чрезвычайно богатые самобытными памятниками истории и культуры. Не случайно на III съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, который состоялся в прошлом году в Суздале, выдвигались идеи организации новых больших туристских маршрутов. Маршрут «Литературное созвездие» мог бы объединить многочисленные памятники центральных областей Европейской части РСФСР, связанные с жизнью и творчеством выдающихся русских и советских писателей: Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, И. А. Бунина, А. И. Куприна, А. А. Фета, М. М. Пришвина и других. Приближается 600-летний юбилей Куликовской битвы и 500-летний юбилей свержения ордынского ига. Интереснейший маршрут мог бы связать памятники освободительной борьбы русского народа, размещенные на южной «украине» Руси (кремли Тулы и Зарайска, Куликово поле, «стояние на реке Угре», «засечная черта»).

Среди многих других прозвучало на съезде предложение об организации «Северного кольца», в которое входят памятники истории и культуры Вологодской, Архангельской областей и Карельской АССР. Создание этого маршрута полностью отвечает букве и духу закона об охране и использовании памятников истории и культуры.

Русский Север... Обширный, заросший хвойными лесами, испятнанный бесчисленными озерами, прорезанный полноводными и спокойными реками, суровый и своеобразный край, где волей исторических судеб значительно дольше, чем в других местах нашей страны, сохранялись древний хозяйственный уклад, искусство и быт допетровской России. Это настоящая кладовая фольклора, народного прикладного искусства, деревянной архитектуры. Ни одна страна в мире не располагает таким многообразием произведений деревянного зодчества, какое сохранилось на Русском Севере. Это — различные жилые и хозяйственные постройки, культовые здания, сооружения оборонительного и промышленного назначения, удивительные по художественной выразительности и конструктивным решениям.

Своеобразное «открытие» Севера сделали на рубеже XIX и XX столетий русские художники. Рерих, Архипов, Грабарь, Билибин — вот далеко не полный список выдающихся русских живописцев, которые воспевали в своих полотнах красоту северной земли, представили восхищенным глазам современников мир седой старины, мягких красок и спокойных полутонов северной природы.

Новое «открытие» Севера произошло совсем недавно, в середине 60-х годов. К северу повернули туристские потоки, северные пейзажи цветными слайдами вошли в городские квартиры. Русский Север стал модой, и, как всякая мода, увлечение им приобретает порой уродливые формы.

По северным дорогам, к деревням и рубленным часовенкам, схоронившимся среди лесов, потянулись вереницы «ходоков», охотников за драгоценными памятниками старины. Решительные бородатые мужчины в потертых джинсах, с рюкзаками за спиной властно стучались в окна изб, заворачивали в тряпье и укладывали в рюкзаки выпрошенные у гостеприимных хозяев иконы, с треском отдирали «черные доски», которые хранились в заброшенных часовнях. Возник вопрос об охране подлинных исторических ценностей от этих «любителей старины». Стало очевидно: стихийное движение на Север может стать и разрушительным, губительным для исторических памятников, и благотворным потоком, оживляющим северную историко-культурную ниву...

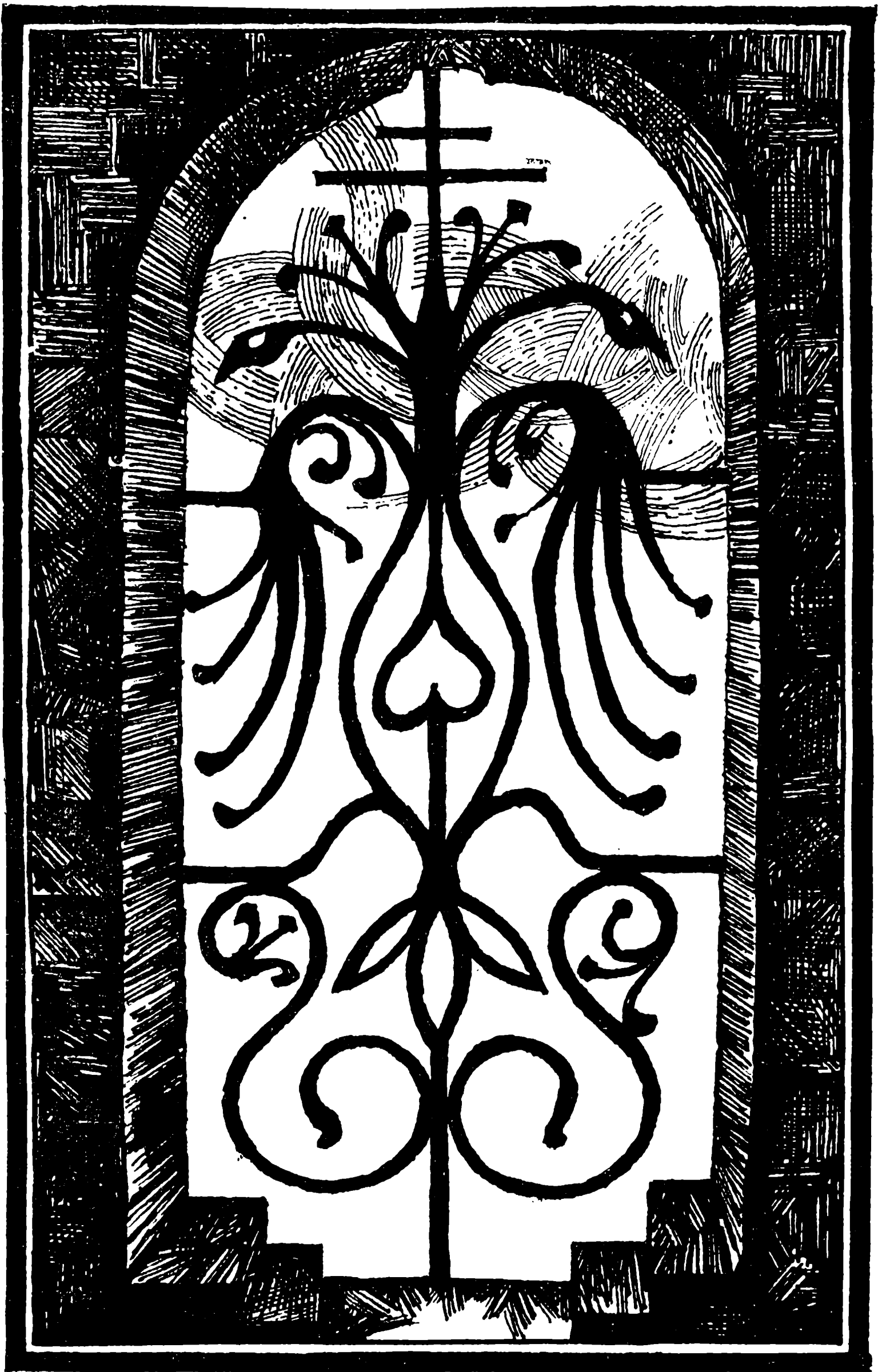
Вот с какими мыслями я собирался в конце прошлого лета на Русский Север, на восток и север «Северного кольца», от Великого Устюга до Соловков. В основном это была Архангельская область.

Немного статистики. В Архангельской области выявлено более 1000 архитектурных памятников, около 300 из которых уже взяты под государственную охрану. На реставрацию и поддерживающий ремонт памятников истории и культуры Архангельской области за последние годы израсходовано более 3 миллионов рублей. Создан архитектурно-этнографический музей под открытым небом в Малых Карелах, куда собрано из различных районов области более 40 памятников деревянной архитектуры. Рассматривается вопрос о сохранении памятников деревянного зодчества в Каргопольском и Плесецком районах области и об организации там заповедника «Кен-озеро». А на Соловецких островах в Белом море уже создан Государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник.

Но есть и другие, тревожные сообщения. Некоторые уникальные памятники деревянного зодчества находятся в аварийном состоянии, разрушаются. Рухнула деревянная церковь XVII века в селе Астафьево. То же самое случилось с постройкой в селе Вазенцы. Уже в 1977 году сгорело два памятника деревянного зодчества в селе Вакорино. В селе Холмогоры обрушилась часть сводов Преображенского собора, ценнейшего памятника каменного строительства конца XVII века, не имеющего аналогов в русской архитектуре. Постепенно разрушаются памятники Соловецкого монастыря, а выделенные для реставрации средства систематически не осваиваются из-за недостатка техники, строительных материалов, рабочей силы. Ждут реставраторов исторические памятники Кий-острова. Вдалеке от оживленных туристских троп оказались белоснежные соборы «северной Венеции» — Каргополя...

Все это — объективные данные, дающие повод для размышлений. Но были и субъективные впечатления — то восхищенные, то горестные рассказы так называемых неорганизованных туристов, побывавших за последние годы на Севере (приобретение путевки на северный маршрут было задачей неразрешимой). Я поехал с ре-

дакционным заданием: своими глазами посмотреть, как начал действовать Закон об охране и использовании памятников истории и культуры, какие изменения произошли после введения в действие Закона.

Для москвичей путешествие по Северной Двине обычно начиналось с Котласа (железнодорожная ветка на Великий Устюг в то лето не была еще достроена).

Котлас не имеет памятников старины; только деревянные тротуары на окраинах напоминают о «северной экзотике». Однако он является центром района, богатого шедеврами деревянной архитектуры, и атмосфера бережного, уважительного отношения к памятникам истории и культуры характерна для этого нового города. Работает утвержденная райисполкомом специальная комиссия, проводятся реставрационные работы. Все памятники истории и культуры взяты на учет, а их в районе немало: двадцать четыре архитектурных, два археологических, один реликтовый — Коряжемская роща. У каждого из них есть «хозяин» — или непосредственно отдел культуры райисполкома, или различные арендующие и шефствующие организации. Пожалуй, это главное положительное изменение, которое произошло после введения в действие Закона об охране и использовании памятников истории и культуры. Конечно, остается еще немало нерешенных вопросов, но коренной перелом в отношении к историко-культурному наследию налицо — к ним приковано теперь большое общественное внимание, на их защиту встали и гражданское сознание, и советский закон.

Котлас лежит на привольной речной дороге, связывающей два исторических города — Великий Устюг и Сольвычегодск; оба эти города находятся на притоках Северной Двины: Великий Устюг — на Сухоне, Сольвычегодск — на Вычегде. Рейсовые теплоходы сделали их легко доступными для туристов.

В Великом Устюге все памятники находятся под охраной, за их состоянием следят государственные и общественные организации, проводится поддерживающий ремонт. Реставрация ведется широко и энергично, в прошлом году на эти цели было выделено 277 тысяч рублей. Много сделано, но еще больше работы впереди.

Наверное, не случайно массовый туристский поток еще не дошел до Великого Устюга, только небольшие ручейки будущего потока — отдельные группы по 25—30 человек — струятся по древним улицам. Очень трудное это дело — воссоздание целого исторического города, и пример Устюга Великого наглядно показывает, как много еще предстоит сделать...

В Сольвычегодске все скромнее, чем в Устюге Великом. А посмотреть тут есть что: изящный Введенский монастырь конца XVII века; мощные своды Спас-Обыденной церкви; музей политической ссылки; редкий памятник гражданской архитектуры — дом купцов Пьянковых; собрание древнерусского искусства в музее; подвалы Благовещенского собора со зловещими каменными мешками в толще стен, в которые, по преданию, всевластные в тех местах купцы Строгановы заточали своих врагов. А разве не пока-

жется открытием плащаница с изображением сцены убийства в Углице царевича Димитрия с надписью: «убийца Никитка Кочалов», которая хранится в Сольвычегодске и может нежданно-негаданно пролить свет на одну из самых загадочных страниц русской истории?

Памятники Сольвычегодска взяты под государственную охрану, принято решение об их капитальном ремонте, выделены средства. Однако местные жители вспоминают, что строительные леса у Спас-Обыденной церкви, ремонт которой до сих пор не закончен, были поставлены... в 1962 году! В отремонтированном Благовещенском соборе не действует противопожарная сигнализация; река Сухона, бурная и полноводная, подмывает берег под собором, и положение становится угрожающим: здание дало трещины, в экспозиционном зале южного придела стена отошла от потолка почти на 10 сантиметров. Если не будут приняты срочные меры, памятнику XVI века угрожает гибель.

В Сольвычегодске есть что показать туристам, и обидно, что это богатство используется недостаточно. Вероятно, вопрос о более действенном использовании памятников истории и культуры Сольвычегодска может быть решен путем организации небольшого по протяженности туристского маршрута с центром в Котласе, где есть свое экскурсионное бюро. Такой маршрут мог бы включить однодневные речные путешествия в Устюг Великий, Сольвычегодск, старинное село Красноборск, родину известного художника-пейзажиста Борисова, осмотр деревянных построек гражданского и культового назначения в соседних деревнях.

Северная Двина от Котласа до Архангельска необычайно богата памятниками русского деревянного зодчества, старинными селами, сохранившими до наших дней всю своеобразную обстановку русской северной деревни. Перечитывая перед поездкой туристские справочники и путеводители, я предвкушал встречу с памятниками русской деревянной архитектуры, повторяя как зачарованный их названия.

Одни из этих памятников стоят прямо на двинских берегах, другие отступили от реки в леса, на широкие просторные поляны, спрятались за покатыми спинами холмов, но мне казалось, что все они в пределах досягаемого для путешествующих по Северной Двине. К сожалению, надежды не оправдались. Многочисленные памятники Северной Двины практически недоступны ни для «организованных», ни для «самодеятельных» туристов. Рейсовый теплоход две трети пути от Котласа до Архангельска проходит ночью, а днем делает только пятиминутные остановки. Посмотреть на памятники северной деревянной архитектуры можно только в бинокли. Проплывают северодвинские села, старинные погосты, шатровые наверхия церквей, живописные рубленые баньки, приткнувшиеся к самому урезу воды. Все мимо, мимо — и так на всем шестисоткилометровом речном пути! Непознанное богатство проплыло мимо, для большинства пассажиров теплохода — навсегда.

Нужен специальный экскурсионный теплоход от Котласа до Архангельска, с длительными остановками в интересных памятниках местах, с пешеходными экскурсиями в старинные села, лежащие в

стороне от реки, с квалифицированными экскурсоводами. Пусть этот маршрут так и называется: «По Севойной Двине». У Северо-Двинского речного пароходства есть возможности для реализации этой идеи.

А пока с памятниками северного деревянного зодчества можно познакомиться только в Малых Карелах, в музее под открытым небом на окраине Архангельска, где церкви, ветряные мельницы, старинные избы и хозяйственные постройки северной деревни оторваны от естественного ландшафта — от спокойной речной глади, сине-зеленых лесных окомов, луговых просторов.

Соловецкие острова — вершина «Северного кольца», и не только потому, что они лежат в высоких широтах. Соловки — это удивительный, своеобразный уголок Русского Севера.

Восприятие Соловков как единого целого — своеобразной природы и творений рук человеческих легло в основу плана их возрождения. Постановлением правительства РСФСР и ВЦСПС здесь с 1974 года создан Государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. На Соловецком архипелаге, насчитывающем 150 больших и маленьких островов, более 170 различных памятников. Подлинным сокровищем исторического прошлого является Соловецкий кремль с его могучими стенами, восемью круглыми, непомерно тяжелыми башнями, увенчанными шатровыми кровлями, Преображенским и Благовещенским соборами XVI века, с уникальными, поражающими простором и скрытой мощью кирпичных сводов Трапезной и Келарской палатами, с крытой галереей начала XVII века, с бесконечно длинными келейными корпусами, каменной монастырской мельницей, гранитным надгробием Авраамия Полицына, летописателя «смутного времени», закончившего свою бурную жизнь в северном монастыре.

Щедрость и своеобразие северной природы, величие вещественных творений рук человеческих, превративших клочки земли, затерянные среди студеного моря, в подлинную сокровищницу памятников истории и культуры, вызывают восхищение и трепетное преклонение. Соловки незабываемы, и об этом в один голос говорят все, побывавшие там. Это впечатление соприкосновения с чем-то величественным и прекрасным остается навсегда, и в нем без остатка растворяется, как-то забывается все то, что во время этой поездки огорчало, вызывало горечь и недоумение. Но стоит ли об этом забывать?

Когда проходит первое ошеломляющее впечатление от грандиозного Соловецкого кремля, бросается в глаза какая-то неухоженность, какое-то странное безразличие к его красоте. Берега Святого озера и моря застроены нелепыми барачными домами, и нужно долго искать удобную точку, с которой можно сфотографировать кремлевские башни. Огромен комплекс кремля, но только немногих строителей, студентов физфака МГУ, застанешь на лесах. Порой они задерживаются до позднего вечера, но то, что им удастся сделать, наверное, даже неравноценно круглогодичным разрушениям от усилий морских ветров, влажного воздуха, зимних морозов и оттепелей. Можно восхищаться энтузиазмом неизвестного Толика, который в одиннадцать часов вечера трудолюбиво постукивает мастерком где-то очень высоко, возле перекрытий собора, а две девуш-

ки-студентки в коротких куртках терпеливо ждут, пока он приготовит им на утро «фронт работ». Можно сравнивать то, что было в прошлом году, и удовлетворенно перечислять десятки тысяч рублей освоенных капиталовложений, показывать музейные экспозиции в отдельных отремонтированных зданиях. Все это так. Но верно и то, что Соловкам трудно, очень трудно. Широко задуманная программа восстановления музея-заповедника не выполняется.

Обратимся к цифрам. Из девяти архитектурных памятников, которые по плану должны быть отреставрированы в 1976 году, не был закончен ни один. Так же обстояло дело с пятью памятниками в 1977 году. Сорвано строительство туристской базы, клуба. Дорога к знаменитой дамбе через море так разбита, что по ней не ездят автобусы. По бесконечным лабиринтам монастырских корпусов страшно ходить: потолки провисли, ступени лестниц угрожающе скрипят под ногами, забитые досками окна почти не пропускают света. Далеко не все постройки в скитах нашли заботливых хозяев-арендаторов, постепенно разрушаются. Там, где в прошлом году были крыши, сейчас торчат голые стропила.

Видимо, прав В. Антонов, который выступил в «Правде» со статьей «Ничейные острова», «хозяина, настоящего, доброго хозяина у Соловецких островов все еще нет». В том, что он, этот настоящий хозяин, должен быть, сомнений нет. Соловки требуют такого же государственного внимания, как когда-то Суздаль, чтобы стать настоящей «туристской Меккой». А в том, что Соловецкие острова щедро возвратят затраченные на их восстановление средства, сомневаться не приходится.

Хочется внести предложение, которое на первый взгляд может показаться парадоксальным: может быть, чтобы по-настоящему «открыть» Соловки для миллионов людей, полезно их временно закрыть, пока они не станут такими, какими должны быть? Чтобы Соловецкий кремль одиноко и гордо, как когда-то, стоял на перешейке между озером и морем, открытый со всех сторон... Чтобы Секирная гора, эта естественная «видовая площадка» архипелага, встречала хлебосольным гостеприимством придорожного трактира, а не предостерегающей надписью: «Осторожно, злые собаки!».. Чтобы к другим островам архипелага регулярно ходили экскурсионные катера, и памятники Анзера, Большой и Малой Муксалмы, Большого и Малого Заяцких островов вошли в туристский «оборот»... Чтобы туристов угощали на Соловках не консервами, а щедрыми дарами моря и озерных вод (а что в озерах на примитивную удочку можно наловить за полтора часа до сотни приличных окуней, я убедился сам!).. Чтобы знаменитые келейные корпуса встречали туристов современным комфортом, соединенным с глубокой тишиной и несокрушимостью древних стен... Чтобы дома творчества возле соловецких озер вдохновляли писателей, художников, композиторов и в программу экскурсий входили волнующие встречи с людьми искусства...

Их очень много, этих «чтобы»! Можно помечтать даже о собственных дынях, которые лет сто назад вызревали на Соловецких островах, возле 65-го градуса северной широты!..

Своевременна ли сегодня постановка вопроса о работах широкого масштаба по восстановлению соловецкого комплекса памят-

ников истории и культуры? Утвердительно ответить на этот вопрос помогло посещение Кижей, популярнейшей точки на северных маршрутах туризма. Каждый, кто побывал на Кижях, надолго запомнил переполненные «Метеоры» и «Кометы», один за другим отплывающие от причалов петрозаводской пристани. Заботливо протянутые деревянные тротуары (чтобы не до конца была вытоптана луговая трава!) буквально стонут под десятками тысяч ног. Толпы туристов возле каждого памятника, часовая очередь у входа на колокольню, чтобы обзреть с высоты остров, еще одна очередь за желанным сувениром — грамотой, удостоверяющей посещение Кижей. Толчея, гомон, торопливость экскурсоводов... Только мечтать остается о тихом, спокойном очаровании Заонежья, без которого не так смотрятся шедевры деревянного зодчества: они требуют тишины. А с каждым годом наплыв туристов увеличивается! Не пора ли серьезно задуматься о перспективе, о введении в туристский оборот (и о сохранении для народа, что взаимосвязано) новых комплексов памятников истории и культуры? Соловки ждут...

И в заключение одно предложение. Название маршрута «Золотое кольцо» удивительно точно и образно отразило особенности центральной, Владимиро-Суздальской Руси: золото куполов над белоснежными стенами соборов, осеннее золото березовых рощ, спелых ржаных нив, солнечных блесков на речной глади. Для Русского Севера свойственны мягкие краски, серо-серебристые тона: посеребренные осиновые лемехи построек, туманы над спокойными серыми реками, прозрачная таинственность белых ночей. Не правильнее ли будет назвать будущий северный маршрут «Серебряным кольцом»?

«Золотое кольцо» и «Серебряное кольцо», дополняя друг друга, откроют восхищенным путешественникам несказанное богатство и своеобразие Древней Руси.

Рис. О. БЕЗУХОВА.

**по протесту
прокурора**

Комиссия по делам несовершеннолетних при исполкоме Джетысайского горсовета (Чимкентская область) приняла решение о лишении Н. П. Толстой родительских прав.

Согласно статье 69 Кодекса законов о браке и семье Казахской ССР лишение родительских прав может производиться только решением народного суда по заявлению государственных или общественных организаций, одного из родителей или опекуна (попечителя) ребенка, а также по иску прокурора.

В соответствии с Положением о комиссиях по делам несовершеннолетних, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 26 августа 1967 года, комиссия вправе входить в районный народный суд с представлением о лишении родительских прав, если будет установлено злоупотребление этими правами или злостное уклонение от обязанностей по воспитанию детей.

По протесту прокурора решение комиссии отменено.

Исполком Тищенского сельского Совета Изобильненского района (Ставропольский край) подверг штрафу на 10 рублей механиков совхоза «Тищенский» за бесхозяйственное хранение техники.

Такие штрафы сельисполком налагать не вправе.

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 23 декабря 1975 года № 1035 «О мероприятиях по усилению государственного надзора за техническим состоянием машинно-тракторного парка колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий и организаций» за нарушение правил хранения техники предусмотрен денежный начет в размере до 50 рублей, налагаемый на руководящих работников колхозов, совхозов государственными инспекторами Госсельтехнадзора.

По протесту прокурора незаконное решение отменено.

Постановлением административной комиссии при исполкоме Октябрьского районного Совета народных депутатов города Алма-Аты за нарушение правил советской торговли продавец столовой № 129 Н. В. Сафронова оштрафована на 10 рублей.

Это постановление принято с нарушением пункта 4 Положения о порядке производства по делам об административных проступках, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 27 февраля 1962 года, который устанавливает, что дело об административном проступке не возбуждается, если лицо, совершившее административный проступок, к моменту совершения нарушения не достигло 16 лет.

Сафроновой на момент совершения проступка не исполнилось 16 лет.

По протесту прокурора постановление отменено.

наши
консультации

Ответственность за потравы посевов

Одно из условий получения хорошего урожая на колхозных и совхозных полях — сохранность посевов и насаждений сельскохозяйственных культур. Иногда, однако, они уничтожаются оставленным без присмотра скотом, вследствие чего хозяйствам наносится немалый ущерб. Этот ущерб, причиненный чужим скотом, должен возмещаться в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1955 года «Об ответственности за потравы посевов в колхозах и совхозах».

При потраве посевов или повреждении насаждений в колхозах, совхозах, других государственных или общественных хозяйствах владельцы скота или птицы (граждане или предприятия, организации, учреждения) обязаны полностью возместить причиненный хозяйству ущерб. Он подсчитывается исходя из фактических затрат по выращиванию посевов и насаждений (а не из суммы запланированных доходов от урожая). Если потравлены на

корню уже созревшие культуры, стоимость ущерба вычитается по государственным розничным ценам, за вычетом, естественно, затрат по уборке урожая с потравленных площадей. Если на уничтоженную продукцию нет государственных розничных цен, то применяются местные рыночные цены, существующие на день составления акта о потраве. Ущерб взыскивается в денежной сумме; но его можно возместить и натурой, если между сторонами будет достигнута соответствующая договоренность.

Если потрава совершена скотом нескольких граждан, каждый из них возмещает тот ущерб, который причинен принадлежащим ему животным. Но в большинстве случаев определить это бывает невозможно, и тогда применяется принцип долевой ответственности. Скажем, стадо из двадцати коров, принадлежащих гражданам, уничтожило урожай на сумму в тысячу рублей. Значит, с каждого вла-

дельца коровы взыскивается по пятьдесят рублей.

Если скот (или птица) задержаны понесшим убытки хозяйством — до возмещения ущерба, — это хозяйство обязано обеспечить должный уход за животными. Расходы по их содержанию также взыскиваются с владельцев. Конфисковать скот в таких случаях нельзя.

Размер причиненного потравой ущерба определяется специальной комиссией из представителей исполкома сельского, поселкового или городского Совета народных депутатов, правления колхоза, дирекции совхоза или иного хозяйства, а также агронома. На заседание комиссии приглашаются владельцы скота или птицы. Если они по вызову не являются, размер ущерба определяется без них.

На основании акта, составленного комиссией, исполком Совета выносит решение о возмещении ущерба. Владелец скота или птицы, не согласный с этим решением, может обжаловать его в пятидневный срок в исполком районного Совета народных депутатов, решение которого по жалобе считается окончательным.

Порядок принудительного взыскания ущерба установлен законодательством союзных республик. В Российской Федерации, например, действует соответствующее постановление Президиума Верховного Совета республики от 21 июля 1964 года. При отказе возместить ущерб он взыскивается: с государственных, кооперативных и других общественных организаций и предприятий — в бесспорном порядке по распоряжению исполкома Со-

вета, принявшего решение о возмещении ущерба; с граждан — в принудительном порядке по решению народного суда, вынесенному на основании письменного заявления председателя колхоза, директора совхоза или руководителя иного пострадавшего хозяйства.

При потравах с граждан — владельцев скота взыскивается, кроме ущерба, также штраф в следующих размерах: за задержанных на посевах, в насаждениях и у стогов сена овец, коз, свиней, телят — 2 рубля 50 копеек с головы; за голову взрослого крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов — 5 рублей; за птицу — 50 копеек с головы. При повторной или неоднократной потраве в течение того же года штраф взыскивается в двойном размере.

Решение исполкома о наложении штрафа может быть обжаловано в том же порядке, что и решение о возмещении ущерба. При неуплате штрафа в 15-дневный срок он взыскивается в бесспорном порядке по месту работы виновного. Если тот не работает, штраф взыскивается судебным исполнителем.

Указ от 11 января 1955 года предусматривает также, что за проезд по посевам или насаждениям на гужевом транспорте взыскивается штраф до 5 рублей, а за проезд на автомобиле, тракторе, комбайне и других машинах — до 10 рублей. Исполком Совета налагает в этих случаях штраф соответственно на водителя или на лицо, находившееся за рулем автомобиля, трактора, комбайна или иной машины. Ущерб же, причиненный колхозу, сов-

хозу или другому хозяйству в результате такого проезда, взыскивается по иску потерпевшего хозяйства в судебном порядке с владельца транспортного средства, то есть с предприятия, организации или отдельного гражданина. В свою очередь владелец, возместивший ущерб, вправе взыскать по суду уплаченную им сумму с непосредственного виновника, то есть с лица, находившегося за рулем автомобиля, трактора или другой машины во время проезда по посевам.

Указ от 11 января 1955 года применяется только в случаях потрав и повреждения посевов и насаждений на корню. Если же скот уничтожил уже собранный урожай сельскохозяйственных культур (например зерно на току, сахарную свеклу в буртах), сумма причиненного ущерба взыскивается с владельцев скота народным судом по иску потерпевшего хозяйства.

Подчеркнем также, что Указ от 11 января 1955 года применяется, когда посевы или насаждения хозяйства потравлены скотом другого хозяйства или отдельных граждан. Если колхозные посевы или насаждения потравлены скотом, принадлежащим этому же колхозу, по вине его пастухов, то они возмещают материальный ущерб в соответствии с пунктом 13 Примерного Устава колхоза. Если совхозные посе-

вы потравил скот этого же совхоза, то с работников, под присмотром которых находился скот (пастухи, чабаны), администрация совхоза взыскивает ущерб в соответствии с Положением о материальной ответственности рабочих и служащих, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 года.

Не относится Указ от 11 января 1955 года и к случаям, когда потравлены посевы и насаждения, принадлежащие отдельным гражданам. Тогда ущерб взыскивается в судебном порядке по иску потерпевшего на основании норм гражданского законодательства о материальной ответственности за причинение вреда.

Наконец, необходимо отметить, что за умышленную потраву посевов, а также умышленное повреждение защитных лесонасаждений, плодово-ягодных и других насаждений, причинившие значительный ущерб колхозу, совхозу или другому государственному или общественному хозяйству, законодательством союзных республик установлена уголовная ответственность. Например, по статье 168 Уголовного кодекса РСФСР такое деяние наказывается исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей, или возложением обязанности загладить причиненный вред.

В. СТЕПАНОВ,
консультант журнала «Советы
народных депутатов»

**Читатель
на приеме
у юриста**

Расскажите, пожалуйста, кому из сельских жителей и в каких размерах выдаются государственные ссуды на строительство личных домов.

**К. Самойлов,
Рязанская область.**

Постановление Совета Министров СССР от 20 декабря 1976 года «О кредитовании индивидуального жилищного строительства в сельской местности» предусматривает выдачу с 1 января 1977 года ссуд на индивидуальное жилищное строительство в размере до 1500 рублей, с погашением в течение 10 лет после окончания строительства дома. Такие ссуды

могут получить колхозники, рабочие, служащие и инженерно-технические работники предприятий, организаций и учреждений, расположенных в сельской местности (кроме предприятий, организаций и учреждений Министерства путей сообщения).

Согласно этому же постановлению беспроцентные ссуды в размере до 1500 рублей, с погашением в течение 10 лет начиная с третьего года после окончания строительства дома, предоставляются с 1 января 1977 года проживающим в сельской местности инвалидам Отечественной войны, инвалидам из числа военнослужащих, ставших инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы либо вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте, а также инвалидам из числа бойцов и командного состава истребительных батальонов, взводов и отрядов защиты народа, действовавших в период с 1 января 1944 года на территории Украинской, Белорусской, Литовской, Латвийской и Эстонской союзных республик, ставших инвалидами при исполнении служебных обязанностей в этих батальонах, взводах и отрядах.

Вместе с тем действует и установленный ранее льготный порядок выдачи ссуд отдельным категориям рабочих и служащих, проживающих в сельской местности.

Например, по постановлению ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 14 апреля 1971 года «О мерах по улучшению условий труда и закреплению механизаторских кадров в сельском хозяйстве» механизаторам сельского, водного хозяйства и Сельхозтехники уч-

реждения Госбанка выдают ссуды на строительство жилых домов в размере до 2000 рублей сроком на 10 лет. При этом совхозам и другим государственным предприятиям сельского хозяйства, предприятиям водного хозяйства и Сельхозтехники разрешено погашать до 35 процентов суммы, предоставленной механизаторам в кредит на строительство жилых домов, если они проработали в данном хозяйстве по специальности не менее 5 лет и являются передовиками производства. Колхозам рекомендовано установить аналогичный порядок погашения кредитов, предоставляемых механизаторам, работающим в колхозах.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1974 года «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» Госбанк СССР предоставляет гражданам, проживающим в Нечерноземной зоне и переселяющимся в колхозные и совхозные поселки из мелких населенных пунктов (независимо от мелиоративного состояния земель), кредит на строительство жилых домов и надворных построек. Кредит оформляется через колхозы и совхозы, в сумме до 3500 рублей на одну семью. Срок возврата ссуды — до 15 лет. Погашается она с третьего года после ее получения. Гражданин возвращает не всю предоставленную ему ссуду, а лишь 65 процентов полученной суммы. Остальная часть кредита погашается за счет государственного бюджета.

Учителям сельских школ и другим педагогическим работникам, окончившим высшие и средние педагогические учебные заведения, в сельской местности, где они трудятся, может выделяться на строительство жилых домов банковская ссуда в размере 2000 рублей на срок 10 лет, с погашением начиная с пятого года после ее получения. Ссуды на индивидуальное жилищное строительство выдаются учреждениями Госбанка по ходатайству отделов народного образования непосредственно застройщикам под их обязательства банку. Это предусмотрено постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 июля 1973 года «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы».

В. КЛИМОВ,
юрист

Колхозы и совхозы предоставляют земельные участки для выпаса скота, принадлежащего рабочим, учителям, врачам и другим сельским специалистам.

Взимается ли с владельцев скота какая-либо плата за пользование этими участками?

**А. Семенова,
Волгоградская область.**

Согласно Земельному кодексу РСФСР участки для выпаса скота, принадлежащего рабочим и служащим, могут выделяться из земель колхозов, совхозов, других сельскохозяйственных предприятий, организаций и учреждений. Владельцы скота возмещают землепользователям расходы по содержанию и улучшению этих участков.

При этом постоянным рабочим, служащим и специалистам, работающим и проживающим в сельской местности, пастбища выделяются по решению общего собрания членов колхоза (собрания уполномоченных) либо администрации совхоза или ино-

го сельскохозяйственного предприятия, организации, учреждения. А рабочим, служащим, пенсионерам и инвалидам, проживающим в сельской местности (но не работающим там), участки для выпаса скота предоставляются по решению тех же органов, утверждаемому исполкомом сельского Совета народных депутатов.

Размеры расходов по содержанию и улучшению пастбищ определяются соответствующим колхозом, совхозом, иным сельскохозяйственным предприятием, организацией или учреждением и обязательно должны быть утверждены исполкомом сельского Совета.

Если колхоз, совхоз или другое сельскохозяйственное предприятие, учреждение не производят никаких затрат на содержание и улучшение пастбищ, то оно не вправе взимать какую-либо плату за пользование ими. Это было бы, по существу, сдачей сельскохозяйственных земель в аренду, что запрещено законом.

**Е. АНДРЕЕВ,
юрист**

ЮРИСКОНСУЛЬТ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

1. «СОСТОЯЩИЙ ПОД НЕОТСТУПНЫМ НАБЛЮДЕНИЕМ»

Пора было бы и отдохнуть.

Он вышел на свободу шестидесяти от роду. Последний срок длился два с лишним десятилетия. Осень стояла на дворе. Под окном никли облетевшие кусты, в трубе скулил ветер. Хорошо еще, что на той же Тамбовской улице жил семейный брат — невестка взяла на себя хозяйственные заботы. Можно было, кажется, перевести дух после бесконечных лет в каземате.

Но, едва выйдя из тюрьмы, он обнаружил востроглазых соглядатаев. Один из них, изображая нищего, торчал теперь у ворот. А некоторое время спустя сосед-табачник, отпуская папиросы, шепнул доверительно:

— Позавчера трое голубчиков лежали вон за тем забором. Пошел дождь, им принесли шинели. Думаю, что за притча? А потом вижу, вы идете. Тогда все стало понятно!

Старик не преувеличивал: «Следят за каждым моим шагом, что очень неудобно, надоедливо и, в известной мере, даже опасно».

Работая над очерком, автор пользовался материалами Центрального государственного архива литературы и искусства, Центрального государственного архива Октябрьской революции, Архива А. М. Горького, хранящегося в Институте мировой литературы АН СССР, рукописных отделов библиотек им. В. И. Ленина, им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственного литературного музея. Сотрудникам этих учреждений автор приносит сердечную благодарность за внимание и помощь.

Местная власть, может, и не так бы усердствовала, если бы не предписание свыше: «За невозможностью отправить Лопатина нынче же на поселение в Сибирь по отсутствию туда этапного движения, а также во внимание к его старости и болезненному состоянию, названное лицо, по соглашению министра внутренних дел с министром юстиции, подлежит водворению в место жительства его брата, коллежского асессора Всеволода Лопатина,— в город Вильно, с установлением за ним надлежащего надзора полиции».

И тогда же, на исходе 1905 года, в Петербурге, в особом отделе департамента полиции было заведено дело «о состоящем под неотступным наблюдением» Германе Александровиче Лопатине.

После Шлиссельбурга Лопатина не угнали в какую-нибудь «замерзайковскую волость» (его выражение) вовсе не из сердобольности, а по причине всеобщей забастовки и близости вооруженного восстания. Причина же слезки «бдительной и неослабной» (формула жандармская) состояла в том, что Лопатин был Лопатиным.

Один младший современник называл его Ильей Муромцем русского освободительного движения. Глеб Успенский, познакомившись с молодым Лопатиным, задумал повесть о нем — «Удалой добрый молодец». Максим Горький, познакомившись со стариком Лопатиным, воскликнул: «Сказочный человек, серьезно!»

Неверно сравнивать его с Ильей Муромцем потому, что последний, как известно, тридцать лет и три года сиднем сидел, а Лопатин к тридцати трем годам, то бишь к 1878 году, совершил многое, очень многое. И похищение из вологодской ссылки идеолога революционного народничества П. Л. Лаврова. И побеги из иркутского острога, когда он в одиночку одолел душегубные пороги Ангары. Он нелегально уезжал из России и нелегально возвращался в Россию. В жандармских документах его именовали «известным Лопатиным». Он сблизился с Марксом и Энгельсом. Они называли его: «Наш общий друг». Первый отмечал в нем ясность критического ума, веселость и стойкость; второй — невероятную отвагу. Лопатину принадлежал зачин в переводе «Капитала» на русский язык. Он, Лопатин, в один день с Энгельсом был кооптирован в члены Генсовета I Интернационала.

В начале 80-х годов Герман Александрович связал свою судьбу с «Народной волей». В пору расцвета организации, краткого и яркого, Лопатин не разделял ее заговорщицкой тактики и террорной практики. Но вот «Народная воля» гибла, истекая кровью. Глядеть вчуже, с дальних берегов Сены или Темзы? Он бросился наперерез стремнине. И вскоре очутился в крепости. Сперва в Петропавловской, потом в Шлиссельбургской. Смертную казнь на эшафоте заменили казнью медленной — вечным заточением.

Он познал и сумеречное состояние души, и припадки бессильной ярости, и мучительные грезы. Но вот шлиссельбургские письма. Он писал брату Всеволоду. Брат был и идейным побратимом: революционер, достаточно хорошо известный полиции. Переписку разрешили лишь по истечении полутора десятка лет заключения. Этих писем немного. Но они говорят о многом. Прежде всего о стойкости, которую подмечал еще Маркс.

Тургенев восхищался молодым Лопатиным: «Несокрушимый юноша!» Несокрушимостью веяло и от Лопатина-старика, поселившегося-

ся после амнистии девятьсот пятого года в Вильне, на Тамбовской улице. Взглянули бы вы на его фотографию! Рослый, лобастый, седобородый, с впалыми щеками и короткой вертикальной складкой над переносицей; глаза в суровом прищуре; крупная рука сжимает мягкую широкополую шляпу, шляпу странника или живописца; он словно бы на минуту задержался, исполняя просьбу фотографа, и вот-вот уйдет, и шаг его будет тверд. Смотришь на эту фотографию, и внятен тебе смысл его излюбленного изречения: «Никогда не говори — все кончено!»

В Вильне граф Татищев признался Герману Александровичу:
— На меня из-за вас свалилось немало неприятностей...

Генерал-губернатора можно понять. Неудержимое паломничество к Лопатину местных радикалов, приглашения поднадзорного на всяческие митинги и домашние сходки, рукоплескания в его честь, «совершенно неуместные». Частые отлучки Лопатина невесть куда — словно бы сквозь землю проваливался. Частые приезды к Лопатину разных неблагонадежных личностей; одни ночевали на развалистом диване в мансарде, другие — поблизости, в гостиницах «Европейской» или Соколовского.

И все это, так сказать, в отвесах грозы, бушевавшей от кронштадских фортов до горбатых улиц Владивостока. Граф, как многие тогдашние губернаторы, пребывал в положении хуже губернаторского, а тут еще — бывший номер двадцать седьмой, бывший заключенный Шлиссельбурга.

Случалось уставать от многолюдья, от грохота и пестроты жизни, ударявшей по сердцу старого узника-одиночки. Но снова и снова тянуло в гущу и вихрь, и он исчезал из постылой мансарды, шестьсот пятьдесят восемь верст трясся в вагоне. Дошлые питерские «подметки»-филеры брали след рослого, чуть сутулого, белобородого старика в черном прямом пальто, в крепких сапогах и черной широкополой шляпе. И где бы ни находил пристанище Герман Александрович, околоточный требовал убраться в двадцать четыре часа.

Все нервы измызгали, сетовал Лопатин. И с неизменным юмором добавлял: я-де нахожусь в положении школяра, которому даже и по малой нужде нельзя отлучиться из класса, не подняв руки и не спросясь учителя, а учитель, черт дери, отвечает: «Можешь потерпеть до конца урока».

Министр внутренних дел сердился на Лопатина и других бывших номерованных узников Шлюшина, как издавна называли в просторечии Шлиссельбург:

— И чего хотят эти шлюшинцы? Радовались бы, что выскочили из каменного мешка! Самое большее, о чем им следовало бы мечтать и чего добиваться,— это чтобы их оставили навсегда там, где они находятся теперь только временно...

Нет-с, не хотел, не желал Герман Александрович Лопатин дожидаться «конца урока».

2. «СТАРАЯ КОЗА», ОН ЖЕ «ЯСТРЕБ»

В то самое время, когда Лопатин обосновался в Вильне, то есть в ноябре 1905 года, в Петербурге, в Балабинской гостинице поселился тщедушный человек в пенсне, вечно сползающем на кончик

носа. Вид у него был неряшливо-холостяцкий, движения суетливые, речь с бесконечными «бе» да «ме». Человек этот напоминал «старую козу», как впоследствии отметила одна весьма язвительная мемуаристка.

Бурцев вернулся из эмиграции. Эмиграция длилась почти столько же лет, сколько Лопатин провел в каменном мешке. Впрочем, Бурцеву тоже довелось отведать арестантских харчей — в Англии, в Пентенвильской каторжной тюрьме. Процесс против Бурцева инспирировали царская дипломатия и охранка, возмущенные его заграничной издательской деятельностью, паче прочего брошюрой «Долой царя!»

Понятно, возвращение Бурцева не осталось незамеченным. Как и на Лопатина, на Владимира Львовича, сына отставного штабс-капитана, тоже завели дело.

Бурцев, хоть и был близорук, примечал слезку. Однажды на Невском нарочито замедлил шаг да ляпнул филеру: «Мерзавец!» Тот, может, и обиделся, однако не ретировался.

Департаменту полиции нужен был приток информации. Но вот незадача, вскорости получилось нечто обратное — утечка информации. И притом с последствиями зубодробительными. О, если б в департаменте на Фонтанке наперед угадали, какую штуку выкинет «старая коза»! Если б догадывались, то, право, согласились бы с провинциальным жандармским полковником. «Таких людей, как Бурцев, — говаривал некогда полковник, — нельзя щадить. Их надо топить, как щенят!» Но покамест у Цепного моста, в департаменте полиции, были заботы поважнее. Да и блудный сын, вернувшийся из эмиграции, всего-то навсего подвизался в каком-то журнале.

Журнал назывался «Былое». Редакторами были историки В. Я. Богучарский и П. Е. Щеголев. На обложке значилось, что В. Л. Бурцев принимает в журнале «ближайшее участие». Далее следовал список авторов, согласившихся вынянчить новорожденного. И преуспевших в этом: ежемесячник объемом в двадцать печатных листов достиг тиража в 27—28 тысяч экземпляров, что по тем временам было очень и очень немало.

В списке сотрудников упоминались и вчерашние узники Шлиссельбурга: Г. А. Лопатин, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер... Последняя добродушно-ворчливо определила роль Бурцева в издании «Былого»: «Это настоящий ястреб, так на всех стариков и налетает, и слушать не хочет о наших физических немощах: вынь да положь ему всяческих воспоминаний».

Ястребиным налетам подвергался и Герман Александрович. Бурцев знал Лопатина еще в восьмидесятых годах. Лопатин, справедливо указывает он в своих мемуарах, «и тогда пользовался огромной известностью и популярностью в революционных и литературных кругах».

Заботило Бурцева не только пополнение редакционного портфеля. В доме на Спасской, 25, где сходились сотрудники, во второй половине дня Бурцев принимал посетителей. Иногда и таких, каких не вообразить.

Удержишься ли от изумления при виде плотного брюнета с холодным лицом и темными, чуть раскосыми глазами? Ведь это ж действительный статский советник Лопухин, недавний, что называ-

ется, еще тепленький руководитель всей секретной службы империи.

Или так: отворяется дверь, входит моложавый человек в очках, ни дать, ни взять вчерашний семинарист, отдает короткий поклон и объявляет:

— Владимир Львович, я вас знаю хорошо. Вот ваша карточка, я взял ее в департаменте полиции.— Помолчав, добавляет: — Служу чиновником особых поручений. Не могу ли быть чем-нибудь полезен освободительному движению?

Легко понять волнение холерического «ястреба». Труднее уяснить нравственные мотивы сановитого А. А. Лопухина или поджарого М. Е. Бакая. Впрочем, о первом — много впереди. О втором — теперь же.

Еще совсем зеленым Бакай был причастен к подполью. В девятьсот втором его арестовали. Он дал «откровенные показания». Ему предложили сделаться нештатным чиновником департамента полиции. Бакай согласился, успешно продвигался по иерархической лестнице, исправно получал сребреники. Теперь Михаил Ефимович «после долгой внутренней борьбы» напрочь отрекался от полицейщины.

Бакай охотно освобождался от множества сведений, осевших в памяти. В частности указывал на некоего Раскина: крупный-де провокатор.

Вообще-то сквозил слухок об изменнике, угнездившемся в центре эсеровской партии и отправлявшем на эшафот и в каторгу членов ее боевой организации. Но Раскин? Раскин... Никто из видных эсеров, опрошенных Бурцевым, о таком и знать не знал.

А дознаться следовало. Непремено! И не об одном Раскине. Бурцеву мерещился дерзкий замысел. Он сознавал настоятельную необходимость в советах и поддержке кого-либо из старых бойцов и все чаще и чаще подумывал о Германе Александровиче.

А Лопатин не подозревал, какая ноша уготована ему. Однако само по себе ближайшее будущее сильно занимало Лопатина: до смерти надоела роль школьника.

3. «НО ВЕДЬ У НЕГО ГЛАЗА И ВЗГЛЯД ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УБИЙЦЫ...»

Лопатин наметил программу-минимум и программу-максимум.

Первая: пусть разрешат пребывание в Петербурге.

Вторая: пусть разрешат выезд за границу.

И первая и вторая зависели от департамента полиции министерства внутренних дел. Переговоры на высоком уровне — с товарищем министра, с директором департамента — были Лопатину «ужасно противны». К тому же приходилось держаться начеку: вдруг зададут «щекотливые вопросы»?

Ему отвечали откровенно: «Чего вы волнуетесь? Дело идет своим рутинным порядком». Рутинный порядок заключался в проволочках. Не отказывали, но и не разрешали. Наконец дозволили лечиться в Петербурге, у Бехтерева. К знаменитому профессору Ло-

патин наведалься один раз и больше ни ногой. Зачем? Программа-минимум была выполнена.

Некоторое время спустя Лопатин, что называется, приступом взял директора департамента полиции Трусевича. В тот месяц Максимилиан Иванович замещал министра, находившегося в отпуске. Лопатин тоже хотел «уйти в отпуск». Трусевич возразил, что уж этого-то он никак не вправе разрешить. Лопатин ответил, что вот же уехали бывшие шлиссельбуржцы М. Ф. Фроленко и В. Н. Фигнер. Трусевич, не моргнув, сказал, что Фигнер, мол, скрылась из Финляндии, а Фроленко... Фроленко... даже и не сообразишь, откуда и каким образом.

— А вот и неправда,— парировал Герман Александрович.

— Как неправда? — опешил исполняющий обязанности министра.

— Вы сами их отпустили,— без церемоний заявил Лопатин.

И, не давая себя перебить, выложил подробности.

Трусевич попятился:

— Ну, вы говорите так уверенно и обстоятельно, что придется навести справки, а на память, ей-богу, не помню ничего подобного. Справляюсь, справляюсь, но ничего не обещаю...

В мае 1908 года хождения по канцеляриям кончились. Лопатин сложил пожитки. Багаж не оттягивал рук. Материальная обеспеченность Лопатина была «не выше студенческой и ниже многих конторских барышень и писцов». Прожиточный — он шутил: «дожиточный» — уровень определялся процентами с небольшого капитала (покойные родители положили в банк, когда сын их находился в крепости), редкими гонорарами, пенсией от Литературного фонда да редкими и мизерными пособиями Шлиссельбургского комитета, тесного кружка интеллигентов, старавшегося хоть как-нибудь поддержать бывших политических заключенных.

Там, в Европе, Лопатин надеялся отыскать свой архив. Архив этот имел ценность отнюдь не личную. Герман Александрович намеревался заняться историческими разысканиями. Однако в Европе ждали Лопатина не только исторические, но и сугубо современные разыскания. И он понял это, едва приехал в Париж и заглянул на улицу Люнен.

Впрочем, в Париже Лопатин не задержался, а почти тотчас переправился на другую сторону Ла-Манша. В Лондоне он встретил старых друзей — и тех, с которыми был связан до Шлиссельбурга, и тех, с которыми преломлял каторжно-крепостной хлеб. Побывал Лопатин и на нелегальной конференции эсеров, заседавших в невзрачном рабочем клубе. Вот здесь-то он обратил внимание на толстого, молчаливого, низколобого человека, пользовавшегося почтительным уважением собравшихся.

Несколько месяцев спустя Лопатин писал известному публицисту В. В. Розанову: «Увидев его впервые на большом собрании, я спросил у соседа: «Это еще что за папуас?» — «Какой?» — «Да вон тот мулат с толстыми, чувственными губами». — «Этот... (склонившись к моему уху) это — Иван Николаевич!» — «Как? Это он? И вы отваживаетесь оставаться наедине с ним в пустынных и темных местах?! — говорю я полушутя. — Но ведь у него глаза и взгляд профессионального убийцы, человека, скрывающего какую-то мрачную тайну». (Я три года провел когда-то в Иркутском остроге исключи-

тельно между уголовными.) Затем, встречаясь с ним ежедневно в течение 10 дней и в продолжении целого дня, я ни разу не обменялся с ним ни одним словом, ни одним рукопожатием. А заметьте, всякий Вам скажет, что я очень общительный человек, и я видел его в кругу наших общих друзей, а его почитателей. Не скрою, что я уже слышал о нем кое-что худое, но меня уверяли, что это злостные сплетни его партийных врагов, а дошедшие до меня факты не оправдали еще тогда в моих глазах зловещих выводов. Я не демонстрировал, а просто уклонялся от общения с ним, ибо не мог или не хотел преодолеть чувства антипатии».

В другом письме, упоминая этого «Ивана Николаевича», главу эсеровской боевой организации, Лопатин усиливает уголовный мотив: смахивает-де, особенно в фуражке, на хулигана или бандита.

Но, заметьте, Лопатин честно отмечает: тогда, в Лондоне, он еще не сделал «зловещих выводов». Однако какие-то факты, касающиеся «Ивана Николаевича», он уже знал. Он мог их узнать, будучи мимоездом в Париже, на улице Люнен.

4. «МОГЛО БЫТЬ ПОДСТРОЕНО...»

Загадочная история приключилась в семействе Алексея Александровича: Варвара как в воду канула! Из департамента полиции полетела телеграмма в Англию, шефу криминальной полиции: «В Лондоне при выходе из театра исчезла дочь действительного статского советника Варвара Лопухина, 18 лет, которая после того написала своей гувернантке просьбу разыскать ее, не указав адреса. В виду живого интереса министерства по этому делу обращаемся к вам с покорнейшей просьбой оказать содействие к спасению означенной девушки и сообщить сведения об этом факте».

Но вот записка чиновника особых поручений директору департамента Трусевичу: «Имею честь доложить вашему превосходительству, что на основании известий иностранных газет о таинственном исчезновении Варвары Лопухиной у меня составилось представление, будто отцу ее, А. А. Лопухину, было желательно скрыть обстоятельства, при которых состоялось это таинственное исчезновение. С одной стороны, если признать, что здесь произошло приключение на романической почве, такое отношение отца к доброму имени дочери вполне понятно. Однако на странные мысли наводит тот факт, что Лопухин, по словам английских газет, отказал от места гувернантке детей, мисс Руссель, за огласку, приданную исчезновению его дочери, вследствие обращения гувернантки в лондонский Скотланд Ярд. В виду того, что мисс Руссель уже много лет как служит у Лопухиных, кажется странным такое наказание преданного семейству человека. Варвара Лопухина могла бы, действительно, быть похищенной, и обращение в Скотланд Ярд являлось бы в таком случае самым естественным.

Возникает предположение, что путешествие без отца и матери двух сестер Лопухиных с гувернанткой могло быть предпринято с целью отвести глаза русской агентуре за границей. С той же целью произошла и пропажа из виду при возвращении из театра — все же

вместе могло быть подстроено для передачи русским революционерам каких-нибудь документов или рукописи А. А. Лопухина».

К сожалению, мы не знаем, что же такое приключилось с Варенькой Лопухиной. Говорили, что это дело эсеров, действовавших на манер американских гангстеров, однако не с целью денежного выкупа, а с целью получения необходимых сведений о тайной агентуре. Как бы там ни было, отец похищенной или пропавшей барышни немедленно выехал в Англию и вскоре благополучно доставил домой, на Таврическую, 7, своих дочерей вкупе с верной гувернанткой.

Главное же для нас во всей этой истории вот что: департамент полиции признавал возможность предосудительного поведения действительного статского советника А. А. Лопухина.

Почему же, спрашивается, такие подозрения?

Анкетные данные — без сучка и задоринки: старинная, родовитая семья, женат на княжне Урусовой, однокашник (по орловской гимназии) и родственник (через Оболенских) премьера П. А. Столыпина. Да, наконец, и то, что править департаментом пригласил А. А. Лопухина в девятьсот втором году сам министр и статс-секретарь В. К. Плеве. Лучше, кажется, не придумаешь. И все же был некий «пунктик», быстро подмеченный сослуживцами.

До назначения в департамент полиции Алексей Александрович круто прокурорствовал в Москве, в Твери, в Харькове, повсюду, как впоследствии отмечала мемуаристка отнюдь не левого толка, «производил неприятное впечатление своей заносчивостью и пренебрежительным тоном, с каким он обращался и к защите, и к присяжным заседателям».

Заняв департаментское кресло, Лопухин пытался сочетать неравным браком хрупкую законность с матерым произволом. Полковники старой натаски, кряхтя, приноровились к новой метле. Один из них не без яда объяснял адвокату, цеплявшемуся за какие-то нарушения при обыске у своего клиента: «Как? Разве я не поставил статьи закона, на основании которого произвожу обыск? Первое время я, действительно, не мог понять, чего от меня требует Лопухин, но теперь прекрасно освоился: составляю постановления с подробным указанием статей закона. Все довольны — и Лопухин, и я. А я могу работать без помехи, как привык до введения режима законности».

С точки зрения мастеров сыска Лопухин впадал в ошибку непростительную: не принимал провокацию как метод, не принимал как средство. Тут-то и был «пунктик». Весьма вероятно, провокация претила юридическому мышлению Лопухина, как она претила его бывшему начальнику, министру юстиции Н. В. Муравьеву, который еще в 1895 году официально заявил о «неприличии провокации». В начале революции 1905 года Лопухин представил начальству «Докладную записку», написанную, по словам В. И. Ленина, «в своеобразно грустном и унылом тоне», с применением «невероятно тяжелых, неуклюжих канцелярских оборотов речи». В том же девятьсот пятом году документ был опубликован в Женеве большевистским издательством «Вперед». В предисловии к брошюре В. И. Ленин указывал, что доклад Лопухина свидетельствует о «банкротстве полицейского порядка» в самодержавной России.

Весною девятьсот пятого года Алексея Александровича отстранили от должности. Обычно в таких случаях с директорами департамента полиции обходились вежливо, церемонно и бережно. Как минимум назначали в Сенат. Лопухина же назначили всего-навсего Эстляндским губернатором. Он был глубоко уязвлен.

Прошло немного времени, и Лопухин, не одолев обиды, воззвал к школьному приятелю, с которым был на «ты», — к премьеру и вместе министру внутренних дел П. А. Столыпину. Петр Аркадьевич, может, и не отказывался благодушно повспоминать разные гимназические шалости, да вот на призыв о протекции не откликнулся.

Тогда Лопухин, закусив удила, опубликовал открытое письмо Столыпину, изобличающее незаконную практику полиции и жандармерии. Тотчас разнесся слух об ожидающих Лопухина репрессиях. Гром, однако, не грянул. Кто знает, не Петр ли Аркадьевич спас Алексея Александровича?

Лопухин был лишь уволен из министерства внутренних дел. Он пустился в приватную юридическую практику, посредничая в гражданских и коммерческих сделках. Особый же отдел департамента полиции взял бывшего шефа на особую заметку. Отсюда живой интерес к исчезновению его дочери. Отсюда — после открытого письма Столыпину — живой интерес к Лопухину Бурцева и других людей, предлагавших Лопухину продолжать свои разоблачения.

Психологически он был к этому готов. Об уязвленности и обидах уже сказано. Об отношении к методам полиции тоже. Но не следует, пожалуй, акцентировать правовые или моральные соображения, владевшие действительным статским советником. Его родственник, крупный петербургский чиновник В. Б. Лопухин начисто отрицал в кузене «мотивы идейного мученичества», подчеркивая нечто совершенно иное: «злое и легкомысленное сведение личных счетов с властью». Примечательно, что Г. А. Лопатин, высказываясь о Лопухине, хотя и заглазно, но притом имея вескую причину быть им довольным (об этом позже), относил Алексея Александровича к типу людей, падких на интриганство. А такой человек, как С. Ю. Витте, морщился: «Я не уважал Лопухина, потому что он был директором департамента полиции в самое бессовестное плевенское время».

Что же до Бурцева, то «ястреб» имел свои, вполне определенные виды на бывшего директора тайной полиции.

Напомним: в доме на Спасской, в редакции «Былого», кающийся грешник Бакай указал на некоего Раскина, крупного провокатора. Однако Бакай, согласно незыблемому правилу секретной службы, знал лишь то, к чему имел непосредственное отношение. Правда, Бурцев предложил наводящие вопросы, с которыми Бакай, словно бы вскользь и мимоходом, обращался к прежним коллегам, но дело продвигалось слишком медленно, и таинственный Раскин все еще был плотно прикрыт псевдонимом.

Так вот, именно Лопухин, не кто иной, как бывший директор тайной полиции, мог раскрыть этот псевдоним. И «ястреб» кружил над Алексеем Александровичем.

Тем временем и над самим Бурцевым сгустились тучи. «Былое», получив несколько предупреждений, было закрыто. Редакторы жур-

нала поплатились — один трехлетним одиночным заключением (П. Е. Щеголев), другой высылкой (В. Я. Богучарский). Бурцев же оказался вне досягаемости: бежал за границу.

В канун бегства он виделся с Лопухиным. Рандеву состоялось в Териоках, в тихой, опрятной гостинице, окруженной финскими соснами и утонувшей в финских снегах.

Бурцев приготовился к разговору долгому, осторожному, терпеливому. Увы, Алексей Александрович очень торопился: жена хвора, надобно поскорее вернуться в Петербург. «Ястреб» все-таки выставил вопрос о провокаторах. Алексей Александрович отвечал, что коль скоро Владимир Львович эмигрирует, то лучше беседу отложить. Он, Лопухин, обещает ему, Бурцеву, другое свидание — там, за границей.

И Лопухин откланялся.

5. «ВЫ СКАЖЕТЕ ТОЛЬКО: ДА ИЛИ НЕТ»

В Париже Бурцев поселился в крохотной обшарпанной квартирке, такому жилью не позавидовал бы и люмпен. Сюда, в дом № 11 на узенькой и невзрачной улице Люнен, приходил Бакай, бывший сотрудник охраны, тоже, как и Бурцев, едва унесший ноги от возмездия.

В Париже они продолжали начатое в Питере. В первую голову их занимал все тот же Раскин. Секрета из своих занятий они не делали. Напротив, приглашали помощников, желающих натянуть нос столыпинским чиновникам и агентам. Но, увы, слышали насмешки, далеко не всегда добродушные, вперемежку с попреками, далеко не всегда безобидными. Это уж несколько позже язвительная мемуаристка, обозвавшая Бурцева «старой козой», подметила в нем и черту не внешнюю: Бурцев «раскрыл столько шпионов и провокаторов, что для распознавания этого что-то от шпиона было в нем». А тогда, в начале 1908 года, в эмигрантской среде говорили, что «старая коза» одержима шпиономанией, Бакай же попросту подослан, дабы сеять в революционных кругах пагубную подозрительность.

Они, однако, продолжали гнуть свое. Не станем следить за их маневрами. Но — это важно — взглянем на строки официального доклада, опровергающего насмешки-попреки эмигрантской среды.

Заведующий русской агентурой в Европе доносил на Фонтанку директору департамента Трусевичу нижеследующее: «Несомненно, что образование в Париже подобного революционного полицейского учреждения, поставившего себе целью разоблачение заграничной агентуры и ее секретных сотрудников, не только чрезвычайно мешает делу заграничного розыска, но и может даже лишить агентуру содействия наиболее ценных ее сотрудников, опасющихся

возможности своего провала, так как руководимая Бурцевым и Бакаем партийная полиция занялась подробным обследованием образа жизни каждого члена партии социалистов-революционеров».

Пусть автор доклада преувеличивал: сдается, нет учреждения, нет полиции из пары служащих, к тому ж не состоящих на жаловании. Любопытно другое: признаки паники в розыскных сферах. И еще: может быть, сам того не подозревая, автор доклада не зря бухнул в колокол — псевдоним Раскина уже был раскрыт. И Бакай, на что Михаил Ефимович всяческих выдывал, даже бы изумился: «Да-а! Во всех отношениях штука!»

И верно, «штука» была такая, что стоило заикнуться об этом человеке любому из эсеровской элиты, как на Бурцева смотрели словно на спятившего (эдак в лучшем случае), а то и так, точно он задался целью погубить и опозорить всех социалистов-революционеров. Иной раз ему заявляли сожалеючи: вы, мол, Владимир Львович, попались в капкан охранки. Иной раз ему грозили: не смей марать нашего Ивана Николаевича, получишь пулю в лоб. Да он и сам поклялся покончить с собою, коли не прав.

Разрубить узел мог лишь Лопухин. Бывший директор департамента несомненно знал «центрального агента».

Алексей Александрович обещал заграничное рандеву. Время шло, он молчал наглухо. (Лопухин не обманывал: поехал за границу и послал письмо на улицу Люнен, да письмо это затерялось.)

Бурцеву же следовало торопиться. И потому, что два незримых дула целили в него — и чужое, эсеровское, и свое, и потому, в особенности, что Раскин, он же Иван Николаевич, как стало известно Бурцеву, заседал в лондонском рабочем клубе: на той самой нелегальной конференции, где решались весьма важные вопросы; на той самой конференции, где Лопатина поразили взгляд профессионального убийцы, бандитская внешность главы эсеровской боевой организации.

Короче, Лопухин был необходим позарез. Случай иногда выручает. Стороною, ненароком прослышал Бурцев, что его петербургский знакомый «влачит задумчивую лень» на прирейнском курорте, со дня на день намеревается возвратиться через Кельн восвояси, Бурцев тотчас сорвался с места.

Нимало не интересуясь ни готикой знаменитого собора, ни романским стилем церкви св. Мартина, ни ганзейским залом в Ратуше, «ястреб» кружил на перроне кельнского вокзала. С дотошной цепкостью всматривался он в нарядную, праздную публику, прибывавшую из курортных местностей. И к великой радости своей высмотрел, наконец, сановитого плотного господина с холодным лицом и несколько раскосыми темными глазами.

Высмотрев, не бросился с распростертыми объятиями. Может быть, памятуя Териоки, тогдашнюю увертливость Лопухина, сославшегося на спешку, Бурцев выжидал момента, когда он сумеет без всякой помехи поговорить с Алексеем Александровичем.

Не спуская глаз с «объекта», Бурцев видел, как Лопухин сел в скорый поезд Международного общества спальных вагонов. Бог весть, метнулся ли Бурцев за билетом в агентство этого общества здесь же, на вокзале, или успел в контору Кука, на Домгоф, 40, но, как бы то ни было, «ястреб» залетел в экспресс Кельн — Берлин.

И когда поезд тронулся, когда поезд набрал ход, Бурцев вошел в купе Лопухина.

В двухместном уютном купе, отделанном деревом и бронзой, под мерный стук колес ночного поезда, началось свидание, решившее и участь Бурцева, и участь члена эсеровского ЦК, руководителя боевой организации, многое, очень многое решившее.

О, если б Алексей Александрович хоть на мгновение провидел последствия этой встречи, он бы выставил вон щуплого, взъерошенного журналиста в вечно мятой сорочке, с пенсне на кончике носа. Нет, Лопухин и на дух не допускал ничего ужасного. Черт подери, он в отставке, он за границей, он волен беседовать с кем угодно и на какие угодно сюжеты.

В запасе было несколько часов, Бурцев повел издалека. Поговорил о журнале «Былое», в России запрещенном, а в Париже возобновленном; вскользь рассказал о «революционном полицейском учреждении»; потом, взяв ближе, осветил данные и материалы, которые непреложно свидетельствовали о центральном агенте-провокаторе. Лопухин насторожился.

— Позвольте мне,— продолжал Бурцев, как бы даже и утратив свои бесконечные междометия,— рассказать вам все, что я знаю о его деятельности, как среди революционеров, так и среди охранников. Я приведу все доказательства его двойной роли. Я назову его охранные клички, его клички в революционной среде и его настоящую фамилию. Я о нем знаю все. Я долго и упорно работал над его разоблачением и могу с уверенностью сказать: я с ним уже покончил. Он окончательно разоблачен мною. Мне остается только сломить упорство его товарищей, но это дело короткого времени.

— Пожалуйста, Владимир Львович,— кивнул Лопухин.— Я вас слушаю.

Пока Бурцев повествовал о боевиках, отправленных агентом-провокатором на виселицу и каторгу, Алексей Александрович оставался непроницаемым. Но вот Бурцев поворотил «медаль» на другую сторону. И Лопухин быстро потерял спокойствие. Он услышал, что его бывший подчиненный, укрепляя и поднимая свой кредит среди подпольщиков, не только допустил, но и спланировал в девятьсот четвертом году убийство министра внутренних дел В. К. Плеве, а следом, в пятом году,— убийство государева брата великого князя Сергея.

Лопухин был подавлен и потрясен*.

Бурцев выкладывал карту за картой. Обнаруживалась бездна

---

* Потрясение и подавленность его зафиксированы в мемуарах Бурцева. Не следует, однако, забывать, что Г. А. Лопатин подозревал Лопухина в двурушничестве, каковое предполагает и лицедейство. Пожалуй, уместно привести строки из записок двоюродного брата Лопухина, посвященные убийству ненавистного всей России В. К. Плеве: «Остается невыясненным, сознательно ли А. Лопухин вел дело к тому, чтобы освободилось кресло министра внутренних дел, или просто не сумел солидно организовать охрану».

Последнее все-таки вероятнее. Ведь А. А. Лопухин несколько раз предупреждал Плеве о грозящей ему опасности и несколько раз именно в связи с этим намеревался подать в отставку. Можно поэтому предположить, что он и вправду был подавлен и потрясен рассказом В. Л. Бурцева.

двойной игры агента-provokatora и двойной игры мундирных мастеров provokации.

— Если позволите,— наседавал Бурцев,— я вам назову настоящую фамилию этого агента. Вы скажете только: да или нет.

Лопухин, изнемогая, откинулся на спинку дивана.

Поезд подходил к Берлину.

6. «ДА ЧТО ТУТ ГОВОРИТЬ! ДЕЛО ЯСНОЕ!»

Поезд замедлял ход, когда Бурцев получил последнее и самое веское доказательство своей правоты. Теперь уже никто из лидеров эсеров не посмеет отрицать предательство главы боевой организации. Никто! И, простившись с Лопухиным, не задерживаясь в Берлине, «ястреб» поспешил в Париж.

С вокзала, не заходя домой, он отправился на rue L'Fontaine, 32, к Савинкову.

Как и некоторые другие из эсеровской элиты, Савинков знал, какие — по его мнению, чудовищные — обвинения возводит Бурцев на Азефа, испытанного товарища и соратника.

Поздоровались без дежурных улыбок. Невысокий и стройный, одетый по обыкновению с иголки и даже «не без вычурности», как замечает в своих воспоминаниях одна знакомая Савинкова, он отчужденно и выжидательно пронизывал Бурцева своими пристальными, безжалостными глазами.

Прежде всего Бурцеву следовало заручиться честным словом: Борис Викторович обязан сохранить в тайне имя Лопухина. Непременно! Ведь в противном случае Азеф немедленно известит департамент, и тогда Лопухину несдобровать.

Савинков поклялся честью. Бурцев рассказал о давешней встрече с Алексеем Александровичем. Так вот, Раскин — это Азеф.

— Лопухин лжет,— ледяным тоном процедил Савинков.— Он подослан к вам. Азеф выше всех обвинений!

Боже мой, сколь уж раз обрушивали на Бурцева подобные аргументы, яростные и наивные: «Выше всех обвинений...» «Азеф и партия — одно и то же»... Сколь уж раз! Но теперь, теперь, когда разомкнулись уста недавнего патрона всероссийской «шпионницы»... Нет, Бурцев решительно отказывался что-либо понимать!

Зато Савинков отлично понимал: дело приняло последний, решительно-крутой оборот. Бурцев, даже если бы и захотел, не мог дать задний ход.

И точно, «ястреб» потребовал третейского судебного разбирательства. Эсеровский ЦК согласился. Согласился, рассчитывая изблечь не своего коллегу, нет, клеветника Бурцева, шельмующего одного из вождей партии социалистов-революционеров.

Судьями были приглашены: Герман Александрович Лопатин (председатель), Вера Николаевна Фигнер, Петр Алексеевич Кропоткин.

Бурцев писал последнему: «Трудно представить лучший состав суда... Дело идет о спасении сотни революционеров... Дело таково, что с.-р. должны все пересмотреть в своем прошлом и настоящем».

В особенности надеялся «ястреб» на Лопатина. Впоследствии говорил так: «Огромное значение для всей моей тогдашней деятельности имел приезд за границу Лопатина летом 1908 г.». И далее: «Он проявлял необыкновенную энергию и настойчивость. Он толкался во все двери, где только мог, и убеждал всех помогать мне и в литературных моих предприятиях, и в борьбе с провокаторами... Все это он делал неустанно, изо дня в день, в продолжении многих лет... Его замечания всегда были глубоки и выливались в удивительно удачных выражениях, которые блестяще формулировали его мысль и всегда брали быка за рога».

Итак, поздней осенью восьмого года, в Париже (по одним сведениям на частной квартире, по другим — в русской эмигрантской библиотеке) начались беспрецедентные судебные заседания.

Азеф держал с Савинковым почтовую связь. Не показываясь в Париже, околачиваясь на разных европейских курортах, Азеф имел самоохранительную наглость настаивать на строжайшем расследовании грязных инсинуаций Бурцева. Собственно, эсеровская верхушка — В. М. Чернов, Б. В. Савинков, М. А. Натансон — и не тащила Азефа в суд. Нет, как и было задумано, судили не Азефа, а Бурцева.

Самым рьяным был Чернов: Бурцевым играет охранка! Савинков наносил, так сказать, боковые удары: Азеф — организатор самых громких террористических актов; Азеф — один из основателей партии; все это исключает предательство.

Потом в тишине поистине гробовой говорил Бурцев. Обвиняемый обвинял. Судьям была доложена деятельность «революционного полицейского учреждения». Провалы, настигавшие в России рядовых эсеров-боевиков, выступили из мрака. Позади эшафотов и тюремных ворот означилась массивная фигура скуластого и толстого Азефа. Он же — в революционном подполье — Иван Николаевич, Валентин Кузьмич, Великан, Диканский... Он же — в департаменте полиции и в питерской охранке — Раскин, Виноградов, Валуйский, Черкасов и даже Новый приятель, хотя в «приятелях» числился с начала девяностых годов.

Итак, что же?

И Чернов, и Бурцев привели факты, казалось бы, взаимоисключающие. Оба, однако, не грешили против фактов.

Немного времени спустя, когда пресса всего континента зашумела об Азефе, некоторые литераторы, объятые мрачным, почти истерическим вдохновением, увидели в Азефе воплощение мирового гения зла, едва ли не Мефистофеля.

Ни грана мефистофельского в Азефе не было.

Он был двурушник и маклер.

Двурушники прислуживают кому угодно, чему угодно, той стороне, другой стороне. Но служат лишь самим себе. У них нет кумира, кроме собственного «я». И если уж двурушники что-либо воплощают, так это бездну индивидуалистического аморализма. И ничего больше. Азефу случалось испытывать сладострастие двойственности, когда, по словам поэта, «приятно и страшно вместе».

Он не делал ни революцию, ни контрреволюцию — он делал деньги, деньги, деньги. Студентом немецкого политехникума, где училось много русских, «корреспондировал» в охранку — сребрени-

ков и тридцати не платили, а все ж платили. Инженером-электриком связался с Зубатовым, с «московской школой» тонкой провокации — куш резко увеличился. Фигура в особом отделе департамента полиции и фигура в центральном комитете партии социалистов-революционеров, он уже загребал обеими руками.

Презирая теоретиков, Азеф держался одного принципа: «Не вносите революцию в массы!» Понятно: массовая организация лишила бы щуку мутной воды. Запросов интеллектуальных, духовных у него не было. Он жуировал: букеты и шампанское даме не слишком обременительной нравственности, курортный Биарриц с его ласковыми морскими купаниями и пляжами, белый костюм для аристократического лаун-тенниса, лихач на дутых шинах и т. п.

Он был хитер и пронырлив, солидно скуп на слова и распорядителен, умел внушать доверие и умел обеспечивать алиби. И все же он быстро бы прогорел, не будь определенной почвы и определенной атмосферы. Не в Азефе заключалась суть, нет, в азефщине. Последняя струилась из двух истоков: из полицейской системы, к которой на закате царизма свелось почти все государственное творчество; из заговорщицкой методы эсеров, положивших столько сил и жизней на индивидуальный политический террор.

Но сейчас, в Париже, на третейском суде, речь шла конкретно об Азефе. Бурцеву оставалось привести последний довод.

Бурцев медлил.

Опять, как и на дому у Савинкова, он поставил неременным условием не оглашать имени, которое сейчас же произнесет, едва условие будет принято.

Условие было принято. Бурцев рассказал о недавнем свидании с бывшим директором департамента полиции... И еще не договорил, как все вскочили с места. Лопатин, сильно взволнованный, подошел к нему, стиснул его плечо:

— Львович! Дайте честное слово революционера, что вы слышали эти слова от Лопухина...— И, не дожидаясь ответа, махнул рукой: — Да что тут говорить! Дело ясно!

Впечатление было оглушительное.

И все же то, что казалось ясным Лопатину, не заставило капитулировать адвокатов Азефа и вместе обвинителей Бурцева. Судебное разбирательство не закончилось. Оно продолжалось с перерывами месяца два.

Лопатин решительно поддерживал Бурцева. С глазу на глаз Герман Александрович сказал Савинкову: «Да ведь на основании таких улик убивают». Но если Лопатин солидаризировался с Бурцевым, то второй из судейской тройки, П. А. Кропоткин, хотя и склонялся к согласию с другом Германом, сохранял хладнокровие. Несколько позднее Кропоткин отнес Азефа к тем уголовным свиньям, которые, как говорят французы, норовят жрать из двух корыт сразу — из революционного и полицейского. Однако в ту осень и зиму восьмого года он полагал, что следует еще и еще уточнить и перепроверить некоторые неясности.

А Фигнер, Вера Николаевна Фигнер... Сподвижница Желябова и Перовской, она и теперь, спустя четверть века, смертельно бледнела при малейшем упоминании о Сергее Дегаеве, этом предшественнике Азефа. Да, она пережила дегаевщину, союз Дегаева с

тайной полицией, его махинации, пережила погром «Народной воли» и вот... была на стороне Азефа. Она считала, что многое, слишком многое основывается на внешних «впечатлениях», что даже «архибуржуазные судебные установления» отметают «впечатления». Что же до показаний Бакая, экс-революционера и экс-охранника, то «кто раз продался, может и еще продать», да и вообще услуги его — самоутопление собственной мерзости. (Все эти соображения В. Н. Фигнер письменно высказывала П. А. Кропоткину.) Словом, Фигнер была на стороне Азефа, и Лопатину ничего не оставалось, как только пожимать плечами.

Между прочим, когда накануне суда Савинков заверял Азефа в безусловном доверии, Азеф меланхолически вздохнул: дескать, скажут — доверие, доверие, вот же Фигнер-то верила Дегаеву... И теперь, когда суд разбирает дело, Азеф не очень-то надеялся на влияние своей нежданно-негаданной защитницы.

И все же на первых порах он не терял присутствия духа. Колесил в европах, благо денежки, как всегда, водились («из двух корыт»), немка, бывшая кафешантанная певица, была любовницей приятной во всех отношениях. Хотя и случалось взгрустнуть по оставшимся в Париже жене и детям — злодейство и сентиментальное чадолюбие совместимы, — жилось Азефу не худо.

Однако чем дольше затягивалось разбирательство, тем больше он нервничал: Азеф чуял, что есть нечто весьма и весьма важное, скрытое от него Савинковым. Не выдержав, не дождавшись решения третейского суда, Азеф приехал в Париж.

Савинков признал, что судьи располагают одним чрезвычайно веским показанием. Каким именно? Нет и нет, он, Савинков, ответить не вправе. Далее произошел диалог, печатно воспроизведенный Савинковым десять лет спустя.

— Опять какой-нибудь Бакай? — настороженно спросил Азеф.

— Нет, не Бакай.

— Но чиновник полиции?

— Не знаю.

Азеф переменял разговор.

— Кропоткин подозревает двойную игру?

— Да.

Азеф помолчал. И вдруг рассмеялся.

— Да, конечно, не очень-то вы умны, чтобы нельзя было вас обмануть.

Через несколько минут он сказал:

— Ты говоришь, есть еще показание? Верно, из полицейского источника?

— Не знаю...

Выходит, Савинков сдержал честное слово, данное Бурцеву, — не указал Азефу источник наиважнейшей информации.

Так ли это?

Окончание следует.

**Они сами
о себе**

**ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ ОЧЕРК МИШЕЛЯ ЗЕЙФЕРТА,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ В ЗАПАДНОГЕРМАНСКОМ
ЖУРНАЛЕ «ШТЕРН».**

а на досуде следователь грабни

На каждое утро во дворце правосудия Гента, в Бельгии, можно было наблюдать одну и ту же сцену. В коридоре первого этажа перед служебными кабинетами встречались следователь Ги Жеспер и его коллега Николь де Вий. Веселый темноволосый Жеспер приветливо, как всегда, говорил: «Доброе утро, Николь. Как дела?» И следователь Вий отвечала ему любезно: «Доброе утро, Ги. Дела идут». Затем он входил в кабинет № 30, а она в кабинет № 31. Так было и 28 февраля 1977 года.

У хозяйки тридцать первой комнаты был несомненный артистический талант, поскольку уже неделю Николь де Вий, не изменяя дружески-профессиональному церемониалу, держала милого соседа и сослуживца на мушке, как главаря гангстерской банды и убийцу жены.

Когда не сработал стоп-сигнал

Теперь следователь Жеспер со своими четырьмя сообщниками сидит в тюрьме. Его служебный кабинет опечатан, и табличка с его именем снята с двери. А скандал все еще потрясает органы юстиции. Говорят о мафии: ведь главные действующие лица в этой истории — следователь, директор банка, адвокат, владелец сомнительных заведений и арендатор бензоколонки.

На след этой банды напали случайно — из-за испорченного заднего сигнального фонаря автомашины. Было воскресенье, 20 февраля 1977 года. На кольцевом шоссе вокруг Гента полицейский патруль обратил внимание на машину с незажигаемся красным сигналом, но пришлось изрядно потрудиться, пока ее заставили остановиться. Водитель так нервничал, что у полицейских возникло подозрение. Они тщательно осмотрели машину. В багажнике были обнаружены два пакета. Их содержимое — золото и драгоценности на сумму в 1,3 миллиона западногерманских марок.

Так как водитель не мог объяснить происхождение драгоценного груза, его задержали и доставили в кабинет следователя Николь де Вий. Эта решительная женщина вскоре заставила задержанного заговорить. Признания водителя, оказавшегося Жаком ван Рентергэмом, арендатором бензоколонки и владельцем небольшой авторемонтной мастерской, было началом разоблачения серии преступлений, совершенных в разных частях города, особенно в его старых торговых кварталах.

Бандиты работали так

Вечером 1 февраля два вооруженных человека вломилась в квартиру семидесятивосьмилетней Дианы ван ден Хэн в шикарном доме в самом центре города. Хозяйку заперли в одной из комнат и унесли ее драгоценности на сумму 600 000 марок.

Напуганная Диана ван ден Хэн обратилась на следующий день за помощью и советом к хорошему другу, следователю Ги Жесперу.

С его родителями ван ден Хэны долгие годы поддерживали самые тесные отношения. Этот глубоко уважаемый ею юрист посоветовал ей положить все свои ценности на хранение в сейф «Кредитного банка».

Через некоторое время она сообщила Ги Жесперу, что абонировала в банке на площади Кутэр сейф, и даже назвала ему комбинацию цифр, с помощью которых открывалось это хранилище ее немалых, к слову, сокровищ.

Когда через несколько дней она снова пошла в «Кредитный банк», открыть сейф она не смогла: на запоре был набран другой шифр. Служащие банка вскрыли сейф. Он был пуст. Деньги, драгоценности и ценные бумаги — всего на три миллиона марок — исчезли.

Часть украшений, пропавших во время известного уже читателю нападения на квартиру старой дамы, а также некоторые ценности из банковского сейфа полиция обнаружила в машине Жака ван Рентергэма.

А следователь караулил

Автомеханик показал на первом же допросе, что наводчиком в ограблении миллионерши был Ги Жеспер, с которым он уже несколько лет находится в приятельских отношениях. За следователем было установлено наблюдение. А один из свидетелей, явившихся в полицию, позднее, во время проводившегося опознания, указал на Ги Жеспера, стоявшего в ряду пятнадцати мужчин, как на человека, который участвовал в ограблении квартиры ван ден Хэн вечером 1 февраля.

Банда имела связи о привилегированных слоях гентского общества. Следователь Жеспер укрывал награбленную бандой добычу в сейфе филиала «Кредитного банка», директор которого Эрвин ван Бюндерве — его близкий друг и тоже сидит теперь за решеткой.

Когда полиция задержала машину с испорченным задним фонарем, ее водитель, Рентергэм, держал путь от Бюндерве к четвертому члену банды, Люсьену де Крамеру, владельцу самого развратного в городе ночного клуба. В саду, у его дома, бандиты намеревались закопать оба пакета. Люсьен де Крамер тоже входит в круг друзей Ги Жеспера. В его загородных аристократических домах порока следователь был частым гостем.

Пятый член банды — адвокат Жан Лу Верхаген. Он давно был в дружеских отношениях с Ги Жеспером и на прежних судебных процессах выступал защитником содержателя ночного заведения де Крамера. На следующий день после ареста ван Рентергэма Верхаген позвонил миллионерше ван ден Хэн и сказал, что если она не станет впутывать полицию, то он сможет урегулировать вопрос с ограблением. Они договорились о встрече. Когда же Верхаген пришел в дом старой дамы, там его встретила полиция.

Между тем владелец автомастерской ван Рентергэм давал все более откровенные показания в кабинете следователя де Вий во

дворце правосудия. В это время Ги Жеспер сидел в соседней комнате, даже не подозревая о том, что его сообщник помогает распутать дело Розины Жеспер, покойной жены следователя.

В ноябре 1975 года Жеспер пришел в мастерскую Рентергэма и попросил установить в его машине зажигательную бомбу. 21 ноября Розина Жеспер поехала за покупками. В центре Гента бомба взорвалась. Но Розина случайно не пострадала.

Ее супруг тотчас нашел объяснение этому покушению. Бомба, заявил он журналистам, предназначалась для него самого. Это был якобы акт мести банды торговцев наркотиками, двух членов которой он как раз посадил за решетку. Это дело Ги Жеспер расследовал сам. Преступников он, естественно, не нашел.

Восемь месяцев спустя Розина Жеспер все же погибла. 27 июня 1976 года она возвратилась домой с теннисных кортов. Только что она выиграла турнир и стала чемпионкой аристократического теннисного общества Гента. Дома она пошла в ванную комнату, а через полтора часа ее девятилетний сын Ален нашел мать мертвой в ванне. Вызванный Жеспером судебный врач констатировал, что тридцативосьмилетняя женщина умерла от сердечного приступа. Без какого-либо дальнейшего расследования обстоятельств ее смерти признали происшедшее несчастным случаем.

Однако теперь это обстоятельство решили проверить. Полиция в естественную смерть Розины Жеспер больше не верит.

Увеселительные прогулки Ги Жеспера

В воскресенье, в пять часов утра полиция прибыла к дому в Дестельбергене. Ги Жеспер был арестован по подозрению в ограблении, в покушении на жену и в ее убийстве. С этого времени «скандал Жеспера» уже не сходил со страниц бельгийских газет.

До тех пор о Жеспере говорили и писали только хорошее. Он — сын богатого коммерсанта — обращал на себя внимание как самый молодой следователь в истории юстиции Бельгии. Семья Жеспера принадлежала к сливкам общества в Генте. Его отец нажил состояние, будучи импортером льняного полотна в Варшаве. В Варшаве и родился Ги. Перед самой второй мировой войной семья возвратилась в Гент. После школы Ги Жеспер изучал юриспруденцию. Сразу после экзамена прилежный молодой юрист получил почетный пост личного секретаря бельгийского министра финансов Вилли Клерка, человека из аристократических кругов Гента. Как протеже влиятельной либеральной партии Жеспер поступил в 1968 году на службу в органы юстиции.

В том же году умер его отец. Жеспер унаследовал миллионы. Он стал членом «Лионского клуба» и других аристократических обществ и компаний. Он играл в бильярд с бургомистром и другими почтенными людьми Гента в одном клубе. Его повсюду любили, у него было много друзей в экономических и политических кругах.

Жена и оба их сына — Мишель и Ален — все реже видели Ги дома. Забыл он и старых друзей, превратившись в завсегдатая ноч-

ных ресторанов и клубов Гента. Ловкий владелец этих заведений де Крамер стал его другом. Он организовал для следователя увеселения, в которых Ги расширял круг полезных знакомых и заводил все более широкие деловые связи. На предостережения друзей и близких Ги Жеспер отвечал: «Со мной ничего не может случиться. Я слишком много знаю. Если я заговорю, то полетят многие головы».

Во время следствия он сидел в камере № 15 городской тюрьмы. Тюремные стены отделяли его от других заключенных, которых он, как следователь, сам посадил за решетку. А бывшие соучастники темных махинаций бывшего следователя притихли пока, опасаясь, что Ги и впрямь заговорит. Но он молчал, зная длинную руку тех, с кем кутил на шальные разбойные деньги.

И его молчание было оценено гентскими судьями, которые вели этот «процесс века». Они «пожалели» своего бывшего коллегу и спасли его от заслуженной им смертной казни.

Ги Жеспер приговорен к двадцати годам каторги. Де Крамер получил пятнадцать лет.

Перевод с немецкого М. Колдаевой.

Рис. С. ТЮНИНА.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

И МУНДИРОВ НЕ ИСПУГАЛИСЬ

Во время съемок в английском городке Рамсгейт фильма по детективной новелле Раймонда Чандлера «Глубокий сон» вор в суете массовки вскрыл багажник автомобиля, в котором на площадку привезли зарплату для статистов. Было похищено 2000 фунтов стерлингов наличными и чек на 2500 фунтов. По иронии судьбы статисты в большинстве своем играли полицейских и были одеты в форменные мундиры.

ДАЖЕ СПАСИБО ЕМУ СКАЖУ...

Домохозяйка Ноллис Шарп из Лос-Анджелеса отказалась подавать в полицию жалобу на грабителя, который набросился на нее во дворе ее дома, отнял полиэтиленовый мешочек, что был в ее руках, и убежал. Мисс Шарп объяснила свидетелям этой сцены, что в такие мешочки она каждое утро собирает объедки и нечистоты от своего пуделя. А до мусорного ящика так далеко...

ЕЩЕ О СУВЕНИРАХ...

Харви Хьюз, 48 лет, выписанный домой после выздоровления из палаты сердечников госпиталя Индианополиса, штат Индиана, собрал свои пожитки, отправляясь домой. Вдруг сестра заметила угол простыни, выбившийся из его чемодана. Вызванные полицейские извлекли оттуда еще 132 предмета, «взятых на память» о госпитале. Там были стетоскопы и термометры, шприцы и иглы, больничные халаты и полотенца, куски мыла и коробки с детской присыпкой, ложки и вилки... Из госпиталя Хьюз заехал в местный суд, а потом отправился в тюремную камеру.

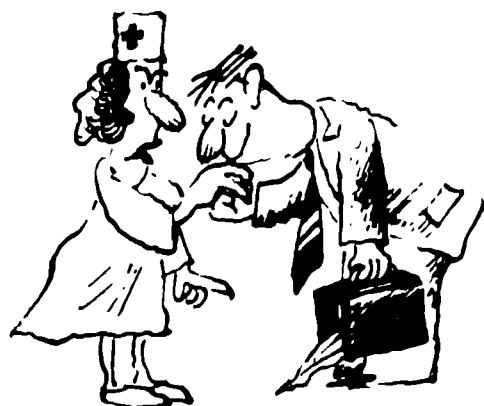
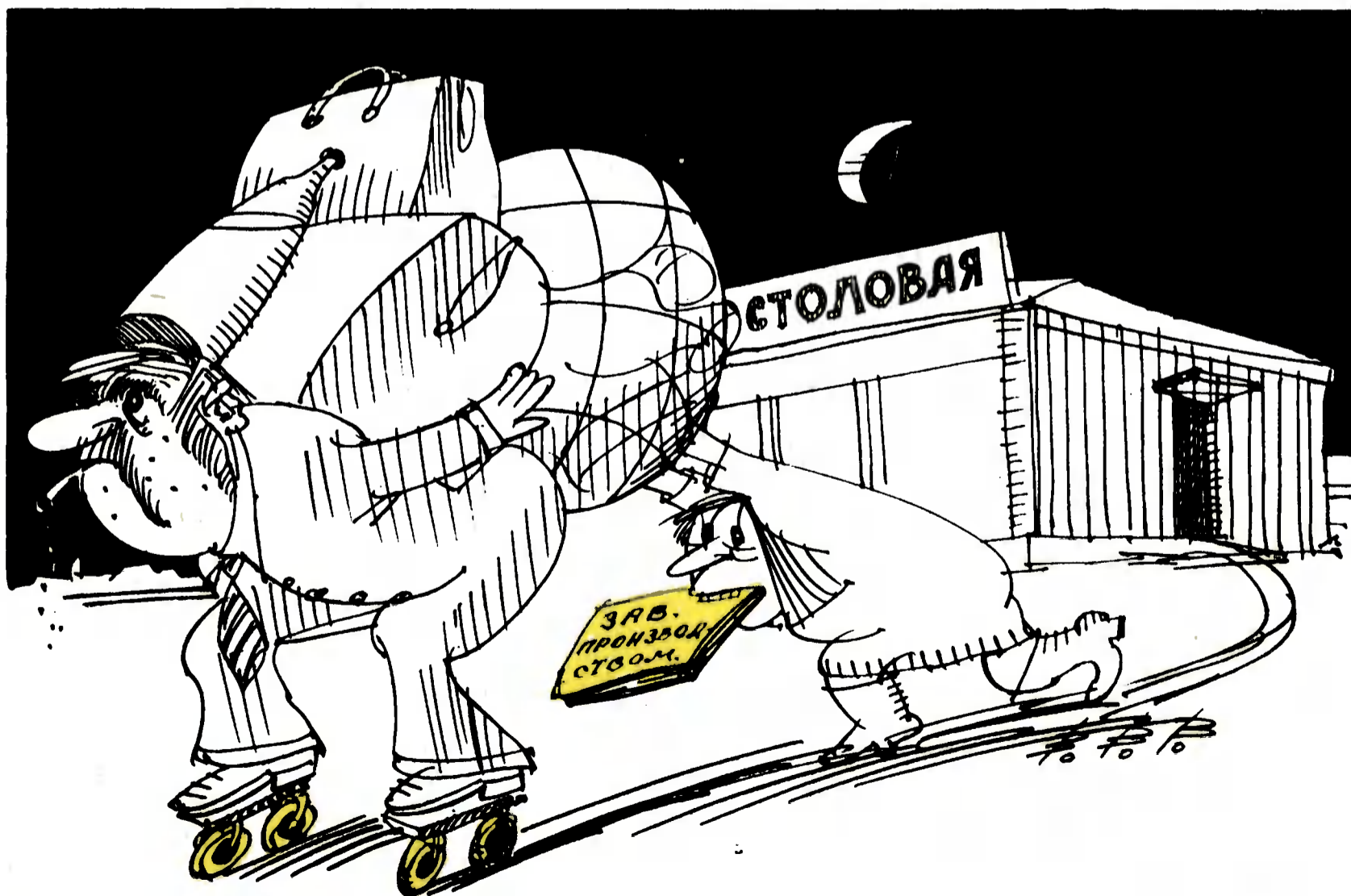

Рис. О. ТЕСЛЕРА.

— С чего начнем рабочий день?

Для дома, для семьи.

Рис. В. ВОЕВОДИНА.

